

Камбаралы
Бобулов

ДЕВУШКА С ЮГА

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

ПЕРЕВОД С КИРГИЗСКОГО

Советский
Писатель
Москва • 1964

Девушка с юга Повесть

У каждого человека есть свои привычки. Когда нет никого дома, я люблю вышивать, напевать или просто мечтать. Это – мои привычки. Чего я не люблю? Подтрунивать над кем-нибудь и, конечно, сплетничать. Противно! Еще я не люблю обращать на себя внимание, выделяться, будь то в школе или на улице.

Когда случается идти с мамой в гости, я стараюсь вести себя сдержанно, даже строго. Ни в какие разговоры не лезу. Если, о чем спросят, отвечаю – односложно: «да», «нет».

Тетушки и бабушки обычно целуют меня в лоб и приговаривают: «Да пошлет тебе Аллах много лет жизни». А некоторые, когда ругают своих дочерей, говорят: «Бери пример с Гуляим. Какая умница! Тихая, скромная, может за целый день и слова не проронить. А как почитает старших! Счастье тем, у кого такие дети».

Я, не скрою, этим довольна. И стараюсь, разумеется, вести себя еще лучше.

Ой, до чего я расхвасталась! Даже самой стыдно стало. Я уже краснею.

Отец с матерью и братишкой уехали с утра В Ош, на базар. Мы с сестренкой остались дома. Я заперла ворота на замок, развесила во дворе одеяла. Они просушились, и я занесла их в дом. Сделала то, что велела мама.

Время уже за полдень. Теперь можно сидеть спокойно и вышивать.

Я смотрю в окно. Вверху по асфальтированной дороге мчатся взад и вперед грузовые машины с людьми. Разные бывают люди. И ведут себя по-разному. Одни, сидя в кузове, энергично машут руками, шумят. Другие поют. А некоторые едут, обнявшись на виду у всех с девушками. И им не стыдно?!

Эх, если бы мне сесть в машину и поехать далеко-далеко... Меня хвалят за скромность, учтивость, кротость. Но кто знает, что у меня на душе?!

се больше и больше я ненавижу наш двор, окруженный старым высоким коргоном¹. Он заслоняет от меня улицу, людей, жизнь. Дожди и снег его, правда, изрядно разрушили. В особенности после смерти деда. В западной части образовалась было даже дыра, и скотина соседей, пролезая в нее, не давала нам покоя. Но отец залатал дыру. Все стало как прежде...

Коргон у нас высокий, а дом – приземистый, неприглядный. В последние три-четыре года в нашем айыле² стали строить новые дома – большие, светлые. Это задевало отца. Ему тоже советовали построить новый дом и на новом месте. Но отец отказался. “«В этом доме», – сказал он, – жили мои предки. Тут я родился и вырос. И дети мои здесь родились...» Он только привел в порядок коргон. Старики прохожие останавливались, бывало, у нашего

¹ Коргон – глинобитный забор.

² Айыл – село.

двора и хвалили: «Ай-да-ай! Вот это коргон! Такой редко где встретишь. Хороший, видать, хозяин живет».

Отец слушал и радовался.

Во дворе у нас просторно – соток пять-шесть будет. Раньше мама и табак во дворе сажала. Теперь перестала: уж очень разрослись яблони, а в их тени табак не может расти. Мама этим огорчена. Я же довольна: ведь вся забота о табаке лежала на мне. Я и сажала его, и полола, и урожай собирала, и сушила. Осенью мама отвозила его на базар – в Ош или в Андижан.

Куда приятнее возиться с яблонями: наблюдать, как они цветут, как кружатся вокруг пчелы, как завязываются плоды, как они созревают, становятся красными, душистыми. Они такие красивые, что у меня, признаюсь, нет желания ни сорвать их, ни съесть. Только коргон скрывает их красоту.

Да что я все о нашем коргоне... Он ли повинен в том, что у меня на душе?!

...Мне уже семнадцать, и я, как перелетная птица, готовлюсь к дальним дорогам. Может быть, поэтому так тревожно у меня на сердце? А может быть, из-за другого: отец с матерью зачастили почему-то на базар. В прошлое воскресенье они привезли полный курджун покупок. Я порылась в нем и вытащила сапоги. «Это ты себе купил?» – спросила я отца. «Нет, дочка», – ответил он. Мне сапоги понравились, и я сказала: «Они, кажется, хромовые. Кому же вы купили?» Отец промолчал. Но я заметила, что на его лбу выступил от волнения пот. «Чего пристала? – зло произнесла мама и выдернула из моих рук сапоги. – Раз купили, стало быть, надо».

Что это значит? Сапоги большие, куда больше того размера, который носит отец. Значит – не для него. Для кого же? И мать не ответила.

Я подумала, подумала и, кажется, поняла. У меня захолонуло сердце, и голова пошла кругом. Я еле-еле удержалась на ногах.

Отец вышел. А мать, вместо того чтобы успокоить меня, принялась ругать. Она всегда так... С тех пор я стараюсь избегать и отца и ее. Но куда ни пойду, всюду за мной, кажется, шагают эти сапоги: тук-тук-тук... Оглянусь – никого. Кто же он, тот человек, кому куплены эти сапоги? Не жених ли мой? Но ведь я его совсем не знаю. И никто мне ничего о нем не говорил. Кого расспросить? Мать? Она меня опять отругает.

Все больше и больше овладевает мною тревога. Иногда я смотрю на коргон И шепчу, как безумная: «Может быть, ты знаешь человека, которому куплены сапоги?».

...Вечереет. Поскорей бы вернулись родители с базара... Душа болит. Что делать? И вышивать надоело. Может быть, взять книгу? Нет, не хочется.

Я взобралась на крышу дома и стала смотреть по сторонам. Вдали, возле какого-то сарая, сажают табак... Со стороны Кызыл-Кия приближается грузовик. В нем несколько девушек в разноцветных косынках и парней. Один из них узнал меня, замахал рукой и озорно пропел:

Мимо вашего дома
проезжаю я с песней, Гуляим,
и спрашиваю:
«Кого и когда ты полюбишь?»

Все засмеялись. А у меня на душе стало еще грустней и тревожней. «И зачем взобралась на крышу? – сердилась я на себя. – Они могут подумать, что я кого-то высматриваю, кого-то дождаюсь. Могут ослабить».

Стоит у нас девушке встретиться днем с юношей на улице, как обязательно пойдет: «И до чего мы дожили! Вот бессовестная! Никакого тебе стеснения. Ну и времена! Разве может такая принести кому-нибудь счастье? От нее только горя и жди». Весь айыл облетит сплетня. Девушке нельзя будет и шагу ступить. «Мы в твои годы так не делали, – примется корить ее

мать, – Как теперь смотреть в глаза людям?!» Изведут бедняжку. А за что?

Эх, сколько пролито напрасно девичьих слез! Ни один парень не стерпел бы того, что терпит девушка. Девушка должна быть осторожной, предусмотрительной, сообразительной. То, что простительно юноше, никак не простительно ей. Мужчине все сойдет с рук. У нас есть даже поговорка: «Разве от мужчины уйдет осел?» Вот и терпи.

...Помню – мне было тогда девять лет – однажды под вечер я играла с ребятами в прятки. Мы увлеклись и не заметили, как стемнело. Я спряталась с Шарипом – соседским мальчиком – в овраге. Искал нас длинноногий Кадыр. «Пусть помучается, – думала я, – в прошлый раз я мучалась, когда искала его».

Прошла минута, другая...

– Гулкуш! – глухо донесся к нам голос моей мамы (мое настоящее имя Гуляим, но дома меня зовут Гулкуш). Я хотела откликнуться, выбежать из оврага. Но Шарип удержал меня.

– Не смей! – приказал он строго. И я послушалась его.

Мы притаились. Мама с ребятами приблизились к оврагу.

– Гулкуш! Гулкуш! – звала она еще громче.

Что было делать? Шарип зажал мне ладонью рот.

– Тетя Карамат, – расслышали мы Кадыра. – Она где-то спряталась с Шарипом, и мы вот уже полчаса никак не можем их найти. Будто бы сквозь землю провалились.

Противный Кадыр. Это он мстил мне за то, что я спряталась не с ним, а с Шарипом. «Даже моя собачка не станет прятаться с тобой», – сказала я ему. Он очень обиделся. А теперь выдал меня матери: Гуляим, видите ли, спряталась с Шарипом. Думайте что хотите.

– Гулкуш, выходи! – сердито крикнула мама.

Мы с Шарипом испуганно переглянулись. Голоса смолкли. Было лишь слышно, как шелестит в стороне от легкого ветра кукуруза.

Но вот снова Кадыр:

– Тетя Карамат. Они, наверно, спрятались в овраге.

Мы прижались к земле, лежим и не дышим.

Сквозь темень я разглядела белый платок матери.

– Ах ты бесстыжая, – схватила она меня за руку. – Я зову, а ты молчишь. Разве ты не слышала меня? Я ведь уже охрипла.

Я опустила голову. Шарип пытался меня защитить:

– Она ни в чем не виновна. Это я ее задержал.

Бедный Шарип, лучше бы ему не говорить этого. Мать набросилась на него:

– Как ты смеешь так разговаривать?! Щенок! – Она даже толкнула его.

Кадыр был доволен. Он наблюдал за всем и посмеивался. А я шла рядом с матерью и дрожала от страха. Вот мы уже у нас во дворе. Мама закрыла ворота. Я подумала, что сейчас она будет бить меня.

– Мамочка, – кинулась я к ней, – не бей.

Но она и не собиралась этого делать. Она усадила меня на колени, погладила по голове и спросила:

– Ты с кем играешь?

Она говорила спокойно и вместе с тем строго.

– С ребятами, – ответила я, не подозревая того, что скрывалось за ее вопросом.

– А кто ты? – так же спокойно и строго произнесла мама.

Я удивилась тому, о чем она спрашивает. О боже, о чем это она?

– Я Гулкуш, – ответила я и крепко обняла маму. – Ваша дочь.

Она не изменилась в лице.

– Знаю, что ты Гулкуш, что ты моя дочь. И все это знают. – Мама тяжело вздохнула. – Но ты не думаешь о том, что не вечно ведь жить тебе в доме отца. Недалеко то время, когда у тебя будет своя семья. А ты все еще играешь с мальчишками... Что люди подумают?!

Мама хотела еще что-то сказать, но я перебила ее:

– Я ведь не сделала ничего дурного... Мы прятались от Кадыра. – Обида душила меня,

и я заплакала. – И никуда я от вас не уйду...

– Моя дорогая доченька, – тихо сказала мама. – Будь умницей... Девочка не должна задерживаться в доме родителей. Такова издавна ее доля. Я тоже была такой, как ты. И меня тоже любили родители. Но я вышла замуж и оставила их дом... Ты должна быть к тому готова. И ты должна бояться дурной молвы: она липкая и долго держится. Побежишь, например, а тебя обзовут легкомысленной попрыгуньей, пойдешь спокойно, скажут – хромая, проронишь лишнее слово – болтушка, а будешь молчать – немая. Что поделаешь?! Такова девичья доля. – Голос матери стал мягче, добрее. – Я хочу, чтобы о моей Гулкуш никто не говорил ничего дурного. Вот почему ты не должна играть с мальчиками. Стыдно! Ведь люди могут сказать: «Старшая дочка Калмурзы ночью бегаёт с ребятами». Ты понимаешь, что это значит?! Нужно беречь честь нашей семьи и свою честь. В народе говорят: «Прежде чем свататься к девушке, нужно посмотреть на ее мать». Я об этом помню. Но и ты должна думать о своем будущем. Поняла, дочка?

– Поняла, – ответила я с тоской. – А днем играть можно?

– И днем нельзя, – резко сказала Мама. – С мальчиками – нельзя.

– Но ведь тут вблизи нет у меня подруг, – сопротивлялась я. – С кем же мне играть?

– Ни с кем, – настаивала на своем мама. – Хватит того, что ты балуешься в школе. Ты уже не маленькая, девять лет... Учись вышивать, варить... Раньше в десять лет уже выдавали замуж...

Ой как горько мне было это слышать. И почему я родилась девочкой? Лучше бы совсем не родиться. Нет, решила я, как бы меня ни заставляли выйти замуж, я никогда этого не сделаю, никогда и никуда не уйду из родного дома. «Клянусь!» – мысленно произнесла я и крепко сжала свои кулачки.

...Признаюсь – то было детство. Я не подозревала тогда, как далеки мои мысли от жизни. Девушка, подрастая, сама тяготится родительским кровом. Но разве поймешь это в девять лет?! Я была еще совсем ребенком, и мне, конечно, очень хотелось играть со своими сверстниками. Но мать наложила на то строжайший запрет. Иногда мне удавалось его нарушить. Но мама задала мне однажды такого жару, что играм пришел конец.

В свободное от школы время я помогала ей пор дому – варила, вышивала, строчила на швейной машине. И это мне, честное слово, удавалось. В нашем айыле я лучшая рукодельница. Дайте только выкройку, и я сошью самое модное платье. Ну и хвастунишка же я, неправда ли?

Говорят, что братья бывают придирчивы к сестрам. Моему братишке Туратбеку шесть лет. И мы с ним часто ссоримся. Начинает ссору он, а виноватой оказываюсь каждый раз я. Почему? Постараюсь ответить на этот вопрос.

У моих родителей трое детей: я – самая старшая, моя сестра Шарапат и самый младший – Туратбек. Когда не было еще Туратбека, отец часто ругался с матерью, он кричал ей: «Карамат, когда я наконец услышу голос моего сына?» Будто бы это зависело от нее, будто бы она месила тесто. Отец очень злился. В день, когда родился мой братишка, папа упрятал меня в свой тулуп, чтобы я не видела того, что творится дома, и сказал:

– Если мама родит сейчас мальчика, то ты бегай айыл и извести всех о нашей радости. Он был возбужден.

– А если она родит девочку? – спросила я, не понимая, какие страдания ему доставляю. Отец нахмурил брови и схватился обеими руками за голову.

– Молчи! – прикрикнул он на меня и нервно шагнул из угла в угол. – Твоя мать родит сына.

Я смотрела на отца, и мне стало жаль его. Я тоже захотела, чтобы мама родила мальчика.

– Гулкуш, – сказал мне отец, – если родится девочка, то ты никуда не ходи и никому ничего не говори.

Я удивилась:

– Почему?

Он старался мне объяснить:

– Тут нечему радоваться. Можно только горевать. Стыдно.

Я не поняла и этого.

– Почему стыдно? – допытывалась я.

Отец махнул рукой и замолчал.

Мой братишка родился нелегко.

– Умираю! Умираю! – вопила мама. – О Калмурза, – звала она отца, – простись со мной.

Мама лежала в соседней комнате, окруженная женщинами. Отец не вошел туда. Он приоткрыл дверь, просунул в нее голову и дрожащим голосом произнес:

– Ну, старушка, прощай!

Мама продолжала кричать. Отец, испугавшись, бросился к ней. Но мама прогнала его:

– Не показывайся мне на глаза!

Он выбежал из ее комнаты весь в поту, будто бы его гнали палками, и ругал себя:

– Дурак, дурак, зачем я ее послушался...

Отец не зря ругал себя. Он хотел, чтобы мать рожала в больнице, а она не согласилась: «Двух детей родила дома и третьего рожу». Меня и сестренку мама родила легко. Она надеялась, что так будет и на этот раз.

Измученный отец ждал: всему ведь приходит конец. Ждала в страхе и я.

За полдень раздался пронзительный крик новорожденного. «О дорогой мой, О дорогой», – исступленно шептал отец, угадав в крике новорожденного мальчика. Тотчас из комнаты матери выскочили женщины и радостно возвестили: «Мальчик! Мальчик!» Они окружили отца: «С тебя причитается!» Все пошло к матери. Я вылезла из тулупа и тоже юркнула к ней. Рассматривали новорожденного, хвалили его. Отец прислонился к кровати и сказал матери:

– Я только об этом и мечтал. Теперь всю жизнь буду тобой доволен.

Я никогда не видела его таким счастливым.

– С тебя причитается! – снова заголосили женщины.

Отец тотчас же вынул из внутреннего кармана пиджака пачку денег и кинул их им. Деньги разлетелись. Женщины, толкая друг друга, бросились их подбирать.

– Подальше, подальше от моего сына! – кричал им отец.

– Гулкуш, ты что стоишь?! – накинулся он на меня. – Беги по айылу и оповещай всех о нашей радости. И проси у каждого суюнчи³. С них тоже причитается. Беги, дочка, беги.

Я была уже во дворе, а он все кричал мне вдогонку:

– Обегай все дома! Скажи, что мама родила мальчика! Пусть все знают, что у меня теперь есть сын.

Я не чувствовала земли под ногами. «Суюнчи! Мама родила мальчика!» – задыхаясь, повторяла я в каждом доме. Люди улыбались мне в ответ и сочувственно произносили: «Да будет так, как ты говоришь. Твой отец, бедняжка, все время жаловался, что у него нет сына. Пусть теперь он порадуетя». И давали мне деньги.

Вот я обежала уже все дома и очутилась на краю айыла. По дороге ехал старик на ослике. Я – к нему.

– Дедушка!

Он остановился.

– Что, доченька?

– Суюнчи! Мама родила мальчика, – выпалила я, ничуть не стесняясь.

– Вот хорошо, – оказал старик и погладил меня по голове. – Надо дать, надо дать. – Он порылся в кармане и вытащил пять рублей. – Чья ты дочка?

³ Суюнчи – вознаграждение за хорошую новость.

Я бойко ответила:

– Калмурзы.

– Калмурзы, Калмурзы, – старался припомнить старик. – Кажется, я его знаю. Передай родителям, что и я рад за них. Пусть мальчик вырастет умным и здоровым.

Ослик снова засеменил по дороге. А я побежала домой, не ведая того, сколько слез принесет мне мой брат, о рождении которого я сейчас с таким восторгом всех оповещала. В этом, правда, не только он был повинен.

Много людей пришло к нам на торжество. Старца Арзымата, который нарек новорожденного Туратбеком, отец одарил большим тулупом. Туратбек, Туратбек, Туратбек... С тех пор это имя стало самым любимым и дорогим в нашем доме. Туратбек стал кумиром: все жили им. Что я и моя сестренка?! Существовал на свете только Туратбек.

В три месяца мой братишка улыбнулся. И счастливый отец оповестил об этом весь айыл. В десять месяцев он сделал свой первый шаг. И об этом все узнали. «Уже ходит, уже ходит», – говорили мы всем. Отец помчался в районный центр и привез сыну красивейшую одежду. А что было, когда Туратбек выговорил «а-та!». В честь этого зарезали овцу. Отец, встречаясь с односельчанами, только и твердил: «Представляете, мой сын уже назвал меня атой».

Все лучшее, что было в доме, предназначалось Туратбеку: еда, постель, одежда... На улице пасмурно – в доме переполох: «Как бы Туратбек не простыл». Ярко светит солнце – опять же переполох: «Как бы Туратбек не перегрелся». Делалось все, что он захочет. Я и сестренка будто бы и не существовали.

Однажды мама уехала гостить к своим родственникам. Я пришла из школы, прибрала в доме, вымыла посуду. Туратбек гулял на улице. Но вот он прибежал весь в грязи, босой, с какой-то палкой, которая заменяла ему лошадь, и с гиканьем пронесся по комнатам, опрокидывая вещи. От моей уборки не осталось и следа. Туратбек же высунул язык и начал кривляться. Я не стерпела:

– Пока цел, вон отсюда!

Но он и глазом, как говорят, не моргнул. Больше того! Он, чтобы досадить мне, повалился в верхней одежде на чистую кошму и несколько раз перевернулся на ней. Потом принялся колотить по ней грязными ногами. Он явно издевался. Что было делать? Я схватила его за уши и потащила к двери. Он расвирепел, стал отбиваться ногами, а руками вцепился мне в волосы, я повалила его на пол.

– Вон из дому!

– Ишь чего захотела, – дразнился он.

– Говорю, вон из дому!

– Сама вон! – орал он.

Он был младше меня на шесть лет, но справиться с ним я не могла. Он это чувствовал.

– Я расскажу все маме – сказала я сквозь слезы.

– Рассказывай – равнодушно произнес он. И угрожающе: – Я тоже расскажу.

– Что же ты расскажешь?

– А то, как ты играла с мальчиками, – ухмыльнулся он.

Я было не поверила своим ушам. Как же так? Ведь это неправда! Но его ничуть это не смутило. Он пользовался тем, что мама, уходя куда-нибудь, обычно поручала ему: «Присматривай за тем, чтобы Гуляим не играла с мальчиками. Будет играть – мне расскажешь». Вот он и решил припугнуть меня. Тогда я схватила его за ноги и поволокла к двери.

– Вон из дому! – крикнула я что есть силы.

Туратбек упирался.

– А дом что – твой? – вызывающе бросил он мне.

Я буквально оцепенела от ярости и бессилия. Я знала, что скрывалось за этим его вопросом.

– Выходи, – я дала ему встать.

– А ты знаешь, чей это дом? – язвительно сказал он. – Это дом твоего брата Туратбека. – И он, резко повернувшись на носках, побежал к кошме и аккуратно уселся на ней, подобрав под себя ноги. – Папа не раз говорил мне, что дом мой, – тыча себе пальцем в грудь, говорил Туратбек. – Твой дом не здесь. Поняла? Твой дом... – Я не дала ему продолжить. Я колотила его как могла. Он ревел и барабанил ногами. Я тоже, не скрою, ревела, но не от боли, а от обиды.

Туратбек не просил у меня прощения, Увидев, что я тоже плачу, он вытер свои слезы и еще больше осмелел.

– Ты выйдешь замуж и уйдешь отсюда, – продолжал он. – А я останусь здесь и буду кормить папу и маму, когда они станут старенькими.

На этот раз я промолчала. Когда я пришла в себя, то подумала: стоит ли жаловаться отцу или матери? Они скажут: «Нашла с кем связываться. Он ведь маленький, с братишкой нужно дружить». Вот и останусь я виноватой. Нет, лучше ничего им не рассказывать. Ведь не первый уже раз мы с ним ссоримся. И они его ни разу не наказали.

Вечером появился отец. Туратбек встретил его во дворе, взобрался к нему на плечи. Я посмотрела в окно. Он скорчил рожицу и высунул язык: вот, мол, как относится ко мне, к Туратбеку, папа. А ты что собой представляешь?

Да, я никогда не восседала так высоко, как сейчас восседал мой брат. Отец дарил мне игрушки, сладости, целовал в лоб. Но он не поднимал меня на свои плечи и не носил так, как носит сейчас Туратбека. Почему? Только потому, что я девочка. Вот сейчас я подошла к нему и хотела обнять. Он отстранился и даже пристыдил меня:

– Разве взрослые девочки обнимают отца?

Взрослыми называют у нас тех, которым пора выходить замуж. Мне тринадцать лет, и учусь я в шестом классе. Для отца я уже взрослая. И для матери, конечно. А я все еще не чувствую себя взрослой. Как они этого не поймут?!

Кто бы ни зашел к нам, обязательно обратит внимание на гору одеял, аккуратно сложенных у стены. Они – главное богатство и украшение дома. На них – ни пылинки. Это – не простые одеяла. Три из них – стеганные сатиновые, пять атласных, семь шелковых... Ими никто не пользуется, даже самый что ни на есть почетный гость. Только иногда мы с мамой их разбираем, проветриваем. Потом укладываем, как прежде.

В той же комнате в застекленном шкафу расставлены цветные пиалы, чайники, тарелки. На стенах – два кашкарских ковра. А в углу – большой сундук, запертый на замок. Что в нем? Я давно хотела стащить у матери ключ от сундука, чтобы заглянуть в него. Но мне это не удавалось. Лишь недавно мама сама открыла его и все показала.

Чего в нем только не было! Около сорока женских платьев и отрезков из шелка, ситца и шерсти. Платки и туфли. Лаковые сапожки.

Да это, оказывается, мое приданое! Мать, заплетая мои косы, разоткровенничалась:

– Эти вещи мы бережем для тебя, доченька. Ты ведь старшая у нас. Тебе не придется краснеть в чужом доме. Отец и я о том позаботились.

Она вспомнила, как ее выдавали замуж за моего отца. Приданое было поскромнее.

– Родители дали мне одну кошму, два коврика из овчины мерлушки, три ситцевых одеяла и две подушки. Покойная свекровь – женщина с ядовитым языком, скупая, – чтобы уязвить меня, обычно говорила: «Смотри на нее! Каким приданым ты можешь похвалиться? Пришла в наш дом, как бедная сирота, а еще важничает. Если бы у тебя было такое приданое, как у моей старшей невестки, тогда другое дело». Во мне и теперь все горит, когда вспомню. Я не хочу, доченька, чтобы ты, когда-нибудь слышала такие слова от своей свекрови. Потому мы и копили с дня твоего рождения это приданое. Тебя никто не посмеет упрекнуть.

Мамочка! Я, конечно, была ей благодарна за заботы обо мне. Но я готовила себя к другой судьбе и никак не могла разделить ее мысли.

Она же вздыхала и говорила о том, что давно в ней наболело, О чем не могла не поделиться со мной.

– Желаю, чтобы ты вышла замуж лучше своих подруг, чтобы ты попала в хорошую семью, чтобы жизнь тебе удалась. Тебе уже шестнадцать лет. В твои годы я уже стала женой твоего отца. Не жди добра от учебы, в семейной жизни от нее один вред: ни в чем друг другу не уступают, ругаются, разводятся... Лучше умереть, чем так жить!

Я молчала. Молчание, говорят, знак согласия. Нет, мое молчание не было знаком согласия. Я просто-напросто не хотела огорчать сейчас маму. Ведь она так любила меня!

...Помню, мне очень нравилась песня, которую она пела в дни моего детства:

Когда спросят:
чья это дочь
отправилась в долгий путь,
переплыла реку Испайрам? –
отвечу:
это моя Гулкуш...

Мама кончала петь, а я все просила: «Спой. Спой. Спой». И мама пела, пока я не засыпала.

Мне предстоял долгий путь. И нужно было переплыть не одну речку. Потому-то, вероятно, я и вспомнила теперь эту песенку, слышанную в раннем детстве.

У меня есть подружка, ее зовут Айзада. Мы до того привыкли друг к другу, что не можем и дня врозь провести. Кто-то даже сложил про нас песню:

В нашем айыле есть две девчонки
одинакового роста.
Ой-да, ой-да!
Ходим вокруг них и страдаем,
не знаем, как приблизиться.

Эту песню можно часто услышать на вечеринках.

Я и Айзада действительно одинакового роста. У нас длинные косы. Но подружка смуглее меня.

Отец Айзады был председателем колхоза в нашем айыле. В 1943 году он отправился на фронт и не вернулся с войны. Мать ее погоревала-погоревала и вышла снова замуж. У нее родилось еще двое детей. Айзада же не может забыть отца. Сколько лет уже прошло, а она все вспоминает его и плачет. “«Хоть бы фотография сохранилась”, – говорит она, – и то легче было бы».

Я доверяю Айзаде все свои тайны, и она – мне. Одна из самых больших ее тайн – переписка с нашим земляком, ныне студентом Ошского пединститута, Кемелом.

Они объяснились уже в любви и поклялись всю свою жизнь прожить вместе. Получит подружка письмо и спешит ко мне, чтобы показать. Кемел – парень тихий, сдержанный. Таким мы его знали. Но в письмах он совсем другой: напористый, страстный. Вот что делает с человеком любовь! Он пишет, что в Оше ребята и девушки ходят вместе, не стесняясь, и это не считается чем-то зазорным. У него есть друзья. Они вместе гуляют в парке или бродят вдоль реки Ак Бууры.

Мы им очень завидуем.

Айзада читает мне письма Кемела, а я в это время мечтаю о своей любви, которая еще не пришла, но мне, не прилетела. Я жду ее. О возлюбленный! Не мучь мое сердце! Я уже стосковалась по тебе.

Лицо Айзады горит, глаза блестят, когда она произносит обращенные к ней слова

Кемела. О чем они? О том, как он жаждет встретиться с ней, обнять и поцеловать ее... И она, я знаю, жаждет того же. Ей кажется, что она сидит сейчас не рядом со мною, а находится на берегу реки Ак Бууры, сидит, обнявшись со своей любовью.

– Гулкуш! – порывисто шепчет она мне. – Если бы сбылось то, о чем я сейчас думаю, я была бы счастливейшим человеком.

Я понимаю ее, но пытаюсь предостеречь.

– Ты не очень-то верь письмам. Он может и обмануть.

– Кемел не такой, – вспыхнула Айзада. – Я ему верю.

Я не спорила с нею. Трудно без веры.

Кемел в письмах приводил слова великих писателей о любви, дружбе, справедливости. Чтобы ответить ему, Айзада тоже находила умные слова. Я рылась в книгах и помогала ей в этом. Получалось не хуже, чем у Кемела. Письма Айзады достигали цели. Кемел совсем лишился покоя. Он писал, что не ест и не спит...

Я, не скрою, иногда посмеивалась в душе. Как это не ест и не спит? А раз даже не вытерпела и засмеялась в присутствии Айзады, когда она читала мне очередное письмо.

– Чему ты смеешься? – удивилась она.

– Как это может человек не есть и не спать?

– Что ты в том смыслишь? Влюбишься, тогда узнаешь, – покровительственно и добродушно произнесла Айзада.

Я хотела пошутить: у Кемела отличный аппетит, он, вероятно, сидит сейчас в столовой и уплетает за троих, да не один, а с какой-нибудь девушкой. И дрыхнет он бог знает до которого часа. Но она так верила в то, что он не ест и не спит, что я не решилась на шутку.

“– Да, такому джигиту, как Кемел, можно верить”, – сказала я. – И я от души рада за тебя.

Подружка прижалась ко мне; она совсем как ребенок.

– Гулкуш, дорогая, спасибо тебе.

Но можно ли было верить Кемелу? Все реже и реже приходили от него письма. Айзада встревожена.

– Ему сейчас, вероятно, некогда, готовится к экзаменам, – утешала я ее.

– Что значит некогда? – возмущалась подружка. – Любовь не знает такого слова.

Тяжело было смотреть на нее: голова опущена, глаза поблекли. Я пытаюсь ее ободрить, а она плачет.

– Вчера я видела сон, – рассказывала Айзада. – Стою на мосту Ак Бууры. Вокруг люди. Я ищу Кемела. Он идет с девушкой. Я кричу ему, хочу остановить. Он не слышит. Я расталкиваю толпу и бегу к нему. А он и девушка исчезли...

– Мало ли что может присниться – обнимаю я ее. – Сколько раз я умирала во сне. То, что снится, в жизни не сбывается. Разве ты этого не знаешь?

Прибыло письмо от Кемела, и Айзада преобразилась. Она буквально прыгала от радости. И глаза, какими стали ее глаза! Они лучились, смеялись, цвели. Вот что значит быть счастливой. Я даже позавидовала ей. Кемел, оказывается, был болен. Но теперь все уже позади. Он по-прежнему любит ее.

«Почему меня никто не любит? Чем я хуже Айзады?» – думала я.

Айзада сказала, что, когда кончит десятый класс, поступит в Ошский пединститут, на биологический факультет, и будет учиться вместе с Кемелом. Они будут гулять вдоль Ак Бууры... Зависть – плохое чувство. Но в такие минуты, слушая свою подружку, я испытывала зависть. Мне тоже хотелось уехать в Ош, учиться в пединституте, прогуливаться с любимым по берегу Ак Бууры...

Весной, в начале четвертой четверти, Айзада загоревала.

– Что делать? – металась она как в западне. Я никогда ее такой не видела. В чем дело? Расскажу.

...в нашем айыле есть юноша Эсенаман. Три года назад он окончил школу, но нигде с тех пор не работает, не учится, а живет у своих родителей, как девушка на выданье. Он

хорошо одевается, ездит в отцовской «Победе» то в Фергану, то в Андижан, то в Ош... С виду – привлекательный парень. Отец его – какое-то начальство на нашем районном базаре. Его все у нас знают. Мой отец как-то сказал о нем: «Абдулла – знаменитый человек. Кто ни приедет из района, из области, всегда к нему заглянет. Он и накормит, и напоит. Другого такого дома у нас в айыле не сыщешь. Большие у него связи».

Связи у него, должно быть, и в самом деле большие. Эсенаман попал недавно в тюрьму за то, что пытался украсть чью-то дочь. Но вмешался отец, и его быстро выпустили. Да, забыла упомянуть: он – единственный сын у родителей. Потому, говорят, они его и балуют. Я вспомнила об этом и подумала о нашем Туратбеке – он ведь тоже единственный сын...

Передают, что когда Эсенаман поехал было во Фрунзе учиться в медицинский институт, то Абдулла дал ему пять тысяч рублей. А тот прокутил их с друзьями и вернулся домой. Он даже вступительных экзаменов не сдавал. Испугался.

Вместе с ним отправился тогда во Фрунзе его товарищ Муратбек. О них говорили: два сапога – пара. Он учился немного лучше Эсенамана и потому, вероятно, пошел первым на экзамен по химии: с нее начинали. Эсенаман ждал его в коридоре и, конечно, волновался, – Муратбек, как и можно было предполагать, провалился.

– Если ты схватил двойку, то мне идти незачем, – рассудил Эсенаман.

– А может быть, тебе повезет, – пытался ободрить его Муратбек. – Тут ведь как в игре. Попробуй свою судьбу.

Но Эсенаман не был столь храбр, и он забрал документы и вернулся к отцу.

С тех пор у нас в айыле вошло в поговорку: «Сдавай экзамены не как Эсенаман». Так обычно напутствуют ребят, которые уезжают учиться.

И вот в один прекрасный день отец и мать Эсенамана заявили к родителям Айзады и вручили им двадцать тысяч – калым за Айзаду. Они знали, что девушка не любит Эсенамана и не согласится стать его женой. Потому тайно и договорились: Эсенаман, мол, украдет Айзаду. Когда же это случится, то мать Айзады – тетушка Кюльсун всполошит айыл криком: «О, пропала моя бедная дочь!» Но тогда уж никто не сумеет помочь Айзаде. И она вынуждена будет остаться с Эсенаманом.

Ложь и жестокость! И родители, оказывается, идут на это. Я имею в виду, конечно, мать Айзады, которая всюду хвасталась тем, что она очень любит свою дочь. Старые обычаи сильнее их любви. Как жаль мне бедную подружку! Не та ли участь ждет и меня?

Айзада узнала о тайном сговоре.

– Я не хочу выходить замуж за этого противного Эсенамана, – говорила она мне сквозь слезы. – Я люблю Кемела. Понимаешь?

Понять это нетрудно, но что с того? Чем я могу ей помочь?

И вот утром, на заре, когда я доила еще корову, донесся пронзительный крик тетушки Кюльсун. Она бежала по просыпающемуся айылу и орала что есть мочи:

– Ой, ой, люди добрые! Куда делась моя доченька?

«Значит, свершилось», – подумала в ужасе я. Ведро с молоком, зажатое в моих коленях, опрокинулось наземь. Я хотела бежать. Но куда?

...Еще вчера Айзада была у меня. Мы сидели одни. Она старательно расчесала мои волосы и заплела косички.

– Кемел пишет? – спросила я.

Она промолчала.

– Почему не отвечаешь? Ты сообщила ему о готовящейся беде?

– В том-то и дело, – грустно сказала Айзада.

– Ну и что? – допытывалась я. – Он, должно быть, приедет и устроит скандал? И он ведь любит тебя.

– Жди его. Он не приедет. «Чему бывать – того не миновать» – вот что ответил Кемел. Проклятый обычай! Все перед ним бессильны. «Будь счастлива», – пожелал он мне.

Я не верила тому, что слышала.

– Не может этого быть.

Айзада обиделась:

– Сомневаешься? А я думала, что ты моя лучшая подруга.

“– Покажи мне его письмо”, – сказала я.

Айзада вздернула голову и зло произнесла:

– Я сожгла все его письма и даже его фотографию.

Все это было еще вчера вечером. А сегодня утром...

Крик тетушки Кюльсун всполошил весь айыл. Мама выбежала на улицу. За ней и я.

– Пусть глаза мои не увидят больше солнца, если я не говорю правду, – клялась та. – Айзада спала рядом со мной. А когда я проснулась – обнаружила, что ее нет.

Бессовестная тетушка Кюльсун! Она царапала до крови свое лицо, надрывно рыдала, проклинала свою дочь, которая якобы опозорила их род. И все это было ложью.

– Пусть она всю жизнь мучается, как мучаюсь сейчас я, – орала тетушка Кюльсун. – Пусть она не знает ни одного радостного дня!

Мама старалась ее унять:

– Разве можно такое желать дочери?! Успокойся... Разное случается.

– Разное, – язвительно передразнила ее тетушка Кюльсун. – Посмотрим, что ты будешь делать, если такое случится с твоей Гулкуш.

И старые женщины, окружившие ее, поддержали и заголосили:

– Да, да, Айзада хуже собаки. Проклятие на ее голову!

Тут я не выдержала.

– Как вам не стыдно! – гневно крикнула я. – Айзада моя лучшая подружка, и я знаю, что она ни в чем не виновата. Это вы сами, – указала я рукой на тетушку Кюльсун, – сговорились с Эсенаманом...

Поднялся шум.

– Слышали?! – завопила тетушка Кюльсун, выпятив глаза. Казалось, что они вот-вот выскочат из орбит. – Эта бессовестная девчонка позволяет себе оскорблять меня. Не она ли уж сама виновна в позоре моей дочери?!

Мама схватила меня за плечи и затрясла.

– Гулкуш, ты, вероятно, что-то знаешь. Тогда скажи.

Обида душила меня. И я рассказала все, что знала.

– Она врет, она врет, – бросилась на меня тетушка Кюльсун. Она готова была вцепиться мне в волосы. Но ей помешала моя мама.

“– Не морочь людям головы”, – сказала она строго. – Гулкуш никогда не говорит неправды. Твоя дочь у Эсенамана, а ты рвешь на себе волосы. Ловко все подстроили.

Тетушка Кюльсун заюлила:

– Если то, что ты твердишь, правда, если мою дочь взял в жены Эсенаман, то я готова при всех целовать твои ноги. Но если ее украл другой, то ты будешь целовать при всех мои ноги. Согласна?

Мама рассмеялась.

– Глупая баба! Собиралась всех обмануть, да и попалась. Мне нет дела до твоей дочери и до тебя. Смотри, чтобы тебя кто не украл...

Она взяла меня за руку и потащила домой.

– Струсил? – кричала нам вдогонку тетушка Кюльсун. – Струсил!

Все, однако, произошло не так, как я предполагала и в чем убедила маму. И зря я так обидела тетушку Кюльсун.

Оказалось, что в ту ночь, когда пропала Айзада, Эсенаман был болен и лежал у себя дома. Милиционеры, прибывшие из района, установили его невиновность. Тетушка Кюльсун всюду поносила меня и мою маму. Моя добрая мама злилась: «Как ты меня осрамила!» А однажды она так больно ущипнула меня на людях, что я не выдержала и заплакала.

Что же случилось с моей подружкой? Ее неожиданно увез Кемел, да, да, он. Кемел не мог примириться с мыслью, что Айзада станет женой Эсенамана. В Оше, где он учился, есть

средняя женская школа. Он пошел к директору этой школы и рассказал ему все как есть. И тот посоветовал: «Привези к нам девушку, но без шума. Мы примем ее. Стыдно идти на поводу у старых обычаев, так легко уступить любимую». И эти слова подхлестнули Кемела. Ночью он примчался на такси в наш айыл, и произошло то, о чем мы уже слышали.

Тетушка Кюльсун ездила жаловаться в город Ош. Она грозилась дойти до самого Никиты Сергеевича: обидели, мол, вдову фронтовика. Но напрасно. «Находились люди, которые даже одобряли Айзаду: «Девушка, видать, с огоньком», – говорили они, – не хочет жить по старинке. Придется возвратить калым». От одних этих слов тетушке Кюльсун становилось дурно. Единственное, что ей удалось, – встретиться с дочерью. Она разыскала ее в девичьем общежитии. «Немедленно вернись!» – приказывала и умоляла она. Айзада же стояла на своем: «Я останусь здесь». Тетушка Кюльсун прокляла ее. И это не поколебало Айзаду.

Эсенаман кусал, как говорится, свои локти: «Если бы я знал такое, то давно бы украл Айзаду. Из самого, можно сказать, рта вырвали у меня яблочко». Он ругал своих родителей: «Это вы виноваты. Все боялись. Вот и проморгали».

Эсенаман грозился расквитаться за обиду с Кемелом: «Покажу ему кузькину мать».

Женщины же все судачат и судачат.

Собрались они как-то у нас. Мама расстелила скатерть, разложила угощение. И сама завела разговор о том же.

– Каковы родители – таковы и дети. От хорошей матери девушка никогда не сбежит. С кого было брать пример Айзаде? С Кюльсун? Но вы ведь помните, какой она была? Тоже норовила сбежать от родителей. Верно говорят: яблоко от яблони недалеко падает.

Я краснела и, не поднимая головы, разливала чай в пиалы.

– Чему бывать, того не миновать, – пыталась возразить бабушка Калча. – У каждой из вас – девушки на выданье. Разве кто знает, что они задумали. – Она глазами указала на меня.

Мама решила заступиться:

– Я за свою Гулкуш спокойна. Она не способна огорчить родителей.

– Да пошлет ей Аллах счастье, – запричитали женщины. – Редко встретишь такую девушку. Она и учтива, и умна, и стыдлива. Быть ей всегда в почете. Она ничем не похожа на Айзаду. И она достойна самого лучшего жениха.

Когда возвеличивают одного, то обязательно унижают другого. Так уж повелось.

Бабушка Катыча, прикусывая губы, торопилась высказать все, что знала о моей подружке. Айзада, оказывается, давно уже кокетничала с мальчишками. «Нужно перепакать кетменем все дорожки, по которым она проходила», – ругалась бабушка Катыча. И потом, скрестив на высохшей груди руки, она открыла собравшимся тайну: «Айзада убежала от матери потому, что беременна».

Молчавшая до сих пор бабушка Галбю этого не выдержала. «О Аллах, – закивала она головой. – Наступает, значит, конец света».

Тетушка Салийма тяжело вздохнула и зашептала: «Вот оно что... Теперь все ясно... Не зря Кюльсун прокляла свою дочь. Беспутная девчонка! Подавиться бы ей землей!»

Маму удивило то, что сказала бабушка Катыча. Она, вероятно, не поверила ей. Но и она произнесла: «Не бывает дыма без огня».

Только я была убеждена в том, что этот едкий дым – пустая сплетня. И мне очень хотелось остановить их, крикнуть: «Я лучше вас знаю Айзаду. Она ни в чем не виновата. Разве мы не имеем права выходить замуж за того, кого любим?! Вас продавали за калым, продавали, как скотину. Ну, а мы не желаем. Айзада любит Кемела. За что же ее обливать грязью? Только за то, что она не согласилась с бесчестной сделкой, которую за ее спиной заключила с Эсенаманом тетушка Кюльсун? Она не позволила себя продать. И за это вы готовы ее очернить. Стыдитесь!»

Но во мне не было сил, чтобы сказать то, что я думала. Язык застревал во рту. Горло перехватывали спазмы. Да и не хотелось, не скрою, огорчать маму: она бы этого не вынесла. Все бы осудили меня. “ «С этой девчонкой тоже что-то неладно”, – сказали бы они. – Она

дружила с Айзадой». Стоило бы им выйти заворота нашего дома, как их языки бы еще больше развивались. Они всюду бы каркали о горе, которое-де ждет Карамат. И это, конечно, дошло бы до моей мамы.

Я молчу. Но и мое молчание кажется им подозрительным. Я это чувствую по их взглядам, по их ужимкам.

Женщины разошлись. На следующее утро, когда и собралась в школу, мама строго сказала:

– После занятий сразу же беги домой. Слышала?

И я поняла тогда, что история с Айзадой не прошла и для меня бесследно. Раньше меня так не опекали, как сейчас. Выхожу из школы – Туратбек.

– Мама послала за тобой.

Стоит ему сказать маме, что я выходила вместе с мальчишками, смеялась с ними, – сразу же гроза:

– Видишь реку Агарт? Если с тобой что-нибудь случится, то ищи там мой труп. Можешь уже проститься со своей матерью. – Голос ее дрожит. – Лучше мне умереть, чем дожидаться позора Кюльсун.

Раньше мама спала рядом с Туратбеком, а теперь – рядом со мной. Каждый вечер она запирает на замок ворота, спускает с цепи собаку и, прежде чем лечь в постель, исступленно шепчет: «О Аллах, не допусти, чтобы мы стали посмешищем для людей». Мне жаль ее. И в то же время меня разбирает смех. Хочется ее успокоить: «Мамочна, дорогая, поверь, что у твоей дочери нет ничего дурного на уме, не мучь себя напрасно». Но это значит дать ей понять, что я знаю обо всем, что творится в ее душе. Не лучше ли сделать вид, что я ничего не замечаю? Она ведь может подумать, что я ее обманываю. Вчера ночью она испугала меня. Внезапно я услышала ее тяжелый стон.

– Мамочка, проснись!

Она обхватила меня обеими руками и крепко прижала к себе.

“– Слава Аллаху”, – сказала она, открыв глаза. – Пусть этот сон никогда больше не повторится. – Она учащенно дышала. Мы пролежали так до рассвета. Она еле-еле пришла в себя.

Вот уже голосисто пропел наш петух. Время вставать.

– Гулкуш, ты уже не маленькая, – нежно погладила мою руку мама. – Отец и ухом не шевельнет, спит себе спокойно. А мне снятся страшные сны, и я мучаюсь. Ты знаешь почему?

Я слушала:

– Нет, не знаю.

Мама положила мою голову себе на грудь.

– Дочь моя, что мне от тебя скрывать?! С того дня, когда сбежала беспутная Айзада, я не нахожу себе места. Днем и ночью меня преследуют кошмары. Сейчас мне снилось, что ты будто бы убежала с Абдылдой. Я зову, плачу, раздираю себе в кровь лицо, а Кюльсун насмехается: «Ну, Карамат, дождалась и ты от своей дочери». Сердце мое разрывается на части. Ты ведь дружила с Айзадой. И она, наверное, с тобой советовалась. Почему же ты ее не отговорила? Неужели и ты можешь так поступить, как она?

– Мамочка, зачем ты себя зря огорчаешь, – пыталась я успокоить ее и накрылась одеялом.

Мама сдернула его с меня.

– Нет, ты дослушай, что я тебе скажу. Аллах доверяет родителям девушку, чтобы они передали ее непорочной мужу. Я не успокоюсь до тех пор, пока не выдам тебя замуж. Многие уже делали тебе предложение, но среди них я не нашла еще ни одного достойного. Мне хочется, чтобы ты жила богато, чтобы родители мужа были людьми почтенными и влиятельными...

Мама говорила долго. И она бы, вероятно, еще продолжала, если бы мне не нужно было торопиться в школу.

Мне не удалось унять ее тревогу. Вскоре после той ночи произошло следующее.

...Мама крепко спала: она целый день стирала и, видно, очень устала. А мне в полночь нужно было выйти из дому. Я не стала ее будить. Во дворе светло от луны. Чего бояться? Но тут раздался душераздирающий крик: «Гулкуш!!!» И я увидела бедную мою маму, которая металась по двору, как сумасшедшая. Впопыхах она напялила на себя платье задом наперед. За нею выскочил в нижнем белье отец.

– Что ты потеряла ночью во дворе? – набросилась на меня мама.

Я стеснялась отца и молчала. Но он тут же возвратился в дом.

– Я вышла по нужде, – ответила я маме.

– Так-то я тебе и поверю. Почему не разбудила меня?

– Пожалела.

– Ты пожалей меня в другой раз, – раздраженно сказала она, – а теперь, пока живешь со мной, буди, черт меня не возьмет.

Потом пришла в себя. И как бы оправдывалась:

– Просыпаюсь, а тебя нет. Холодным потом покрылась. Отца подняла.

– Ни днем, ни ночью от нее нет покоя, – ворчал папа. – Всполошилась, а из-за чего? Сама не спит и другим не дает.

– Ничего с тобой не случится. Ты свое всегда возьмешь, – огрызнулась мама.

Мы с матерью улеглись. О, как стучало ее сердце! Мне слышался топот копыт. Я поцеловала ее. Сердце стало биться тише, спокойнее, в ритм моему. Так мы и заснули.

Быстро идут годы, не идут, а летят. Недавно и ходила, цепляясь за юбку мамы... Потом пошла в школу, завидовала старшеклассникам... Хотелось стать взрослой. Вот и настало это время. Скоро государственные экзамены. Я получу аттестат зрелости. А пока консультации, контрольные работы...

Учителя относятся к нам уже как к взрослым. Их долг исполнен. Каждому из нас предстоит теперь выбрать себе профессию и начать самостоятельную жизнь. Это не значит, что все пойдут работать. Нет! Но и будущие студенты – это уже не школьники. Учителя озабочены тем, чтобы мы правильно определили свое будущее. Они советуют, а мы хором отвечаем: «Спа-си-бо!»

Мне, как и всем моим одноклассникам, хочется поскорее окончить школу. Будущее манит своей неизвестностью.

Мы провели даже комсомольское собрание с такой необычной повесткой: «Кто кем хочет быть?»

Наш комсорг Идирыс, который вдруг обрел несвойственную ему важность, спросил: «Кто хочет взять слово первым?» Выступил Аманбай Эргешов. Он хотел стать ветеринаром.

– Будут какие-нибудь вопросы к Эргешову?

– Ты ведь в прошлом году мечтал поступить на исторический? – спросил его Шарип. Все рассмеялись.

– Друг мой Шарип, – подчеркнуто спокойно ответил Аманбай, – в прошлом году я был одним, а теперь стал другим, понятно? Человек работает над собой и растет.

Снова смех.

– Есть еще вопросы? – чинно повторяет Идирыс.

– Есть. А что ты будешь делать, если не попадешь на ветеринарный факультет, если провалишься на экзаменах?

Ребята шумят. Аманбай краснеет:

– Не провалюсь.

– Какая уверенность! – восклицает Абдылда и подмигивает товарищам.

– Человек, который чего-нибудь добивается, должен быть уверен в том, что он достигнет своей цели. Иначе чего он стоит? – говорит Аманбай.

Абдылда острит:

– Ты так уверен потому, должно быть, что твой отец председатель колхоза. А как быть

нам?

Опять смех. Но Аманбай уже злится:

– Мой отец здесь ни при чем. И ты его не трогай.

– Разве я трогаю твоего отца? – шутит Абдылда.

Назревает ссора. Но Идирыс предоставляет слово Кадыру. Тот хочет поступить в автодорожный техникум, чтобы стать потом инспектором.

– Можно кончить институт и получать восемьсот рублей. Какой смысл? Я кончу техникум и буду получать больше. А можно и только на курсы пойти. Знаете, сколько получает наш учитель химии, дядя Аскар? Семьсот рублей. А вот Асылбек, который два года назад окончил нашу школу и пошел на курсы шоферов, зарабатывает девятьсот рублей. Понятно? Да он еще и налево работает. Теперь сравните – кто лучше живет? Образования больше, конечно, у нашего учителя. А денег – у Асылбека.

– Что ты хочешь этим оказать? – оборвали его.

Кадыр не смутился.

– Хочу сказать, что я поступлю во Фрунзенский автодорожный техникум и через два года стану инспектором. Вы же устраивайтесь, как хотите.

– Но ведь вчера ты говорил мне, что собираешься в финансовый техникум, – не утерпел и Аманбай.

– Что с того? – сказал Кадыр. – Инспекторское дело, как я выяснил, более выгодное. Вот я и перерешил.

Идирыс растопыренной пятерней прошелся по своим черным как смоль волосам. Следующее слово он предоставил Абдылде Омурзакову.

– Вы все хотите куда-нибудь уехать и продолжать учиться. Это похвально, – усмехнулся он. – Но кто же будет выращивать скот и хлеб? Над этим вы подумали? Я остаюсь работать в нашем колхозе.

Он больше ничего не сказал, но слова его произвели впечатление.

– Я буду дояркой, – откликнулась Зулай.

– Это ты по примеру Абдылды? – съязвил кто-то.

– Знаю, что делаю, – уверенно произнесла она.

Сейчас, чувствую, должна буду говорить я. Что же скажу? Нем мне хочется стать? Я волнуюсь и не могу собраться с мыслями. Зулай хочет быть дояркой. А я?

– Слово предоставляется Гулкуш, – объявляет Идирыс, но я наклоняюсь и делаю вид, что ищу что-то под партой.

В это самое время раскрываются двери класса и входит завуч. Он шепчется с Идирысом и потом говорит:

– Девушки, вас вызывает директор.

Я обрадовалась. Выступать не пришлось. Но что это значит?

Директор любезно пригласил нас сесть. Затем зашел разговор о том, о чем мы беседовали на собрании. Директор посмотрел в свою записную книжечку. – Вы, – обратился он ко мне и к Зулай, – поедете учиться в город Фрунзе.

Не знаю, как Зулай, но я была ошеломлена. Он это заметил.

– Вы разве не хотите учиться?

Первой откликнулась Зулай:

– Я хочу стать дояркой – робко ответила она.

Директор постучал карандашом по столу и закивал головой.

– Это, дочь моя, слова твоей матери.

– Нет, мои, – настаивала она.

– А ты? – он перевел взгляд на меня.

Я не пришла еще в себя.

– Не знаю.

– Понятно, – произнес он многозначительно. – Тогда я скажу вам вот что: все девушки, которые окончат в этом году десятый класс, поедут учиться в высшие учебные заведения.

Есть такое указание свыше. Доярок у нас хватит. А вот женщин-специалистов у нас маловато. Тут нечего раздумывать, да или нет. Нужно лишь лучше готовиться к экзаменам. Понятно? И не беспокойтесь насчет родителей. Ваши отцы в курсе дела, я беседовал с ними, и они согласились. Имейте это в виду. Желаю вам успеха!

Он поднялся. Поднялись и мы.

– Неужели мой папа согласился? – вырвалось у меня.

– Калмурза сказал, что хочет послать тебя на учебу во Фрунзе, – не задумываясь ответил директор.

Лицо мое горело. Можно ли этому поверить?

В коридоре нас окружили ребята.

– Ну, что там у директора? Скажите, если не секрет.

– Мы можем поехать во Фрунзе, – радостно выкрикнула Зулай. Ее нельзя было узнать.

– Эх, почему я не девчонка! – засмеялся Кадыр.

А я шла как во сне, шла и все время думала: «Неужели папа согласился отпустить меня? Как же мама? Она не знает? Что же будет, когда ей станет известно? Я уеду, я уеду, я уеду...» – твердила я всю дорогу к дому. И в такт этим моим словам отзывалось сердечко: тук, тук, тук...

Я никогда так не торопилась домой: казалось, что за мной кто-то гонится. Во дворе стоял оседланный рыжий конь, на котором ездил отец: он, видать, не то вернулся откуда-то, не то собирался в дорогу. Конь рыл копытами землю. Только я переступила порог, как услышала сердитый голос мамы:

– Моя дочь, и я не отпущу ее от себя ни на шаг, пока не выдам замуж.

Я замерла у печи, в которой мама пекла хлеб. Папа молчал.

Папа умеет молчать. Мама, бывает, кипит буквально от злости, а он молчит. Ссору всегда начинает мама. В чем только она не упрекает отца! А он не защищается, не возражает. Он ждет, пока она не израсходует весь свой пыл. Женщины завидуют моей маме: «Ты счастливая. С другим бы мужем тебе несдобровать».

У моей мамы своенравный характер. И папа слушается ее, делает то, что она велит. «Родственники отца этим, разумеется, недовольны «Калмурза – смирный вол», – говорят они. – Жена взнуздала его и водит куда хочет».

Родители были так захвачены разговором, что и не заметили меня. И тут случилось то, чего никогда раньше не случалось. Папа вдруг заговорил. Я не верила своим ушам.

– Какая ты бестолковая. Я ведь уже объяснял тебе: будь моя воля, я никуда бы не отпустил нашу дочь. Но тут ведь Ташимов (это фамилия секретаря нашего райкома партии) вызвали в ЦК и предложили ему всех, понимаешь, всех, – папа повысил голос, – девушек, которые заканчивают школу, направить на дальнейшую учебу в вузы. Ташимов беседовал со мной, как с сознательным человеком. Со мной говорил и директор школы. И я согласился. У нас мало киргизок-специалистов. Это нужно понимать. И очень мало девушек из нашего района учиться в институтах.

Папа пытается убедить ее. Но разве это возможно?

– Пусть твой Ташимов посылает свою дочь куда хочет, – закричала мама, – а до нашей ему дела нет! Случись что-нибудь с нею, кто будет отвечать? Твой Ташимов? У тебя языка, что ли, не было отказать ему?

Я думала, что отец разозлится и скажет по-мужски: «Все решено, жена. Знай свое дело и не позорь мужа перед всеми. Я ведь уже дал свое согласие. Наша дочь поедет вместе с другими». Но он снова стал таким, каким его знали: тихим, молчаливым.

Мама и он удалились в другую комнату, и я воспользовалась этим, вышла из своего закутка.

Они встретили меня как обычно. И остаток дня прошел, как всегда. Но в ту ночь я долго не могла уснуть. Все думала о том, о чем спорили родители.

Ташимов, как мне вечером рассказала соседка, провел в нашем айыле совещание колхозного актива. Там говорили не о пахоте и не о сенокосе, как обычно, а о том же, о чем

сегодня говорили папа с мамой: очень мало наших девушек в высших учебных заведениях. Кончит школу – выходит замуж. Разве можно с этим мириться?

Я лежала и думала о нашей девичьей доле. И чем больше я думала, тем тяжелее становилось у меня на душе.

Взять хотя бы наш колхоз. В начальных классах девочек и мальчиков поровну. Но когда девочки переходят в старшие классы, то их будто бы просеивают через сито: остается все меньше и меньше. У нас в первом классе было тринадцать девочек. В последнем же осталось только четыре. Сбежала Айзада – и нас трое.

Почему девушки оставляют школу? Родители их рано и насильно выдают замуж. Богатый калым – и все. Как с этим бороться? Сельский совет выдает справку, что ей уже восемнадцать лет, а она твердит заученные слова: «Не хочу учиться. Сама захотела выйти замуж. Никто меня не заставлял». Справка и слова фальшивые. Но попробуй это доказать.

Я встаю и четко произношу «да». Учитель задерживает на мне свой взгляд, и я краснею и спешу сесть. Я подтвердила свое присутствие в классе, сказала «да». Учитель же посмотрел на меня удивленно и недоверчиво. Он, я знаю, подумал: «Скоро, вероятно, и твои родители раздобудут справку, что тебе восемнадцать лет, и тебя постигнет судьба твоих сверстниц». Разве такое не может случиться? Представляю себе: называют мою фамилию, и вместо «да» кто-то из ребят отвечает: «Калмурзаева вышла замуж».

Нет, этого сейчас уже не случится. Я закончу школу. Да! Да! Да! Но стоит мне вспомнить дорогих подружек, которые мечтали о том же, как на глаза навертываются слезы.

Что стало с шустрой певуньей Кадыйчой?! Она мечтала быть актрисой, такой, как наша знаменитая Мыскал. Мы все любовались ею, когда она пела «Я помню», «Вспомни, любимый» и другие песни. Она была красива и остра на язык. А как она смеялась! Но вот Кадыйча окончила семь классов и куда-то уехала. Мать говорила, что она отправилась к своим родственникам в Папан. Начался новый учебный год, а Кадыйча не возвращалась. Мать говорила, что ее дочь заболела, что она представит нужную справку. Через год мы увидели нашу подружку с трехмесячным ребенком. Она уже не мечтала быть такой, как Мыскал.

А ты где, моя нежная Касиет? Помнишь, как мы опоздали на урок по алгебре и пошли к ручейку, который протекает за школой. Ты говорила тогда мне: «Кончить бы педагогический институт и возвратиться в родную школу учить детей». Ты мечтала потом выйти замуж и сидеть здесь, у ручейка, вместе с «ним».

– С кем это с «ним»? – спросила я. – Разве у него нет имени?

Я полагала, что «он» уже существует. Но «он» жил тогда только в твоих мыслях. Ты озорно плеснула на меня водой и рассмеялась.

Но прошло несколько месяцев, и родители отдали тебя замуж, не дали даже окончить восьмой класс. И «он» оказался совсем не тем, о ком ты мечтала.

А можно ли забыть застенчивую и обидчивую Толу? Она была очень красивой и даже страдала от этого: ребята подтрунивали над нею, говорили, что муж ее будет жить в вечном страхе стать рога носцем. Она сердилась:

– Вот стану хирургом и поотрезаю ваши длинные языки.

И ее постигла судьба Кадыйчи и Касиет. Да разве только их?! Какими чудесными девчонками были Анар и Бермет, Асыл и Айкыз, Ыраат и Бурул, Саажы и Акыш... Как я соскучилась по ним, милым моим подружкам. Коротка была их юность. Обокрали ее.

Весть о том, что меня посылают учиться во Фрунзе, распространилась по айылу, как пламя во время пожара. Тетушка Кюльсун не уставала повторять каждому встречному: «Теперь посмотрим, как запоет Карамат, когда ее дочь заделается студенткой, когда она отрежет свои косички и будет шляться по городу с каким-нибудь шалопаем». Но моя мама стояла на своем: «Пока я жива – этого не случится». Ничто не могло ее поколебать. «Зря, Кюльсун, радуешься, – говорила она. – Моя Гулкуш не сделает того, что сделала твоя Айзада».

Масло в огонь подлила родная моя тетушка сестра матери, которая живет в соседнем айыле.

– Неужели ты пошлешь нашу Гулкуш, нашу лунную красавицу, в этот бесстыжий город Пурунзе? – всхлипывала она и хлопала руками по бедрам. – Как мы будем потом смотреть людям в лицо? Недавно приехала оттуда моя свояченица. Если бы ты послушала, что она рассказывает, тебя бы стошнило. Девушки, которые могли бы давно выйти замуж, ходят с ребятами под ручку. И даже спят вместе.

Тетушка сплюнула.

Мама моя, уже слышавшая немало дурного о том, как живут в городе люди, все же усомнилась:

– Правда ли?

– Пусть покарает меня Аллах, пусть я никогда не увижу радости у моих детей, – запричитала тетушка. – Свояченица говорила, что там даже маленьких девочек не выпускают на улицу без мальчиков: так и ходят парами.

Но это еще не все. Главное тетушка приберегла на самый конец. Она окончательно сразила маму тем, что, по словам свояченицы, все девушки, которые учатся, беременны. Одним из них удастся тайком избавиться от беременности, а другие рожают и сдают младенцев в приюты.

Я прислонилась к шкафу и бессмысленно переключивала пиалу из руки в руку, а мама не выдержала и заплакала.

Тетушка же продолжала:

– Я бросила все свои дела и приехала к тебе, чтобы предупредить. Не разрешай Гулкуш ехать в Пурунзе. Поговори со своим муженьком.

– Ну его к черту, моего муженька, – ругалась мама. – Он уже пообещал Ташимову.

– Мало что пообещал, – утешала ее тетушка – вчера пообещал, а сегодня передумал. Ты ему все расскажи, дорогая сестричка. Сердце отца не камень.

– Расскажу, пообещала мама.

Тетушка хлопнула в ладоши и закачала головой.

– Вот что еще вспомнила. Там, у северных киргизов есть такой обычай: они выслеживают красивых девушек, бросают их в машины и увозят. Не посылай свою ненаглядную дочь в Пурунзе. Разве для того ты ее вырастила, чтобы ее увезли в Иссык-Куль, Талас или еще дальше?

Страшно стало не только маме, но и мне.

Раньше, когда я с подружками смотрела снимки в газетах или журналах, где были изображены стриженные девушки в коротких платьях, мне это даже нравилось. Но теперь, после того, что рассказала тетушка, меня буквально лихорадило.

Чем я могла себя утешить? Тем, что тетушка умышленно старается напугать мою маму. Зимой этого года в нашу школу приезжали на практику студенты Ошского пединститута. Были и девушки. Они действительно носили короткие платья и ходили с ребятами под ручку. Но они не позволяли себе того, о чем говорила тетушка. И мы сдружились с ними.

Я было заикнулась маме об этом. Что поднялось!

– Ты хочешь стать такой же бесстыжей, как они? Тебе мало того, что рассказала тетя? Умру, но не пушу...

Все в нашем доме пошло кувырком. Каждый день ссоры. Стоило мне сделать что-нибудь не так, как хотелось маме, как тут же: «Гулкуш совсем изменилась. Не потому ли, что собирается во Фрунзе?» Сяду я за книгу. И это раздражает маму: «Какая ученая! Все равно не пушу во Фрунзе». Доставалось и любимцу Туратбеку. Но больше всего – отцу.

Папа уходил из дому рано и возвращался, когда мы укладывались уже спать. Он успевал только чаю попить. Мама не обращала внимания на то, что он устал на работе. В который раз она говорила одно и то же:

– Откажись от своего слова. Пойди к Ташимову. Пусть оставит нашу дочь в покое. Отец ты ей или не отец? Знаешь, что рассказывала моя сестра?

К тому, что говорила тетушка со слов свояченицы, мама еще от себя добавляла такое, что обязательно должно было, по ее мнению, сломить папу. Но папа молчал. Тогда она предлагала:

– Дай, наконец, Ташимову тысяч пять-шесть.

– Ташимов не тот человек, который берет взятки, – отвечал папа. И снова умолкал.

Мама, израсходовав весь свой пыл, ложилась рядом со мной. Она долго ворочалась с боку на бок, прежде чем засыпала. Ей снились, должно быть, страшные сны: она вздрагивала, обхватывала меня руками, вскакивала, как безумная. И лишь на рассвете ненадолго забывалась.

Утопающий, говорят, хватается и за соломинку. Не то ли делает и моя мама? Но она хватается сейчас не за соломинку, а за спасательный круг. И кто ее надоумил? Неужели папа? Или сама? Мама моя сообразительная женщина. Я это знала. Она на разные трудности найдет выход. Однако этого я от нее не ждала.

Мама решила действовать через райком комсомола. План такой: я напишу заявление, попрошу помочь мне остаться работать в нашем айыле и пообещаю через два года поехать во Фрунзе учиться. Мало ли что может произойти за эти два года.

И вот я еду с мамой в райком комсомола. Всю дорогу она учит меня, что и как говорить.

– Держись смело, не отступай. Язык тебе не отрежут. Поняла?

– Поняла.

Но мама этим не удовлетворилась.

– Представь себе, что я – тот самый секретарь райкома комсомола Адылов, с которым ты должна разговаривать. Ты подаешь заявление, а он хмурит брови отвечает: «Нет, надо ехать сейчас во Фрунзе, ты комсомолка, подчиняйся дисциплине». Что ты тогда ему скажешь?

А что я могу сказать?

– Вот ты и смутилась, – корила меня мама. – А нужно настаивать на своем. «Я хочу работать в нашем колхозе. Учиться еще успею. Я не могу оставить больную маму. Она нуждается в моей помощи». Главное – не молчи, а говори. Это ты в отца пошла такая молчаливая. Школа, видать, тебя мало чему научила. А я хоть и нигде не училась, а куда сообразительнее и бойчее тебя.

Мама моя в тридцатые годы окончила курсы ликбеза и нигде больше она не занималась. Это правда. ««Если бы мне хоть пять классов образования», – говорила она, – я бы всем районом командовали». В это можно было поверить.

Но я несколько отвлеклась.

Вот и райком комсомола. В приемной секретаря сидит рыженькая девчонка и печатает на машинке. Мама кивнула ей.

– Дочка, Адылов у себя?

– Да. Подождите. Он сейчас освободится.

Мы сели на диван, покрытый белой материей. Мерно тикали большие часы, висевшие на стене. В такт им билось мое сердце. Щеки горели. Наконец-то открылась дверь и из комнаты Адылова вышла группа ребят.

Секретарь райкома не раз бывал в нашем айыле и хорошо знал нашу семью.

– О, тетушка Карамат, рад вас видеть, – приветствовал он маму. – Как поживает дядя Калмурза? Как ваши дети? – Он протянул ей руку. Потом поздоровался со мной.

– Большой привет вам от мужа, – заискивающе произнесла мама. – Все мы здоровы и того же вам желаем.

Адылов попросил нас присесть.

Я окинула комнату. Здесь меня принимали в комсомол. На стене, как и прежде, портрет Владимира Ильича Ленина. Я смотрела на него тогда и торжественно поклялась быть честной, все свои силы отдать народу. И вот теперь он как бы спрашивал меня: «Ну, как,

держишь ты свое слово?» Я опустила от стыда голову.

– Зачем пожаловали – спросил маму Адылов, усаживаясь за свой стол.

Мама строго взглянула на меня, и я, головы, протянула заявление секретарю.

Мама осторожно наступила на мою ногу, давая знать, что пора говорить. Но язык словно отнялся у меня. Заявление было в полстранички. Адылов же читал его почему-то очень долго. Я до того волновалась, что вспотела. А что, если он скажет: «Молодец, Гулкуш, ты первая девушка, которая на такое решилась, пусть другие равняются по тебе». Мама будет, конечно, радоваться. А каково мне?!

Но лицо секретаря помрачнело. Он взял свой толстый красный карандаш и подчеркнул им что-то в трех местах моего заявления.

– Нынешнюю молодежь трудно понять, – оробела мама – Мы с отцом советуем ей поехать учиться, продолжать образование, а она отказывается, хочет, видите ли, остаться в родном колхозе. Сердится на нас. «Я, говорит, комсомолка и хочу быть передовой колхозницей». Верно, Гулкуш?

– Да, – тихо подтвердила я.

Адылов постучал карандашом по столу и задумался. Потом он поднял телефонную трубку и попросил соединить его с товарищем Ташимовым.

Я замерла: что он ему скажет? А мама продолжала свое:

– Передай ему, что родители тут ни при чем, они хотят, чтобы она поехала учиться, но она сама этого не хочет, сама, понимаешь.

Адылов передал секретарю райкома партии то, что говорила мама, что было написано в моем заявлении. Ташимов ему что-то отвечал. Ни я, ни мама не слышали, что он говорит, но лицо Адылова посветлело и даже расплылось в улыбке.

– Решено, – стукнул он кулаком по столу, положив трубку. Молодец, Калмурзаева. Товарищ Ташимов согласился, чтобы ты не поехала во Фрунзе.

Каждое его слово жгло меня, как раскаленные уголья. Лучше бы провалиться сквозь землю, чем слышать такое.

– Что с тобой? – удивился Адылов. – Ты ведь должна радоваться.

– Она у меня стеснительная, – выручила меня мама. – Молоденькая еще.

“– Спасибо вам, тетя Карамат, что воспитали такую дочку”, – сказал ей Адылов.

Мать поднялась, засуетилась, благодарно пожала ему руку. Еще бы! Все выходило так, как она хотела.

Но тут случилось непредвиденное.

– Товарищ Ташимов, – продолжал Адылов, – порекомендовал послать Гулкуш, как передовую комсомолку, вместе с другими нашими ребятами в Казахстан, на целину, помочь убирать хлеб.

Если бы вы видели, что в этот момент произошло с моей мамой.

– Что-о-о-о?! – еле выдохнула она.

– Не волнуйтесь, тетушка Карамат, – бросился к ней Адылов. – Ваша дочь будет там не одна. Мы посылаем туда целую бригаду лучших наших ребят. Это наш патриотический долг.

Он возвратился к себе за стол и принялся что-то писать на моем заявлении: должно быть, резолюцию.

Но тут мама запротестовала:

– Подожди-ка, мой дорогой. Моя дочь никуда не поедет.

Адылов нахмурился.

“– Не пойму вас”, – сказал он. – Гулкуш отказывается ехать во Фрунзе учиться. Почему же ей не поехать с другими товарищами на целину? Она ведь комсомолка.

Мне жаль было мать, но в душе я радовалась тому, что происходило.

– Ты нас неправильно понял, сын мой, – металась мама. – Моя дочь хочет работать в нашем колхозе, она хочет остаться дома.

– Вот оно что! – воскликнул Адылов, поняв, наконец-то, мамину затею. Он с укором посмотрел на меня. – Она хочет остаться дома, – язвительно повторил он мамины слова. – Но

разве комсомольцы могут так рассуждать?! Сейчас нужно помочь убрать хлеб на целине. Со всей страны туда едут лучшие комсомольцы. Что ты думаешь об этом, Гулкуш?

Я не успела и рта открыть, как меня опередила мама:

– Она никуда не поедет. Я буду жаловаться.

Адылов улынулся:

– Жалуйтесь, жалуйтесь, тетушка Карамат. Но советую вам не втягивать в это дело Гулкуш. Заявление она написала по своей воле или по вашей?

Этого я уже не могла выдержать и, не глядя ни на Адылова, ни на маму, выбежала из комнаты. Уже на улице я услышала гневный голос мамы: «Подожди! Чего бежишь, как сумасшедшая?!»

На следующий день все в айыле только о том и говорили, что видели маму в машине самого товарища Ташимова. «Когда это ты успела стать секретарем райкома партии?» – подшучивали над нею. Собрались у нас женщины и стали допытываться: правда ли? Как это тебе удалось? Мама угостила их чаем и рассказала, как и что было. Я слушала вместе со всеми.

– Была я в райкоме комсомола, просила оставить Гулкуш дома, да ничего из этого не вышло. Дай, думаю, пойду к самому товарищу Ташимову, он человек внимательный. Как задумала, так и сделала. Он только на работу заявился, а я уже в приемной поджидаю. “«Салам-алейкум”, – говорю, – я к вам с жалобой». «Алейкум-салам, – отвечает он и просит пройти в его кабинет. – Вы, кажется, жена Калмурзы?» Я удивилась: «А разве вы меня знаете?» – «Как не знать? – указывает он мне рукой на стул и присаживается рядом. – Знаю и вашу дочь, которая заканчивает сейчас десятилетку. Ее, кажется, зовут Гулкуш». – Я кивнула головой, так, мол. “«Я слышал о вас много хорошего”, – сказал он. – Когда ваш муж был на фронте, вы, говорят, очень здорово в колхозе работали». Потом он заглянул мне прямо в глаза и просто сказал: «Жаль, очень жаль, что вы в свое время мало учились. Да не о вас одной речь. Много ли у нас грамотных женщин? Но беда в том, что и сейчас, когда созданы все условия для того, чтобы учиться, далеко не все ими пользуются. Считают, что девушке образование во вред. А ведь это дикость. Разве женщина не такой же человек, что и мужчина?! – Он вынул записную книжечку. Заглянул в нее. – Посмотрите, что получается. Лет десять тому назад мы приняли в первые классы шестьсот одиннадцать девочек. А школу в этом году заканчивают только двадцать две. Можно ли с этим мириться?! Мы задумали послать этих девушек учиться дальше, чтобы они стали высококвалифицированными специалистами. И что же? Мамы и папы не хотят этого, просят не трогать их детей. Как тут быть?»

– Говорил он спокойно, а меня пот прошибал, – вспоминала мама.

“ «Да, так вы пришли ко мне с жалобой”, – спросил он меня и сел за свой стол. – Слушаю вас». Что со мной стало – не знаю. Его слова перевернули мою душу. Вот я и решилась:

“ «Товарищ Ташимов”, – сказала я заикаясь, – я пришла к вам, чтобы просить послать мою дочь в город учиться».

Ташимов услышал и обрадовался. «Спасибо! – сказал он. – Я только этого и ждал от вас».

Я собралась уже уходить, а он позвал своего шофера и приказал: «Подвези домой уважаемую жену Калмурзы». Вот он меня и прокатил.

Женщины слушали и восторгались: кто языком причмокивал, кто головой покачивал. А мама подливала в огонь их любопытства масло.

– Едем мы, а я увижу кого-нибудь из знакомых и голову из окошка высуну. Поздороваясь. Те только и ахнут. Возле моста встретился наш почтальон Папа. Я сказала шоферу, чтобы он остановился. «Папа, иди сюда», – крикнула я ему. Он, бедняга, так бежал, что чуть почту свою не растерял. Взяли мы его с собой в машину. Он уж благодарил!

У магазина стояли люди: водку, кажется, пили. Увидели машину и разбежались. Мы подъехали к магазину я купила там сахару и чаю. Те, которые скрылись было опять

собрались. Рты раскрыли от удивления. «Мы думали, что товарищ Ташимов едет, а это, оказывается, тетушка Карамат».

– Я сразу не домой заехала, а в правление колхоза. Там все вместе с нашим председателем пили чай. И мой Калмурза был. Заметили машину, переполошились, выскочили встречать начальство. А тут я. Вот смеху было! Забрала я мужа и отправилась домой. Он все интересовался: «Кто да как дал тебе эту машину?» Никак не верил, что сам товарищ Ташимов. Пришлось шоферу подтвердить. Калмурза был мною доволен. «От тебя, Карамат, и черту не спасись», – сказал он.

– Не так уж плохо в начальниках ходить, – улыбнулась мама, – все тебя примечают, встречают...

Женщины смеялись, шутили.

– От тебя, Карамат, и вправду самому черту бы досталось.

– Если бы стала начальником, всем бы жару поддала.

– Пошла к Ташимову пешком, а вернулась в автомобиле. Молодчина!

Когда все расходились, бабушка Калча, надевая калоши, спросила:

– Так ты все же согласилась, чтобы Гулкуш уехала в Пурунзе?

Мама при всех подтвердила.

Душа моя ликовала. Я ведь так этого желала. Спасибо вам, товарищ Ташимов! Вы помогли мне вырваться из плена нашего коргона.

Раньше стоило мне лечь в постель, как я сразу же засыпала. А теперь повернусь на один бок, на другой, стараюсь ни о чем не думать, но не могу уснуть. Монотонно считаю в уме до сотни. Нет, не засыпаю. Выпускные экзамены скоро кончатся. Все идет у меня хорошо. На следующей неделе – история и химия. Потом – конец, выпускной вечер... Потом я покину родительский кров и отправлюсь в столицу нашей республики Фрунзе. Там я буду жить без мамы и папы, без сестренки и братишки... Страшновато, не правда ли! Кто тебя покормит? А если заболеешь? А если запоздают из дому деньги? Сколько вопросов! И не на все из них найдешь ответы.

Стараешься не думать. И все же думается я ведь дальше города Ош никуда не ездила; да и то давно, когда была совсем маленькой. Как я испугалась, когда осталась на улице без мамы. Да, да, она меня потеряла. Мама моя подвижная, шустрая, она не ходит, а бежит. Шли мы на базар. Она держала меня за руку, потом отпустила. У самого базара – магазин игрушек. Я загляделась на витрину, а мама не заметила. Потом я посмотрела в сторону – ее нет. А вокруг незнакомые люди. Что делать? Стою и горько плачу. Незнакомые люди окружили меня. Спрашивают:

– Доченька, с кем ты пришла? Откуда? Как звать тебя?

Слезы душат меня:

– С ма-мой, – только и могла я ответить.

Те принялись ругать мою маму: как это так она могла потерять ребенка. Но тут примчалась мама и набросилась на меня: «Нечего было останавливаться».

...Город Фрунзе, говорят, в несколько раз больше, чем Ош. И, значит, затеряться там куда легче. Могут меня схватить, втолкнуть в машину, увезти бог знает куда... С девушками такое случается... Что я буду делать? Может быть, лучше не уезжать из родного айыла?

Но это значит – остаться снова среди мрачных коргонов. У нас есть поговорка: «Когда просят кумыс, дай попить, а когда сватают дочь, выдай ее замуж». Если останусь дома, то меня, конечно, выдадут замуж. Повяжу голову платком молодухи и буду возиться с домом, едой... Пойдут детишки. Нет, поскорей бы закончились экзамены и поскорей бы уехать в этот неизвестный город Фрунзе.

Бабушка Калча зачастила к нам. Что бы это могло значить? Они с мамой, о чем-то шепчутся в спальне. Стоит появиться мне, как разговор прекращается. Сегодня вечером я подавала им чай и услышала, как мама сказала бабушке Калче: «Передай Алмакан, пусть не беспокоится, все будет в порядке». Что это значит: «...все будет в порядке»?

Необычно ведет себя и папа: он тоже, о чем-то тайком от меня до полуночи

разговаривает с мамой. Чует мое сердце, что не к добру все это. Откуда-то выползет змея. Откуда? Неужели мама сказала Ташимову одно, а задумала другое?

Можно ли после всего этого уснуть?!

Я принимаюсь снова считать: один, два, три... десять... двадцать... тридцать... пятьдесят... Поскорей бы рассвело... Поскорей бы кончились экзамены... Поскорей бы уехать...

Не зря шепталась с мамой бабушка Калча. В город Фрунзе собирается, оказывается, и сын председателя нашего колхоза: он тоже едет туда учиться. Мама не хочет отправлять меня одну в этот «бесстыжий город». И вот у нее возник план, который мне случайно открылся. «Почему бы матери Аманбая Алмахан не обзавестись невесткой», – сказала она, не заметив меня, отцу. Папа молчал. Но мама наседала: «Калча ее сестра. Она обо всем договорится. Подумай, что будет с нами, если наша дочь выйдет замуж за какого-то бесстыжего городского человека. А тут мы породнимся с уважаемым земляком, и пусть тогда наши дети едут себе учиться в этот город Фрунзе».

Я, чтобы не выдать себя, тихонько скрылась и не знаю, до чего они договорились.

...Аманбай. Кто в нашем айыле его не знает. Помню, мы еще учились в четвертом классе. Нам прислали нового преподавателя. На первом уроке он знакомился с нами. Перед ним лежал классный журнал, и каждого из нас он называл в том порядке, в каком были записаны наши фамилии, по алфавиту. Начал, разумеется, с буквы «а». Но тут поднялся Аманбай и заявил: «Я – Аманбай. Почему вы не назвали меня первым?» Учитель даже растерялся. «Как твоя фамилия?» – спросил он, «Эргешов, – вызываяще ответил Аманбай. – Вы разве не знаете, кто мой отец?» Учитель нахмурился и спокойно ответил: «Кто твой отец – неважно. Но фамилия твоя начинается на букву «э», она стоит не в начале, а в конце алфавита. Так ведь? Ты должен знать это с первого класса».

Мы все дружно засмеялись. Аманбай покраснел, рассердился.

Когда у нас был старый учитель, то Эргешова называли первым. Вот он и привык к этому. Как же – сын самого председателя колхоза, и вдруг такое «неуважение».

А еще вот какой был случай. Как-то заболел наш физкультурник и ребята занимались сами. Соревновались в беге, от школы до моста и обратно. Примерно километр. Кто победит – тому будет присвоено звание чемпиона класса. Аманбай бежал легко и быстро. Но у него был опасный соперник – Абдылда. Ребята их подзадоривали: «Аманбай, поднажми!» – орали они. Или: «Не отставай, Абдылда!» У финиша они сравнялись. Но вот Абдылда рванул и опередил Аманбая. Мы окружили его. «Молодец! Поздравляем чемпиона! Гип-гип ура!» Усталый и злой Аманбай прикусил губу и подошел к Абдылде. Мы думали, что он тоже хочет его поздравить. Так ведь полагается даже на профессиональных соревнованиях. А здесь товарищи. Но Аманбай не поздравил его. Он неожиданно для всех ударил Абдылду кулаком в лицо. Подло, не правда ли? Все мы возмутились. Абдылда был не из тех, кто остается в долгу. Они схватились. И на этот раз Абдылда победил Аманбая: он повалил его на землю. Но тут Аманбай изловчился и в отместку ударил Абдылду в нос. У того потекла кровь. Мы их после этого еле разняли.

Таков Аманбай, заносчивый, тщеславный...

Но случилось все же так, что мы сдружились. Как это произошло? Однажды, когда мы учились в восьмом классе, я обнаружила в своих книжках его записку. Он признавался, что я ему уже давно нравлюсь, что только дружба со мной может изменить его характер. За первой записочкой последовала вторая, третья. Он называл меня лучшей из девушек не только нашего класса и айыла. «Мне кажется, что и во всем свете лучшей не сыскать», – писал он. И я откликнулась. Аманбай был видным парнем. На него многие девушки заглядывались. Мне казалось, что все дурное, что было в нем, отошло вместе с детством. Я откликнулась записочкой. Потом это стало чем-то вроде игры: он мне, я ему. Часто мы вместе шли в школу: я обычно впереди, а он сзади. Я, как бы случайно, роняла записочку, а он подбирал. Писали мы о разном, и о том, что не представляло никакой тайны, о чем можно было говорить при всех. Но просто сказать было не так интересно, как тайно передать записочку.

Что дальше? Мы ездили с ним на районный комсомольский актив и во время перерыва сбегали и сфотографировались. Потом я подарила ему на память вышитый мною носовой платок, а он в день Восьмого марта преподнес мне парфюмерный набор: духи, мыло...

Но через год, когда мы учились в девятом классе, к нам назначили нового директора школы. Его дочь Аписа пришла в наш класс. Мы с ней быстро подружились. Она девушка сообразительная, веселая. Нельзя сказать, что красивая. Нет! Но очень уж симпатичная. В ней есть что-то такое, что к себе располагает, притягивает. Она ни с кем не ссорится. Если кто-нибудь из ребят нас заденет, пошутит, то мы сразу же обижаемся, разозлимся. Не потому ли, что с детства нас матери учат: «Не подпускай к себе близко мальчишку. А если что – немедленно пожалуйся учителю». Аписа же ведет себя совсем по-другому. Удивленно она посмотрит на мальчишку своими глазами-угольями и пристыдит его: «Ай-ай-ай! Как ты можешь держать во рту такие скверные слова?» Все наши ребята прямо-таки влюбились в нее. Аписа долго жила в городе и хорошо знала русский язык. Она не стеснялась играла с мальчиками в волейбол. А когда проезжала на своем велосипеде, но айылу, женщины причитали: «О Аллах! Убереги наших детей. Разве видано, чтобы киргизская девушка была такой бесстыжей?! И это дочь самого директора школы? Как же он может воспитывать наших детей, если он со своей-то не справляется. Свернет она себе шею».

Я как-то сама не выдержала и сказала ей: «Аписа! Не стоит тебе кататься на велосипеде по айылу. Это считается у нас неприличным. Слышала бы ты, что говорят женщины». А она рассмеялась и ответила: «Этого я от тебя не ждала, Гулкуш. И в тебе, оказывается, сильны пережитки прошлого. Езда на велосипеде приятна и полезна: укрепляются мышцы, ты быстрее добираться к нужному месту. Ведь это один из видов спорта. Что же зазорного в том, что им занимаются не только мальчики, но и девушки? Напрасно ты поддаешься влиянию старух. Нам нужно жить по-новому, а не повторять их жизнь». Она говорила горячо. И я не могла возразить ей. Аписа оглядела меня с ног до головы, так, будто бы впервые увидела. «И когда ты бросишь носить эти тяжеленные ичиги с калошами? В туфлях ты выглядела бы совсем по-другому, куда лучше. Ты ведь еще не молодуха. Да и платок тебе не идет».

Аписа стала моей лучшей подругой. Часто она заглядывала ко мне домой, и мы вместе делали уроки. По ее совету рассталась с ичигами, калошами и перестала носить платок. Мама была недовольна. Когда Аписа приходила, мама встречала ее внешне вежливо: «Проходи, проходи, пожалуйста». А когда та уходила, то осуждала: «Посмотрите только на нее, бесстыжую, выставила свои ляжки и хоть бы что».

Мама хотела помешать нашей дружбе. Но я все больше и больше привязывалась к Аписе.

Вскоре я заболела: со мной случился приступ аппендицита, и меня положили в районную больницу, Аписа навещала меня довольно часто, рассказывала школьные новости. Об Аманбае – ни слова. Я ждала его. Но он не приходил и даже ни разу не передал привет. Почему? Я хотела спросить об этом Апису, но постеснялась.

Через некоторое время мне сообщили, что всех старшеклассников отправили в Ош, на сбор хлопка. Ребята вернулись в начале ноября, когда меня, после операции, выписали из больницы.

Аписа обнимала меня, целовала. Она искренне мне радовалась. Аманбай же сторонился, молчал. Мне было страшно обидно. Он вел себя так, будто бы между нами ничего до сих пор не было. Я написала ему письмо. Он не ответил. Вот он какой. А я ведь ему верила.

Тебе пишут, а ты не отвечаешь.
Вот ты какой, по имени «А».
Почему же ты молчишь?
Почему мучаешь меня?

Это четверостишие сложила я. Слабенькое? Но я ведь никогда не писала стихи.

Говорят, что все тайное становится, когда-нибудь явным. Тайна поведения Аманбая перестала быть тайной.

Аманбай увлекся моей подружкой. Они вместе ходили в кино, катались на велосипедах... Я узнала об этом и порвала фотографию, на которой мы были вместе, все его записки, порвала и бросила в речку...

Аписа, вероятно, не подозревала о моих отношениях с Аманбаем. Она была со мною по-прежнему нежна, предлагала вместе делать уроки, идти в кино. Но я уклонялась, ссылаясь на домашнюю занятость. Подружка пристально смотрела на меня. «Какая черная кошка пробежала между нами?» – спрашивал ее взгляд. А я молчала и злилась. Мне казалось, что она жалеет меня. И я чувствовала себя униженной, оскорбленной.

В начале этого года отца Аписы перевели в район директором школы-интерната. Провожали ее всем классом. Аписа сказала, что если я не приду, то она всерьез обидится. У нее было весело: мы пели, играли в разные игры. Аманбай фотографировал. Неожиданно он предложил снять меня с Аписой. Что делать? Вид у меня сразу стал кислым. Да и подружка моя изменилась в лице.

Настало время прощаться. Аманбай не отрывал взгляда от Аписы, а она делала вид, что не замечает его. Подружка отвела меня в сторону, крепко обняла, поцеловала и сунула записку: «Прочти после моего отъезда». Голос ее дрожал.

...Мы долго махали ей вслед. И она, выглядывая из машины, отвечала нам. В руке у нее была красная косынка. Аманбай не выдержал и побежал вслед за машиной.

А я по дороге к своему дому вынула записку и прочла.

«Вчера я была с Аманбаем в кино, – писала Аписа. – Он захотел подарить мне свою фотографию, полезла ней в карман, вынул записную книжку, а оттуда выпала фотография, на которой он с тобой. Я подняла ее. Аманбай растерялся, вырвал у меня фотографию и разорвал. Я пристыдила его: зачем он так поступил?! Он оправдывался: «Я в ней разочаровался». Вы, оказывается, дружили. А я ведь ничего об этом не знала. Аманбай, не скрою от тебя, мне нравится. Но ты моя подруга, и я никогда не сделаю ничего такого, что могло бы принести тебе боль. Понятно? От души желаю тебе счастья. Твоя Аписа».

Вот она какова, моя дорогая подружка! Могла ли я после этого на нее сердиться?!

Я ответила ей благодарным письмом, но просила не жалеть меня. С Аманбаем у меня все кончено: того, что было, – не вернуть. И если он нравится ей, то пусть не думает обо мне, а действует так, как подсказывает ей сердце.

Аписа от меня ничего не скрыла. Аманбай писал ей и даже два раза приезжал. Она сообщила и о том, что родители его противятся их дружбе, но «будущее покажет».

До меня дошло и то, что Аманбай заявил родителям, что он женится на Аписе и вместе с ней поедет учиться. Но дядя Эргеш будто бы рассердился. «Эту бесстыжую девку, которая катается на велосипеде, и на порог свой не пущу», – сказал он сыну. Аманбай, конечно, парень балованный. Родителей он все же слушается, я это знаю. Против них не пойдет.

...Я вспомнила обо всем этом в связи с тем, что мама говорила отцу. Неужели мне придется связать свою жизнь с Аманбаем? Он ведь растоптал нашу дружбу. Былая обида с еще большей силой вспыхнула во мне.

Мы остались наедине с мамой, и я рассказала ей все как было. Слезы лились из моих глаз.

– Неужели вы выдадите меня замуж за этого человека?

Мама не только не посочувствовала мне, но даже рассмеялась.

– Глупенькая, он ведь тебе нравился, и ты ему тоже нравилась.

– Да, но он меня забыл, обидел, бросил.

– Что значит «бросил»? – злилась уже мама. – Откуда это слово? Муж может бросить жену или жена мужа. А тебя никто не бросал. – Она вытерла мои слезы. – Перестань плакать! – прикрикнула она. – Можно подумать, что кто-нибудь умер. Ничего страшного не случилось, успокойся. И твои родители не сделают тебе плохого. Когда убежала Айзада, то

отец Эсенамана предлагал нам за тебя богатый калым: «Дам столько, сколько захотите», – говорил он. Но разве мы согласились? Мы сказали ему: «Наша дочка не ровня твоему сыну». С тех пор они с нами и враждуют. А Аманбай другое дело. Он ровесник тебе, сын хороших родителей, да и сам видный парень. Вы вместе поедете учиться, и мы будем спокойны за вас. Чего же плакать? Радоваться нужно, а не плакать».

Эх, мама, мама. Разве ей понять мое сердце?!

На дворе темно. Небо в тяжелых тучах. Изредка блеснет молния и обнажит вершины гор. Шарапат и Туратбека уложили спать. А я сижу, накрыв платком голову, как невеста, которую только что привезли в дом мужа. Мама принарядила меня в лучшую одежду. Сейчас ждут гостей: дядю Эргеша, тетю Алмакан и бабушку Калчу. Для них целый день пекли лепешки и готовили борсоки⁴.

Но гости запаздывают. Мои родители уже нервничают: папа то и дело выходит из дому поглядеть на дорогу, а мама напряженно спрашивает: «Не идут?»

– «Предупреждал же я тебя», – говорит отец, – что Эргеш будет важничать. Вот он и заставляет нас ждать. Лучше бы он и не пришел. Хочешь, все расстрою? – грозит он маме.

– От тебя всего можно ждать, – сердится в свою очередь она. – А может быть, их задержало что-нибудь важное, пытается она успокоить папу и заодно себя. – Может быть, они ждут, когда в айыле все улягутся. Придут.

Я сижу в спальне. И все это доносится ко мне через дверь. Потом ко мне заходит мама, гладит меня по голове, целует и, чтобы не выдать своего волнения, спрашивает:

– Не скучаешь, Гулкуш?

Она касается моих глаз и прижимает мою голову к своей груди:

– Не плачь, родненькая. Они сейчас придут. Вот увидишь.

И на этот раз она не поняла моих слез.

Она уходит, и я слышу, как она отчитывает отца за то, что он расстраивает меня.

...Айыл уснул. Тогда-то, тайно, как воры, к нам пожаловали жданные гости. Их не только наши соседи не увидели, но и дворняжка, которая лежала у ворот, не отозвалась. Они притащили с собой барана с большим курдюком и разные подарки: мне – панбархатное платье, хромовые красные сапожки, серебряные серьги, шелковый платок, Маме – атласное платье, а отцу – отрез драпа на пальто.

Они сели за большой стол. Отец попросил у них благословения и отправился во двор резать барана. А мама принялась растапливать очаг.

– Чем недовольна Гулкуш – спросила ее бабушка Калча. – Почему она надулась и молчит?

– Она всегда такая стеснительная, – старалась рассеять ее подозрение мама. – Разве ты не знаешь? А почему вы так задержались? – спросила она ее, чтобы отвлечь от меня внимание.

– «Ждали, пока – народ уснет», – сказала Калча. – Эргеш не хотел, чтобы видели, как он барана к вам тащит.

Явился отец. Мама уложила в казан мясо и послала его к сватам.

– Что мне с ними – песни распевать? – недовольно бросил на ходу отец.

– Хорошие дела надо весело делать, – заметила ему вдогонку мама.

А я сидела, и мне чудилось, будто бы все происходящее – дурной сон. Хотелось выбежать на свежий воздух и что есть силы крикнуть: «О люди, проснитесь! Идет торг! Помешайте моим родителям продать свою дочь! Помогите!»

Я оставила гостей и вышла в наш двор, окруженный коргоном. Мать и отец ругались. Я не видела их в темноте, но слышала их спор.

– Ты что, дурак? – наступала на него мама. – Я женщина и должна молчать. А ты стой

⁴ Борсоки – кусочки теста, сваренные в жире.

на своем, не отступай.

Отец защищался:

– Жадничать нехорошо, стыдно.

– Смотри какой совестливый нашелся, – высмеивала его мама. – Они нам не даром дают двадцать пять тысяч. Ее приданое столько стоит. Да и Гулкуш мы им отдаем. Это как – не в счет?

Кто был на скотном рынке, знает, как там спорят о цене скотины. Продавец всегда нахваливает свой товар: «Посмотрите, какие зубы у лошади, какое вымя у коровы...» А покупатель старается снизить цену и потому бракует и зубы, и вымя... Он старается найти изъяны у скотины. Как бы она ему ни нравилась, он будет ее порочить, будет доказывать, что она стоит не больше того, что он предлагает.

Так спорили, как я понимала, и обо мне.

Я не крикнула: «О люди, проснитесь!» Из моей груди только вырвалось: «Ма-ма!»

Она кинулась ко мне. А отец, ничего не сказав, вошел в дом.

– Ты чего? – всполошилась мама – Слушала наш разговор? Так я ведь настаиваю на двадцати пяти тысячах только ради того, чтобы они тебя больше ценили, о тебе пекусь.

– Мне этого не надо! – исступленно крикнула я.

Мама зажала мне рукой рот.

– Брось, будь умницей. Зачем зря волнуешься? Мы же поступаем по обычаям предков. Подумаешь – двадцать пять тысяч! Да мы ведь дадим тебе на столько же приданого. – Мама тяжело вздохнула. – Лучше мне умереть, чем видеть тебя в нужде.

Тут появился отец и потребовал нас в дом.

Дядя Эргеш, оказывается, никак не хотел увеличить калым с двадцати до двадцати пяти тысяч. Мне потом рассказала сестренка, которая проснулась и все слышала. Отец с матерью спорили во дворе, а дядя Эргеш со своей женой – в комнате. Тетушка Алмакан убеждала его как могла: «Девушка, мол, вполне достойная. Не скупись. Какое значение имеют в таком деле пять тысяч, которые ты стараешься сберечь?» Дядя Эргеш сопротивлялся: «Если пять тысяч ничего не стоят, то почему Камурза не уступает их мне? Почему ерепенится? Разве мы берем его дочь задаром? Двадцать тысяч – хорошая цена. Другие и того не дают. Как бы хуже не вышло: возьму сына и отправлю в Пурунзе. Он без всякого калыма приведет нам невестку». Но тетюшка Алмакан держалась своего: «Невестку-то он тебе приведет, только будешь ли ты ей рад? Может случиться такое, что ты не пожалеешь двадцати пяти тысяч, чтобы ее не видеть. А такая невестка, как Гулкуш, и большего стоит».

И в конце концов дядя Эргеш сдался: он согласился выплатить калым в двадцать пять тысяч.

После того как родители договорились, начался торжественный ужин.

Тетушка Алмакан передала мне от себя кусок мяса и сказала: «Переживи меня». А под конец ужина все произнесли «аминь!» и пожелали мне и Аманбаю счастья.

Ко мне подошла мама.

– Поднимись, дорогая. Сейчас твоя будущая свекровь преподнесет тебе серьги.

Я нехотя встала. Тетушка Алмакан чинно подошла ко мне, вынула из кармана своего кемсела⁵ серьги и вдела их мне в уши.

– Будь счастлива, Гулкуш, – всхлипнула она и вытерла глаза своей белой шалью. – Теперь ты стала и мне дочерью.

Она поцеловала меня.

Меня душили слезы. Она попыталась утешить: «Это слезы радости».

Странные люди! Они все истолковывают так, как хотят, так, как им выгодно.

Разошлись в полночь.

Мама очень устала. Она жаловалась на боль в пояснице. А у меня болела душа.

⁵ Кемсел – женская одежда.

...Мама успела уже подоить корову, и Туратбек погнал ее в стадо. А я все еще лежала, укрывшись с головой. Мама перемыла посуду, разожгла очаг, вскипятила молоко. Я продолжала лежать. Отец позавтракал, о чем-то пошептался с матерью и уехал. Я не вставала. Если бы я, как обычно, поднялась и подоила корову, перемыла посуду, разожгла очаг, вскипятила молоко, то мои родители могли бы подумать, что я довольна всем вчерашним. Нет! Я лежала, подчеркивая тем самым свое несогласие с ними, свой протест.

Сегодня с утра последний экзамен по химии. Все наши ребята уже в школе. А я лежу, укрывшись с головой в постели, и боюсь встать. Мне не хочется пить с матерью чай, придется отвечать на ее какие-то вопросы. Не хочется идти в школу: как Я встречу с Аманбаем?

Но вот мама приподнимает край одеяла и открывает мое лицо:

– Тебе уже давно пора встать, доченька. – Она гладит мои взлохмаченные волосы.

– Ты уже, наверное, проголодалась.

Я притворяюсь спящей. Раньше обычно мама будила меня совсем по-другому. Она резко говорила: «Вставай! стыдно так долго валяться в постели». Она не гладила меня и не беспокоилась о том, не проголодалась ли я. А теперь:

– Поднимайся, моя дорогая... Да у тебя ведь сегодня экзамен.

Последний экзамен... Я молча поднялась и посмотрела в зеркало, которое висело на стене. Вид у меня был неприглядный: глаза грустные-грустные, под ними синева. На всем лице – печать горя.

Тот кусок мяса, который передала мне тетушка Алмакан, аппетитно ел сейчас мой братишка. Он, конечно, тоже желал мне того же счастья, что и родные.

– Скоро сестричка покинет наш дом! – озорно крикнул он, увидев меня.

Я крепко шлепнула его по спине. Он выронил мясо и заревел.

Мама на этот раз не стала отчитывать меня, а поддержала.

– Так этому шалопаю и надо.

Я умылась и выпила чай. Мама принудила съесть пиалу сметаны.

– О том, что произошло вчера вечером, никто не знает и не должен знать, – предупредила меня мама, когда я собралась уже уходить. – Имей в виду, что у каждого человека больше врагов, чем друзей. Узнают – достанется отцу. Смотри не рассказывай подружкам.

Мама думает, что я могу то ли похвастаться, то ли пожаловаться. А мне стыдно и вспомнить о том, что произошло.

– Случится тебе встретить своего свекра, – продолжает мама, – води себя достойно, как полагается по нашему обычаю: не попадайся ему на глаза. Это – знак уважения, почтения. Ему будет приятно. Увидишь его – постарайся побыстрее скрыться.

Только я вышла на улицу, а мне навстречу Зулай.

– У нас уже почти все сдали экзамен, а тебя все нет и нет, – принялась она отчитывать меня. – Тебя уже два раза вызывали. А теперь меня послали узнать, что стряслось с тобой, не заболела ли.

Я отрицательно покачала головой.

– Не-по-ня-тно, – протяжно произнесла Зулай. – Непонятно и подозрительно. В чем же дело?

– Ни в чем.

– Как это ни в чем?

– Так и ни в чем. Ты что пристала, будто следователь? – огрызнулась я.

Зулай обиделась:

– Я с тобой по-дружески, а ты?

Мы шли молча. Ночью лил дождь, а сейчас солнечно. Свежо и весело выглядели тополи, посаженные вдоль дороги. Ветерок слегка колебал их макушки.

И вдруг за мостом, который нам предстояло перейти, показалось два всадника. Один из них – дядя Эргеш, я узнала его издали. Я оторопела. Как быть? Повернуть и скрыться? Но

Зулай все поймет и растрезвонит: «Гулкуш увидела дядю Эргеша и сбежала. Она, вероятно, уже сосватана». Сердце мое колотится: по-зор, по-зор, по-зор... А всадники все приближаются.

– Зулай, – схватилась я за живот, – дорогая, подожди меня здесь немного”, – сказала я и забежала во двор дяди Токтабая, мимо которого мы проходили. Бежала я от беды, а попала в беду: во дворе на меня накинута собака. Я крикнула и присела от страха.

Жена дяди Токтабая тетушка Каймат услышала мой крик и поспешила на помощь.

– Заходи, заходи, дорогая, давно ты у нас не была.

Собака, услышав голос хозяйки, сразу присмирела.

Встреча с тетушкой Каймат не входила в мои намерения. Нужно было что-то придумать.

Я сообразила:

– Мама просит у вас немного закваски.

От сердца у меня отлегло, когда я это сказала. Всегда, вероятно, человека выручает неправда, когда он оказывается в таком трудном положении, как я.

– Закваски? – повторила тетушка Каймат. – А у меня она уже вся кончилась. Жаль, очень жаль.

«Прекрасно», – подумала я. Что бы я делала, окажись у нее закваска?

– Передай маме, – сказала тетушка Каймат, – что я бы не пожалела для нее закваски. Но ее нет сейчас у меня.

Я извинилась за то, что зря ее побеспокоила, и ушла. Теперь важно, чтобы мама не встретила с тетушкой Каймат до моего возвращения.

...Когда мы пришли в школу, ребята толпились еще у дверей класса, где принимали экзамен. Встретили меня шуточками:

– А мы только ее и дожидались. Теперь можно идти сдавать. Раз Гулкуш с нами, мы не провалимся.

А кто-то заметил:

– Она так усердно готовилась, что глаза опухли.

У стены одиноко стоял Аманбай. Он был бледен, руки в карманах, во всей фигуре чувствовалась напряженность. Он искоса посмотрел на меня и отвернулся.

– Гулкуш, тебя зовут”, – сказала девушка, вышедшая из класса; она уже сдала.

За столом, украшенным цветами, сидела экзаменационная комиссия во главе с директором школы. Нет нужды описывать мое состояние. Кто не волнуется на экзамене! А тут еще вчерашний вечер и встреча у дверей с Аманбаем. Руки у меня дрожат.

– Успокойся, – говорит мне, улыбаясь, учитель химии. – Все пройдет хорошо. Я в тебе уверен.

Я вытянула билет и уселась на задней парте.

– Какой номер? – спросил директор.

Я его сразу не расслышала. Я думала об Аманбае: «Вот он какой герой! Даже смотреть на меня не хочет. Почему же он не ответил вчера своим родителям?»

– Калмурзаева, какой у тебя номер билета? – повторил директор.

– Номер? Пятый.

Учитель по химии заметил, что я чем-то расстроена. Но он не стал меня ни о чем расспрашивать. Он только подошел ко мне и тихо спросил:

– Вопросы понятны?

Я, как бы опомнившись, быстро пробежала их глазами.

– Если что непонятно, спрашивай, не стесняйся.

Я механически закивала головой.

– Не заболела ли ты? – встревожился учитель. – Я первый раз вижу тебя такой.

– Да, голова немного болит, – ответила я.

Он сел рядом со мной и принялся объяснять мне вопросы. А я слушала его и все думала о другом: «Как он посмел после того, что произошло вчера вечером, так меня встретить?!»

На мое счастье вопросы оказались легкими. Я подняла руку.

– Разрешите отвечать?

– А ты хорошо подготовилась? – спросил директор, – Эргешов тоже захотел отвечать с ходу, да споткнулся.

Вот оно что! Ну раз так, то ему назло я не споткнусь.

Я без запинки ответила на все вопросы. Ответила и на дополнительный. Директор похвалил меня:

– Молодчина!

Я вышла. Ребята стали поздравлять меня. Аманбая не было. Я сказала, что голова трещит, и отправилась домой.

Иду и плачу. Сдала последний экзамен. Окончила школу. Радоваться бы надо. Я ведь так мечтала об этом дне. А плачу, как маленькая девочка. Хорошо, что по дороге не встретился никто из знакомых.

Мама испугалась, когда увидела меня.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Почему плакала?

– Просто так.

– Просто так ничего не бывает. Может быть, тебя кто обидел?

– Нет.

– Почему же тогда плакала? Может быть, не сдала экзамена? Или больна?

– Экзамен сдала и здорова.

Мама гладит меня, целует, а я плачу.

– Почему? Не мучай свою маму, расскажи. Я думала, что могу уже быть спокойной за свою дочь, а выходит... – Мама не договорила.

Мне хотелось открыть ей свое сердце, но разве она поймет. Скажет: «На это не стоит обращать внимания. Он и не должен был на людях любезничать с тобой, девушка должна быть кроткой». Ох, я знаю все, что она может мне сказать.

Я пошла в спальню. Мама за мной. Она с состраданием смотрела в мои воспаленные глаза и ждала признания. Но я молчала.

После обеда пришел наш классный руководитель и поздравил меня и моих родителей с тем, что я закончила десятилетку. Он напомнил маме, что меня посылают во Фрунзе, нужно готовиться к отъезду.

Фрунзе! Фрунзе! Как жду я того часа, когда расстанусь с мрачным коргоном, прощусь с родными, друзьями и уеду в город моей мечты, где заживу новой, своей, самостоятельной жизнью. Поскорей бы наступил тот день.

Я сдала вступительные экзамены и вот уже несколько дней хожу в университет, чтобы узнать результаты. Сегодня сказали, что списки принятых вывешат завтра. Все, разумеется, переживают.

Живу я в общежитии: нас трое в комнате. Под вечер явился Аманбай и сообщил, что его зачислили на ветеринарный факультет сельскохозяйственного института. Я поздравила его. От него несло спиртным. С ним был какой-то парень – здоровяк, с ярко-белыми зубами. Держался он развязно.

– Давайте знакомиться, – протянул мне он руку. – Зовут меня Алишер, а фамилия Бекказиев. Год рождения тысяча девятьсот сороковой, предвоенный. Сын безупречных родителей. А вас как зовут?

Он подмигнул Аманбаю.

– По всему видно, я ей не пришелся по вкусу. Жаль, жаль.

Аманбай дружески хлопнул его по спине.

– Не огорчайся, дорогой. Девушка, говорят, попрыгает-попрыгает, а потом привыкнет. – Он многозначительно посмотрел на меня.

– Пойдем погуляем, – предложил Аманбай.

– Сегодня не могу, – ответила я.

– Причина?

– Голова болит.

Алишер отошел в сторону. Аманбай, прищутив глаза, сказал:

– Сейчас не пойдешь, в другой раз не приглашу.

– Неужели?! – смеясь ответила я.

“– Будь здорова”, – произнес Аманбай и круто повернулся к двери.

Алишер раскланялся и пообещал заглянуть ко мне в другой раз, когда я буду чувствовать себя лучше.

Чувствовала я себя действительно плохо. Меня жгли слова Аманбая: «Девушка, говорят, попрыгает-попрыгает, а потом привыкнет». Вот на что он надеется! Да еще этот нагловатый Алишер...

В это время пришла одна из тех девушек, с которыми я жила. Звали ее Сайракан. Она вынула зеркальце и поправила прическу. Кто-то постучал в дверь.

– Нельзя! – крикнула она.

Но дверь открылась, и в комнату ввалился парень, высокий, с пышной шевелюрой.

– Простите, пожалуйста! – он слегка поклонился.

– Я ведь сказала – нельзя, – грозно и вместе с тем кокетливо сказала Сайракан.

– Я плохо слышу, – ответил парень и пристально посмотрел на меня.

– Тот, кто плохо слышит, должен идти к врачу и лечиться, – медленно и твердо произнесла Сайракан.

Парень промолчал.

– Ох, Авазбек, Авазбек, – сказала она игриво, – когда ты, наконец, приобщишься к культуре? Учишься на третьем курсе университета, а не знаешь элементарных правил приличия. Перед тобой незнакомая девушка, – она повернулась ко мне, – а ты, вероятно, ждешь, когда она с тобой познакомится.

– Ой, простите мою недогадливость. – Он протянул мне руку.

– Авазбек.

– Гуляим.

– Красивое имя, – сказал он и задержал мою руку в своей.

Я покраснела.

– Пошли в кино «Ала-Тоо», – предложил Авазбек.

– Нам еще рано шататься по кино, – грубовато и жеманно ответила Сайракан.

– Как это рано?

Сайракан вплотную стала против него и повела открытыми плечиками.

– Очень просто: ты студент третьего курса, а мы только жаждущие попасть на первый. Ты можешь ходить в кино, а нам еще рано, нужно подождать, когда примут. Между нами и тобой такая же разница, как между небом и землей.

Авазбек равнодушно слушал ее, склонив набок голову. Потом энергично вскинул ее и сказал:

– Готов поспорить.

– О чем?

– О том, что вы обе будете приняты. Держим пари?

Сайракан кивнула мне:

– Какой храбрый нашелся. Нет уж, мы обойдемся сейчас без пари и без кино. Выждем.

Но тот продолжал уговаривать:

– Сайракан, смени гнев на милость. Преступно в такой вечер сидеть в комнате.

И моя лукавая соседка смиростивилась. Но прежде чем это произошло, она съязвила:

– Авазбек, ты, вероятно, не догадаешься выйти, чтобы дать нам возможность переодеться.

Тот моментально вышел.

Я наблюдала за всем этим и мысленно сравнивала Авазбека с Аманбаем: какие они разные. Аманбай давно бы уже хлопнул дверью: «Не хочешь, не надо!» Он высокомерен, нетерпим... а этот мягок и добр. С таким можно дружить.

Я упрекнула Сайракан:

– Уж очень строга ты с ним. – Я употребила слово «осол».

Сайракан не поняла:

– Что это значит – «осол»? По-русски – ишак?

– Нет! «Осол» – значит «стыдно», я хотела сказать, что ты зря стыдишь его, он может обидеться.

– Впервые слышу «осол». Это киргизское слово?

– Не знаю, но у нас на юге так говорят.

– Понятно, – продолжая переодеваться, сказка Сайракан. – Ну и пусть обижается. Я за него не и цепляюсь. – Она в упор посмотрела на меня. – Это в ваших краях жены стелются перед мужьями, угождают им всем, называют на «вы» и не могут наглядеться, как на ясную луну. Правда ведь?

– Да, это так, – согласилась я. – Но что плохого и том, что к мужу обращаются на «вы»? Это признак уважения.

Сайракан повертелась на своих высоких каблукках.

– Интересно! Назовут на «вы», а в душе Аллах знает, что про него думают, ругают последними словами, и это называется уважением. Главное, выходит, чтобы на «вы» обращались.

– Откуда ты это взяла?

Но Сайракан уже не слушала меня. Она вынула из чемодана красное платье, приложила к себе и посмотрела в зеркало.

– Девушка должна крепко держать в руках парня и не показывать ему своей любви, – рассуждала она как бы сама с собой. – Если ты будешь все время ласкаться к нему и объясняться в любви, то это ему быстро надоест, и он начнет засматриваться на других девушек. Пушкин писал, – и тут она, став в позу, декламировала:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

– А я бы, – сказала Сайракан, кружась в своем красном платье, – переделана бы эти строчки на другие:

Чем меньше мы мужчину любим,
Тем больше нравимся ему,
И тем его быстрее губим...

Она причмокнула язычком и опустила рядышком со мной, на мою кровать.

– Ты права, Гулкуш, – заговорила она уже совсем другим тоном. – Я, быть может, и грубовата с Авазбеком. Но имей в виду, что я люблю его. И это продолжается уже третий год. И он любит меня. Потому все и терпит. Да он знает, что я не хочу его обидеть. Напрасно ты употребила это странное слово «осол». Без Авазбека я не представляю себе жизни. Ты понимаешь?

Нет, это была совсем не та Сайракан, какой я представляла себе ее минуту назад. В ней не было ничего от легкомыслия, кокетства.

– Из-за него я оставила родителей и приехала сюда, – призналась Сайракан. – Я хочу поступить в университет, чтобы быть ближе к Авазбеку. Мы будем учиться на одном факультете, у нас будет одна специальность, а это значит, что и интересы будут общими.

– Мама не противилась твоей поездке? – спросила я ее.

– Мама? – удивилась Сайракан. – Не-ет! А какая мать может тому противиться? Каждая ведь только и думает, чтобы вывести дочь в люди, дать ей образование. Мама, провожая меня, только и говорила: «Пусть Аллах сопутствует твоему счастью! Поступишь учиться, а там и замуж выйдешь». А я ей: «Кончу учиться и вернусь домой. Здесь и выйду замуж». Но это ее не успокоило.

– А как ты в самом деле поступишь? – спросила я.

– Как получится – так и поступлю, – не задумываясь ответила Сайракан. – Не буду же я просить родителей, чтобы они нашли мне мужа. Главное – была бы любовь. – Мы забыли об Авазбеке. Он напомнил о себе стуком в дверь.

– Сейчас! – крикнула Сайракан. – Подожди еще немного.

– Поторопись, – сказала я ей.

– Ничего, пусть подождет. Парни для того и созданы, чтобы ждать. – Сайракан усмехнулась. – А у тебя, Гулкуш, есть парень, которого любишь?

Я не знала, что ответить.

– Не стесняйся. Хочешь, познакомлю с одним товарищем Авазбека? Он поступил в сельскохозяйственный. Знатный парень. Звать его – Алишер, а фамилия – Бекказиев.

– Алишер Бекказиев! – вырвалось у меня.

– А ты его знаешь?

– Сегодня познакомилась.

– Ну и как?

– Никак.

– Значит, у тебя кто-то есть.

– Да, есть.

– Ну тогда поздравляю. – Сайракан поцеловала меня в щеку. – Пойдем с нами в кино?

– Нет.

– Почему?

– Я с ним не пошла. Увидит, будет ругаться.

– Ругаться? – Сайракан повела бровями.

– Нет, не ругаться, а обидится – поправилась я.

Тут снова раздался стук в дверь, и Сайракан выпорхнула из комнаты.

Я не верила, когда говорили, что человек может плакать от радости. От горя – понятно. А как это от радости? Почему не плясать, не смеяться, не шутить, а именно плакать? И вот сегодня я на себе увидела, что значит плакать от радости.

Еще не было девяти утра, когда я и Сайракан пришли в университет, чтобы посмотреть списки поступивших. Их еще не вывесили. В коридоре толпился народ. Каждый, естественно, тревожился о своем.

– Тех, кто приехал с севера, не будут принимать, – громко говорила курносенькая девушка своей подружке.

– Почему? – спросила та.

– Наши места отдают тем, кто с юга.

– Это как?

– Есть такое указание свыше.

С этой курносенькой я столкнулась на экзамене по истории. Она норовила опередить меня. И тогда я уже слышала от нее:

– Тебя все равно примут, хоть и двойку получишь. По твоему широченному платью видать, откуда приехала. А я, бедная, могу с четверкой провалиться.

Чего было с ней спорить! Я уступила ей свою очередь. Но предмет она знала плохо. Преподаватель спросил, когда родился Петр Первый. Она ответила:

– Не знаю... Видела в кино, но там, кажется, не обозначили.

А как она упрашивала постанить ей тройку! Схватила она двойку. Когда же мне после

нее поставили четверку, то она все кричала о «несправедливости»: северян, мол, проваливают, а южанам незаслуженно ставит хорошие отметки. Это взорвало меня:

– Стыдилась бы! Ничего не знаешь, а жалуешься.

Да разве такую проймешь! Она разошлась еще больше.

– Смотрите-ка на нее, – орала она, тыча в меня, – Приехала с юга и думает, что ей все дозволено, что она может меня оскорблять.

Я тогда еле от нее отвязалась.

А теперь она хвастается своим дядей, который работает в каком-то высоком учреждении и который ей доверительно передал, что есть указание свыше: всех северян проваливать, а всех южан принимать.

Сайракан слышала ее разглагольствования.

– Я тоже с севера, – вступила она в разговор.

– О, землячка! – курносенькая протянула ей руку. Но Сайракан не поздоровалась с ней.

“– Скажите, пожалуйста, если не секрет, фамилию вашего милого дяди”, – спросила она, – Где и кем он работает?

Курносенькая опешила:

– Зачем это вам?

– Для того, чтобы установить, кто врет: он или его племянница?

Все рассмеялись. Курносенькая сжала кулачки и к Сайракан:

– Ты кто – милиционер, следователь?

Чем бы закончилась эта история – не знаю. Но тут вывесили списки и все, толкая друг друга, поспешили к ним.

Наконец-то я добралась к заветной доске. Тревожно перебираю фамилию за фамилией. И вот черным по белому: Калмурзаева Гуляим. Да-да: Калмурзаева Гуляим. Читаю и глазам не верю. Я принята! Я принята! Не может быть уже никаких сомнений, так и написано: Калмурзаева Гуляим. Это я. На моих глазах выступили слезы. И тогда-то я поняла, что человек может плакать и от радости.

– Гулкуш! – окликнули меня сзади. Я оглянулась. Сайракан.

– Принята, – сказала я ей.

– Меня тоже приняли. – Лицо ее светилось. – Теперь мы будем учиться вместе, – она обняла меня.

Курносенькую, оказалось, тоже приняли. Ее зовут Айгюль, и она живет теперь в одной комнате со мной и Сайракан. Нас раздражает в ней все: как говорит, как ходит, как поет... Но урок, преподанный ей Сайракан, не прошел даром. Она уже не ссылагается на своего высокопоставленного дядю. Она пытается наладить отношения с нами, вчера звала даже в кино. Посмотрим, что будет дальше.

А с Сайракан мы дружны. Она девушка умная и душевная.

...Сейчас я стою на балконе нашего общежития и смотрю на улицу. Напротив – здание университета. Раньше я видела его только на фотографиях, а теперь –воочию. Тогда я с завистью думала: «Какие счастливики в нем учатся?»

Через два дня – первое сентября. Мы уже определены в группы. Начнутся занятия.

Я думаю об этом дне.

Университет – это не то, что школа. Тут учителя за тобой уж так не следят: ты самостоятельный человек. И если что не сделаешь, пропустишь – пеняй на себя.

Но я не боюсь трудностей. Буду стараться. Говорят, «Старание и труд – все перетрут». Через пять лет я стану учителем родного языка и литературы. Этого нужно добиться, и я добьюсь.

Мама, узнав, что я принята, прислала письмо «Не осрами нас, дочка, – пишет она, – не запятнай свою честь». О чем тревожится мама? О том, чтобы меня никто не обидел, чтобы я вовремя ела, отдыхала, чтобы я, в случае нужды, не постеснялась написать ей о деньгах. И

наконец: «Никому не рассказывай о том, что ты сосватана, а то можно попасть в «Чалкан»⁶ или в газету». Ох, мама, мама... Она, знаю, лишилась сна с тех пор, как я уехала. Каждый день только и думает: «Как там Гулкуш? Не случилось ли с нею что-нибудь плохое?»

Я не рассказала, кажется, о том, что делалось в нашем доме перед моим отъездом. Мама никак не могла примириться с нашей разлукой. Она оттягивала ее со дня на день. Она сбилась с ног: пекла мне в дорогу лепешки, жарила мясо... Сама уложила в большой чемодан мои вещи. Зашила в подкладку моего пальто деньги. «Берегись воров, – предостерегала она. – Их много в поездах и в городах». Ночью она рассорилась с отцом, обвинив его в том, что это именно он согласился на мой отъезд.

– Наша дочь уезжает, а ты спишь, – упрекала она его.

– Что же мне делать? – оправдывался отец. – Она ведь едет учиться. У многих дети учатся в городе и приезжают к родителям зимой и летом, когда их отпускают.

Но разве это могло утешить мою маму?!

Она провожала меня в машине до станции Кара-Суу, где я села на поезд. Мы ждали его часа полтора. И все это время она напутствовала меня и плакала.

Как мне ее жаль! И я, не скрою, уже очень соскучилась по ней.

Вот мы и начали учиться. Каждый день по восемь часов лекции. Их нужно записать. Кроме того, сидишь за книгами в библиотеке. Мы, бывало, жаловались на то, что трудно в школе. Смешно вспомнить об этом. Разве сравнишь день студента с днем школьника.

Преподаватель по фольклору сказал нам: «Помните, что вы студенты университета. Вы должны приучать себя к самостоятельному научному мышлению, а не повторять механически все то, что услышите или вычитаете».

Читает он лекции живо, увлекательно. Записывать его трудно, так как хочется слушать.

А на лекции по истории произошла неприятность. Позади меня сидел какой-то парень и все время мешал слушать: шутил, кривлялся. Он приставал ко мне: как зовут? из каких и мест? сколько мне лет? Хотел сесть рядом. Я отмалчивалась. Преподаватель сделал ему замечание раз, другой. А он – никакого внимания. Тогда преподаватель вынужден был удалить его с лекции. Всем нам было стыдно.

Среди студентов есть один пожилой: у него уже лысина, и он ее ничуть не стесняется. Он с гордостью говорит, что у него пятеро детей. «Учиться никогда не поздно», – любит он повторять. И правда. Все относятся к нему с почтением.

...Сегодня воскресенье – выходной день. Мы отдыхаем вместе со всеми. Еще вчера с вечера девушки принялись готовить свои наряды. Айгюль суетилась: «Принаряжусь и поищу красивого парня». После обеда она ушла. А я и Сайракан остались в комнате: сидим и прислушиваемся: не остановится ли кто у нашей двери. Моя подружка выглядывала несколько раз на балкон. Никого. Она шагает вдоль комнаты и сердится:

– Дуры мы, дуры. До каких пор нам ждать и томиться?! Их нужно проучить. Пошли гулять.

– Ну что ты! – пытаюсь я ее сдержать.

– Пошли! – настаивает она.

– Подождем, они вот-вот придут.

– Хватит! – кричит подружка и хватается за руку.

Я сопротивляюсь.

– Боюсь.

Сайракан смеется.

– Кого ты боишься? Волки в городе не водятся.

– Бывают люди страшнее волков. Многие мне в нашем айыле говорили, что в городе среди бела дня увозят девушек.

⁶ «Чалкан» – сатирический журнал.

Сайракан перестала смеяться.

– И ты поверила этим басням?! Глупенькая...

За дверью послышались шаги. Мы схватили первые попавшиеся под руки книги и сделали вид, что углубились в чтение.

Но вот шаги замолкли. Нет, это не Аманбай, не Авазбек. Мы положили книги на стол и печально уставились друг на друга.

– Пошли, – приказала уже Сайракан. И я ей подчинилась.

Но прежде чем пойти в город, мне нужно было переодеть платье. Я вынула то самое, панбархатное, которое мне подарили родители Аманбая. Сайракан оно не понравилось.

– У тебя тонкая талия, а ты хочешь надеть такое широкое платье, которое носят только в айыле. Оно будет тебя уродовать. Меня это задело. У Сайракан нет такого дорогого платья. Не завидует ли она мне?

“– А мне не нравятся те платья, которые ты носишь”, – сказала я резко. – И я никогда не надену платье с раскрытой грудью и короткими рукавами.

Она ответила:

– Делай что хочешь.

И я, ей назло, надела панбархатное платье.

– Ты мне не старшая сестра, и я не обязана тебя слушаться, – заключила я.

Молча вышли мы на улицу. Сайракан пыталась сгладить размолвку. Она взяла меня под руку. Я отстранилась.

– Щекотно.

“– Не будь такой дикой”, – сказала Сайракан и улыбнулась. – Возьмем пример с тех, кто идет впереди нас.

Впереди двигались старик и старуха; он бережно вел ее под руку.

– Чего им здесь бродить лучше бы дома сидели – сказала я.

Сайракан осуждающе посмотрела на меня.

– А куда мы идем? – спросила я.

– Пойдем в «Ала-Тоо». Согласна? На дневной сеанс.

Мы сели в автобус. Напротив – паренек с будто бы приклеенными усиками. Он не отрывает от меня глаз. Сайракан хихикает, шепчет мне:

– Влюбленный попался.

Сошли мы у самого кинотеатра. Народу – не пройти. И что удивительно: ходят в такой тесноте, взявшись под руки вдвоем, втроем, а то и вчетвером. И хоть бы в одну сторону! А то вперед и назад, туда и обратно, как заведенные.

– Встретились две девушки, у которых подол почти по земле волочился. Им и шагать-то было трудно. Появись они в таких платьях у нас в айыле, за ними погнались бы собаки.

Билетов в кино мы не достали: все распроданы. Купили мы по порции мороженого и сели на скамеечке бездействующего фонтана. Посидели мы, посмотрели. Потом отправились в Панфиловский парк.

Народу тут не меньше, а больше. Сколько нужно хлебов испечь, чтобы его накормить?!

На площадке танцы.

– Пошли танцевать, – предложила Сайракан.

– А ты умеешь? – спросила я, не зная, что она выросла в Пржевальске.

– Как же, еще в седьмом классе научилась. А ты?

– Не умею.

– Разве вас в школе не учили?

– Был кружок, – сочинила я, – но в нем мало ребят занималось.

...Темнело, когда мы возвращались к себе в общежитие. Сайракан вспомнила свой Иссык-Куль.

– Обязательно свезу тебя к нам, увидишь, какое необыкновенное озеро. От него не оторвешься, до того оно красиво. Особенно в лунную ночь. Оно бывает мирным, ласковым.

А бывает и злым, бурным. Характер у него переменчивый.

Всю дорогу она рассказывала мне о своей прошлой жизни. Мы не заметили, как подошли к нашему дому.

Взошла уже луна. В ее свете я разглядела на скамейке Аманбая. Он сидел, заложив ногу на ногу, угрюмый.

– Здравствуйте, – сказала я, обрадовавшись, что он все-таки явился.

Аманбай не ответил. Он мрачно посмотрел на меня, потом на Сайракан.

– Где ты шатаешься весь вечер? – спросил он, не меняя позы.

Меня будто бы окатили ледяной водой.

– Как вы смеете так разговаривать с девушкой? – возмутилась Сайракан. – Кто вы такой?

– Я – А-ман-бай, – ответил он вызывающе спокойно...

– Тогда я – Сайракан, – сказала она ему в тон. – Мы ждали вас, не дождались и отправились гулять с другими, не хуже вас, ребятами. Понятно?

Аманбай помрачнел еще больше. Он стиснул зубы.

– Сайракан говорит неправду, – вмешалась я. – Никого с нами не было. Мы ушли и пришли вдвоем.

Но разве Сайракан могла понять меня?! Она вошла в свою роль и продолжала ее играть.

– Чего ты его боишься, Гулкуш? Нас пригласили молодые люди, угостили нас мороженым. Мы с ними потанцевали. Они нас проводили. Так ведь? А если Аманбай ревнует, то пусть больше не опаздывает. Иначе и не то будет.

Она повертелась на своих каблучках, махнула мне рукой и скрылась за дверью.

“– Она шутит, все это неправда”, – сказала я Аманбаю.

Но он отвернулся от меня. Мимо нас проходили ребята. Кто-то из них, глядя на нас, бросил: «Поссорились!»

Я мысленно ругала себя: «Зачем послушалась Сайракан? Зачем пошла с ней?»

Аманбай поднялся и кивнул в сторону. Это значило: «Пойдем туда». Я молча последовала за ним. Мы остановились у столба, на котором тускло мерцала электрическая лампочка. Вокруг темно. Оттуда доносился веселый молодой шум. А у меня на сердце было так тяжело, что вот-вот я могла заплакать.

– С кем ходила? – начал допрос Аманбай.

– Только с Сайракан.

Он нагнулся и свирепо глянул мне в глаза.

– Хватит врать. Говори правду.

– Я говорю правду. Ты не имеешь права мне не верить. – Голос у меня дрожал.

– А кто тебе разрешил гулять без меня?

Он разговаривал со мной так, будто бы я была уже его женой. Это и взорвало меня.

– Кто дал тебе право так со мной разговаривать? Я не крепостная у тебя. Подумаешь – кто разрешил! Сама себе разрешила. Сама знаю, куда и с кем идти.

Он не ожидал такого отпора.

“– Нет, не знаешь”, – произнес он уже менее воинственно.

– Знаю.

– Со мной не спорь – может плохо кончиться, – погрозил он пальцем. Но тут я повернулась и ушла.

Имя профессора, который сейчас читает нам лекцию, хорошо всем знакомо. Еще в школе мы учились по его учебнику грамматики. Теперь он стоит на кафедре, высокий, худой, бледнолицый, с черными волосами, в которых пробилась седина, и так интересно говорит о том, что казалось таким скучным.

Прозвучал звонок. Лекция кончилась. Шум голосов и парт заполнил аудиторию.

Профессор поднял руку. Все стихло.

– Может быть, есть вопросы?

Встал розовощекий парень.

– Скажите, пожалуйста, что вы считаете более интересным – изучать литературу или язык?

Раздался дружный смех. Профессор вышел из-за кафедры. Он, видно, устал и потому говорил очень тихо.

– Так ставить вопрос нельзя, юноша. Каждая наука интересна по-своему. И каждая заслуживает того, чтобы посвятить ей жизнь. Много зависит от того, с какой степенью желания ты ею занимаешься, отдаешься ли ты ей целиком или частично. Если ты ее не полюбишь, то она отвернется от тебя. Еще вопросы?

– Есть! – крикнула Айгюль. – Я живу с девушкой, которая часто употребляет такие слова, как «осол», «пайдубал», «шингил». Я их не понимаю мы спорим. Она говорит, что это киргизские слова. Так ли?

Я почувствовала, как кровь прилила к моему лицу, и оно зарделось. Это она обо мне. Что же скажет профессор? Я облокотилась и внимательно слушаю.

Профессор одобрительно кивнул.

– Вопрос интересный. Ваша подруга, вероятно, с юга, а вы с севера?

– Да, – подтвердила Айгюль. Она стоит на виду у всех и, тоже волнуясь, ждет ответа.

Кого же из нас поддержит профессор – ее или меня?

– Интересный вопрос, – повторил он. – В нашем литературном языке мало применяют южный диалект. Вот почему вы и не знаете таких слов, как «осол», «пайдубал», «шингил». «Пайдубал» – это «фундамент». Южные киргизы чаще, чем северные, строили дома. Вот почему и слово это у них больше бытует. Любопытна история слова «шингил». На севере Киргизии раньше виноград не разводили. «Шингил» – виноградная лоза. Слова берутся не с неба. Они рождаются жизнью. Южный диалект – один из диалектов киргизского, а не какого-нибудь другого языка. Он имеет право занять достойное место и в нашем, литературном языке.

Больше вопросов не было. Профессор попрощался с нами и ушел.

Сайракан бежала ко мне через весь зал и, подняв руку, кричала:

– Поздравляю, Гулкуш!

Вчера я сидела в комнате, занималась. Одна из наших студенток передала, что внизу меня ждет какой-то парень. Не Аманбай ли? Но он бы поднялся. Я спустилась – никого. Не подшутил ли кто? Я уже было повернулась, но тут подходит незнакомый молодой человек, который, вероятно, наблюдал за мной.

– Здравствуйте! – он протягивает руку. – Прошу прощения. Это я хотел вас видеть.

Я инстинктивно подалась назад и спрятала руки за спину.

– Кто вы? Я вас не знаю.

Он замешкался, поправил галстук.

– Да, вы меня не знаете, но я вас знаю: зовут вас Гуляим, а фамилия Калмурзаева, и учитесь вы на первом курсе. Так ведь?

– Кто вам это сказал? – спросила я его строго.

А он улыбнулся, явно довольный тем, что разговор завязался.

– В том, что я узнал, нет, кажется, никакой ошибки, Гулкуш?

– Для вас я не Гулкуш.

Он пригладил левой рукой свои волосы.

– Если я в чем провинился, извините.

Он злил меня.

– Зачем вы меня звали? Что все это значит?

“– Ничего, кроме того, что я хотел пригласить вас сегодня в театр”, – сказал он медленно, рассчитывая на эффект, который должны произвести эти его слова. – Танцует сама Бюбюсайра. У меня два билета. Милости прошу, – он артистично раскланялся.

– Никуда я с вами не пойду! – крикнула я и помчалась вверх по лестнице.

Он пытался меня остановить:

– Подождите, мне нужно еще что-то сказать. – Но я и не обернулась.

Я заперлась на ключ и ждала Сайракан. В голову лезла всякая чертовщина «Будь осторожна, Гулкуш за тобой следят не ходи одна по городу. Этого парня подослали к тебе, чтобы проверить, как ты поступишь».

Сайракан как назло долго не приходила. Появилась Айгуль. Она удивилась тому, что дверь заперта. Я сказала, что переодевалась. Наконец-то пришла Сайракан Я позвала ее в коридор, и мы уединились на диване, который стоял в темном углу.

“– Эх, Гулкуш, ты совсем еще ребенок”, – сказала она, выслушав меня. – Есть из-за чего тревожиться. Парень захотел пойти с тобой в театр, ты ему нравишься, может быть, он тебя тайно любит, а ты его будто бы кипятком ошпарила. За что? Другая бы радовалась.

– Но я ведь уже дружу с одним, понимаешь, – возмущалась я. – Не по мне твой ветреный характер. Ты можешь крутить головы многим, а я на такое не способна.

Сайракан не обиделась. Она и в самом деле относилась ко мне как к маленькой, непонятливой.

Я же не «советую тебе гулять с каждым парнем, – разъясняла она мне. – От души желаю быть счастливой с твоим Аманбаем. Но тебе не из-за чего тревожиться. Ты могла мягко, вежливо отказать парню. Он ведь думал о хорошем, а не о плохом. Представь себе влюбленного, вот ты на его месте. Тебе понравилась девушка, ты из-за нее ночи не спишь, мечтаешь о встрече, никак не осмелишься признаться ей в своем чувстве. И вот приходишь и приглашаешь ее в театр. А она:

«Никуда я с вами не пойду. Пошел вон!» Разве можно себя так вести? Нужно иметь в виду, что ведь и парни бывают разные: один обидится и тихо уйдет, а другой, у которого характер погорячей, возьмет да обругает и опозорит при всех. А третий, – Сайракан сделала большие глаза, – не отступит и украдет себе в жены.

– Украдет?

– Да, украдет, – спокойно сказала Сайракан. – Что тогда делать?

Сайракан была довольна тем, что напугала меня.

Она рассмеялась.

– В такую красивую девушку, как ты, грех не влюбиться. Влюбленных будет, как я понимаю, много. Если кто тебе надоест, то ты спой ему: «В груди – только одно сердце. Его не разделишь. А если каждому влюбленному отдать частицу, то что же от сердца останется?»

Сайракан облокотилась на спинку дивана и кокетливо спела. А я смотрела на нее и восторгалась: откуда в ней все это? Она ведь только на год старше меня.

– О, если бы ко мне приставали ребята, – грозила Сайракан, – я бы с ними разговаривала не так, как ты. Они бы у меня попрыгали.

– Как это так?

– Очень просто. В первый день я бы, например, сказала, что, с удовольствием пошла бы с ним в кино или театр, но тут возникли непредвиденные и неотложные дела. Во второй день придумала бы другое: с утра собиралась с вами, как было условлено, но на вечер назначили экстренное заседание, на котором мое присутствие обязательно. В третий: Вдруг заболела, не ходила на лекцию... Мало ли можно найти причин, чтобы, не обижая парня, водить его за нос. В конце концов ему все, это надоест, и он сам прекратит бесплодное хождение.

– А если не прекратит?

– Тогда, – Сайракан задумалась и мечтательно посмотрела вверх меня, – тогда я бы доверилась парню и сходила с ним в кино или в театр. Истинная любовь должна быть чем-то вознаграждена.

На том мы и кончили разговор и пошли ужинать.

Но в субботу вечером я прихожу из библиотеки, и Сайракан мне говорит:

– Тебе кто-то звонил по телефону.

Я было не поверила:

– Брось шутить.

– Честное комсомольское.

– Кто же это мог быть? Мужчина или женщина?

– Дежурная сказала, что мужчина.

Я решила: должно быть, Аманбай. Он, вероятно, раскаялся – и хотел просить у меня прощения.

Я положила на этажерку свой портфель, набитый конспектами и книгами, и отправилась вниз, в буфет. На лестнице меня остановили: «Позови из сорок пятой Гуляим. Ее ждут у телефона».

Кому-то, значит, я очень нужна, но кому?

Поднимаю трубку. Но мне доносится напряженное дыхание.

– Гуляим у телефона.

– Здравствуйте! – доносится незнакомый густой мужской голос. Я жду, что он еще скажет. Но он молчит.

– Здравствуйте! – отвечаю я.

– Вы Гуляим?

Кто же это может быть?

– Да, я Гуляим.

В телефонной трубке шумок: человек, который со мной поздоровался, с кем-то переговаривается, он там не один.

Я хотела уже положить трубку. Но вот тот же голос:

– Здравствуйте, сестричка.

– Кто вы? – строго произнесла я.

– Сестричка... Я хочу с вами познакомиться.

Я бросила трубку.

Только я взяла в буфете что поесть, как снова зовут меня к телефону. И тот же голос говорит:

– Не обижайтесь зря на меня... Я от души желаю вам всего наилучшего... Спокойной ночи...

Больше ни слова. Это меня еще сильнее озадачило. Нет ли здесь козней Аманбая?

Я опять поделилась с Сайракан. Та всплеснула руками и оглядела меня с ног до головы.

– При чем тут Аманбай? Ты просто вскружила ребятам голову. Посмотри на себя в зеркало – писаная красавица. Вот ребята и сходят с ума. В этом нет ничего удивительного.

– Лучше была бы я уродом, – вырвалось у меня. – Очень нужны мне эти безголовые парни. Хватит с меня и одного. А если тебе нравится такое, бери их всех себе.

Сайракан погладила меня по голове. И тем самым снова дала мне понять, что я несмышлениш, что она значительно старше меня – не годами, так опытом.

– Если еще тебе кто позвонит, зови меня. Я поговорю с ним вместо тебя и пойду туда, куда он пригласит. Согласна?

– Согласна.

После этого прошло уже несколько дней, но никто не звал меня к телефону. Но где бы я ни была – на улице, в аудитории, в клубе, – мне кажется, что за мной кто-то следит.

Осень дает о себе знать. Деревья оголились. Над домами стаями носятся вороны. Все чаще и чаще сечет холодный дождь. На улицу не тянет. Куда приятнее посидеть в теплой комнате.

Но вот наступил вечер. К нашему общежитию подошли двое ребят, расположились на скамейке, и один из них начал играть на баяне. Играл он лихо. Из окон стали выглядывать девушки. Баян звал их. На улицу вышли парни. И вот уже закружились в танце пара за парой.

– Побегу и я потанцую, – сказала Айгюль.

Сайракан быстро надела новое голубенькое платье из штапеля.

– Чем мы хуже других, – повертелась она у зеркала, протянула мне руку. – Пошли.

– Да я не умею танцевать, – призналась я.

– Научишься. Здесь нет ведь ничего трудного. А если не будешь танцевать, то хоть посмотришь.

...Кого только не было среди танцующих!

Студенты старших курсов кружились с первокурсницами. Один из них, усатый, ловко обхватил Айгюль и неся с ней по кругу. Он что-то нашептывал ей, а она закрывала глаза, смеялась и, никого не стесняясь, прижималась к нему.

Да что наша Айгюль! Вот девушка в очках. Она в таком легком платьице, что сквозь него просвечивает комбинация. И вырез на груди большой. Можно сказать, почти голая. У нас бы в айыле трижды сплюнули, встретившись с такой бесстыжей. А ей – хоть бы хны. Хочет обратить на себя внимание и потому крутит во все стороны голову, кивает знакомым, улыбается, делает вид, что недовольна парнем, с которым танцует: она, мол, достойна лучшего поклонника.

Хорошо, что нет моей матери: она бы и на минуту меня здесь не оставила.

Сайракан стояла возле меня и притопывала ножками: ей очень хотелось потанцевать. Это, вероятно, заметил парень в сером костюме, стоящий позади нас.

– Разрешите! – обратился он к ней.

И они сразу же затерялись в кругу танцующих.

Эта Сайракан не девушка, а бестия. У нее веселый и легкий, как принято говорить, характер. Она танцует с незнакомым ей парнем, совершенно не беспокоясь о том, что может появиться Авазбек.

Стоило мне так подумать, он появился.

Кто-то взял меня за руку.

– Потанцуем, сестричка!

Я готова была уже огрызнуться. Посмотрела – Авазбек. Ох, Сайракан, Сайракан, мало тебе, должно быть, в детстве высыпали. Теперь держись.

Однако все вышло по-другому.

Моя подружка и парень в сером костюме вынырнули из середины круга. Я была убеждена, что Сайракан сейчас бросится к Авазбеку. Она же кокетливо приветствовала его рукой и продолжала кружиться. И Авазбек, к величайшему моему удивлению, ничуть не сердился на нее.

– Пошли танцевать, – сказал он мне.

– Не умею.

– Надо учиться. Кто не умеет танцевать, тот много теряет.

Тут же он пригласил потанцевать с ним другую девушку.

Баян на время замолк. Подбежала Сайракан:

– Где Авазбек?

– Сейчас, должно быть, подойдет.

– Мой партнер водит легко, и танцевать с ним одно удовольствие, – сказала она о парне в сером костюме.

Баян заиграл снова. Вот и Авазбек.

– Прошу вас, – поклонился он Сайракан.

Она укоризненно посмотрела на него.

– В следующий раз, надеюсь, ты не будешь опаздывать.

И они закружились.

Такого я никогда еще не видела.

Я думала о Сайракан и Авазбеке, об их любви, о том, как они относятся друг к другу, и сравнивала это с тем, что не раз слышала от мамы. Как это не похоже! Думала я, конечно, о себе и Аманбае. Нет, Аманбай совсем не такой, как Авазбек. И мне от этого стало тяжело на душе.

Вдруг я скорее почувствовала, чем заметила, что кто-то на меня пристально смотрит. Да, это был черноволосый парень, стоящий невдалеке. Он с меня глаз не сводит. Что ему от меня надо? Я стараюсь не смотреть в его сторону, чтобы не дать ему повод думать, что я интересуюсь им. Но и во мне живет любопытство. Вот он пробирается все ближе и ближе ко мне. Вот он – я вижу его краем глаза – уже стоит рядом. Что делать?

Сайракан повела бы себя по-другому. Я же решительно повернулась и ушла. По лестнице и коридору я не шла, а бежала. Чуть не сбила кого-то с чайником. А в комнате заперлась.

Не зажигая света, я из окна, раздвинув занавеску, наблюдала за танцующими. Черноволосого парня уже не было. Сайракан продолжала танцевать с Авазбеком. Их ноги едва касались земли. Они все время, о чем-то говорили, улыбались друг другу. Они счастливы.

Баян играет... Я сижу одна в темной комнате и смотрю в окно... Аманбай не пришел...

У нас организуется кружок танцев. Об этом объявил сегодня наш профорг.

– Кто хочет – записывайтесь.

Многие назвали себя. Я молчала. Почему? Не хотелось разве научиться танцевать, как Сайракан? Очень хотелось. Боялась: узнают родители, огорчатся. Да и Аманбай может устроить скандал. Но разве Сайракан могла о том думать? Она громко назвала мою фамилию, и меня записали. Отступить было поздно.

И вот раз в неделю я хожу на кружок танцев. Учатся не только первокурсники. Есть и выпускники. Все было бы хорошо, но руководитель прикрепил к каждой девушке парня, танцуем мы в паре. Мне достался тот самый черноволосый и черноглазый, от которого я сбежала в воскресенье, когда были танцы у нашего общежития. Он оказался очень застенчивым. А может быть, притворяется. Голос у него густой, похожий на тот, который мне пришлось слышать по телефону. Руки и лоб у него в шрамах. Отчего?

Многие девушки, у которых тоже есть пара разговаривают с ребятами на «ты». Я же – на «вы».

Вчера, после урока танцев, мы вышли вместе. Небо заволокло тучами. Улица плохо освещена. Другие парни взяли девушек под руки, чтобы те не споткнулись, не упали. Я с ужасом думала: что буду делать, если и мои попытается взять меня под руку. Так ведь здесь принято. Но он постеснялся. И это мне понравилось.

У самого общежития он протянул мне руку.

– Спокойной ночи.

– И вам также.

Он задержал мою руку в своей.

– Давайте познакомимся по-настоящему, вас, как я знаю, зовут Гуляим, а меня Сапарбек Жаркымбаев, студент второго курса филологического факультета.

– Сапарбек Жаркымбаев, – повторила я, и мы расстались.

Жаркымбаев, Жаркымбаев... Откуда я знаю эту фамилию? И я вспомнила статью, которую читала еще в айыле. Она была напечатана в нашей центральной комсомольской газете. Да, да, это, конечно, он. В ней рассказывалось о том, как студент Сапарбек Жаркымбаев спас двух детей, вытащил их из горящего здания. Помню, с каким интересом мы читали эту статью о герое.

Я вспоминаю и фотографию, которая была помещена: Сапарбек Жаркымбаев и спасенные им дети. Айзада сказала, что она готова влюбиться в такого парня. Так думали тогда все наши девчонки. Как я сразу его не узнала?! Такое лицо нельзя забыть: открытое, волевое.

Вот и свела меня с ним судьба...

Куда сейчас ни пойду, всюду его встречаю. Зашла в читальный зал – он там сидит и что-то пишет. Я быстро удалилась. Иду по улице – он стоит у газетного киоска. Я хотела незаметно скрыться, но он заметил меня, догнал.

– Вы почему так торопитесь?

Я не знала, что ответить. Но сердце забилось, щеки загорелись... Мы остановились у светофора.

– Спасибо ему, – он улыбнулся и указал рукой на красный свет, – что задержал вас.

С дерева слетел одинокий лист. Он поймал его.

– Скоро зима, – с сожалением сказал он, – а в моих краях еще тепло.

– А вы откуда?

– С юга, – ответил он, не назвав района.

Потом он пригласил меня в кино:

– Сегодня у нас в клубе интересный фильм. Пойдем?

Я осталась верна себе:

– Не могу, занята.

Он огорчился, шел опустив голову.

...Весь вечер я ждала Аманбая. Нужно ведь было с ним объясниться. Но он не явился. Тогда я ему назло решила пойти в кино.

Зрительный зал уже был переполнен, ни одного свободного места. Вот-вот потушат свет. Я подумала: «Придется вернуться домой». Но в это время кто-то взял меня за руку – Сапарбек! Стыдно было взглянуть на него: я ведь говорила, что занята. Выходит, сказала неправду. Но он, казалось, забыл наш дневной разговор.

– Есть свободное место. Я оставил его для вас. Пошли, – торопил он.

– Но я ведь сказала, что не приду.

– Не всему тому, что говорит девушка, нужно верить, – заметил он. – Я ждал вас и, как видите, не ошибся.

Мы разыскали наши места и уселись. Это, легко сказать. Нужно было протиснуться в середину ряда, уже занятого зрителями. Все были недовольны, что их потревожили. «Почему запаздываете?» – зло заметил кто-то. «Какого парня подцепила!» – прошипела какая-то девушка. Минута показалась мне вечностью. Я сгорала от стыда. Наконец-то мы добрались до своих мест и уселись. Но и здесь я услышала за спиной шепоток: «Этот у нее не единственный. Она дружит и с другим. Одним словом, не теряется, двоих за нос водит».

Мое счастье, что погасили свет. Иначе бы я с ума сошла. Хоть бы Сапарбек ничего этого не слышал.

Впервые в жизни я сижу рядом с мужчиной, да еще в кино, да еще в темноте. Сапарбек, кажется, это понимает. Он отодвигает свой локоть, стараясь им не коснуться меня. Он смотрит на экран, но думает, как я чувствую, обо мне. И в моей душе смятение. Что я наделала? И во всем случившемся виновата Сайракан. Если бы не она, я бы не записалась в кружок танцев, не встретила бы с Сапарбеком, не сидела бы сейчас с ним в кино, не слышала бы все то, что обо мне здесь говорили. А если дойдет до моих родителей, что тогда? Нет, лучше умереть, чем все это пережить.

...в зале раздался смех. Я взглянула на экран: там полный мужчина в шляпе поглаживал щеки и почему-то просил прощения у девушки. Что здесь смешного? Мне трудно было понять, так как я хоть и была в кино, но не видела фильма.

Вспыхнул свет. Захлопали стулья. Все устремились к выходу.

Вышли и мы.

– Плохая картина, – сказал он. – В голове и в душе от нее ничего не осталось. Не люблю фильмы, в которых стараются во что бы то ни стало смешить зрителей. Смех должен возникать естественно, а тут тебя усиленно щекочут.

Я не могла ни подтвердить, ни опровергнуть.

Разговор больше к картине не возвращался.

– Вы живете с Сайракан? – спросил он, когда мы подходили к общежитию.

– Откуда вы знаете?

– Я дружу с Авазбеком.

– Ах вот как!

Я стою с ним и оглядываюсь по сторонам: нет ли Аманбая? Вдруг он нас увидит.

– Погуляем еще”, – говорит Сапарбек.

Я понимаю, что нужно уходить, но мои ноги поворачивают не в ту сторону. И Сапарбек, который обычно выглядит молчаливым, замкнутым, оказывается весьма и весьма разговорчивым. Он рад тому, что я послушалась его. И я, боязно признаться в этом себе самой, рада, что мы, сейчас вместе.

Но благоразумие берет верх. Могут запереть дверь общежития, и тогда мне не попасть к себе.

Уже из коридора третьего своего этажа я глянула в окно. Он все еще стоял на том месте, где мы попрощались.

В комнате было уже темно. Я осторожно, на цыпочках пробралась к своей кровати.

– Ты была с Аманбаем? – спросила Сайракан. Она ждала меня.

– Да, – ответила я и, быстро раздевшись, легла спать.

Почти целый день я провожу или на лекциях, или на семинарах, или в читальном зале. Чем больше втягиваешься в занятия, тем становится труднее. На лекциях слушаешь и конспектируешь. На семинарах нужно выступать с докладами и в прениях. Тебе задают вопросы. Нужно отвечать. Добираешься в общежитие – голова разламывается.

Сейчас я сижу в читальном зале за книгой Владимира Ильича Ленина «Что делать?». Зал большой, в нем работают сотни студентов. Здесь тихо и по-своему уютно. За одним из столов я увидела Сапарбека. Перед ним стопа книг. Он читает, подперев голову левой рукой, а правой пишет. Вот он оторвался на минутку, и наши взгляды встретились. Мы поздоровались. На этот раз я не покраснела.

Я мало еще, конечно, знаю Сапарбека, но он, не скрою, мне нравится. Недавно он мне даже приснился.

...Я в длинном белом платье. Мы танцуем. Вокруг люди. «Не пара, а загляденье», – говорит кто-то. Мы кружимся, кружимся, кружимся. Мне так хорошо. И вдруг все разбегаются, и мы остаемся одни – я и Сапарбек. Нет, не одни. Перед нами вырастают Аманбай с обнаженным кинжалом в руке и Алишер, свирепо глядящий на нас одним глазом.

– Марш вперед, – приказывает Аманбай, – иначе... – он поднимает кинжал.

Я дрожу от страха, пытаюсь крикнуть, позвать на помощь людей, но у меня пропал голос.

Сапарбек заслоняет меня собой и говорит Аманбаю:

– Проваливай, парень. Гулкуш моя, понимаешь? И я ни за что тебе ее не отдам.

– Нет, моя, – звереет Аманбай. – Ты еще не истратил на нее ни одной копейки, а я уплатил уже двадцать пять тысяч. Она все равно будет моей женой. Марш вперед! – орет он.

Но я, не стыдясь ни его, ни Алишера, обнимаю Сапарбека, прижимаюсь к нему, как к своему спасителю.

– Ненавижу тебя! – кричу я Аманбаю. (Ко мне вернулся голос). – Я не брала твоих денег. Да будут они прокляты! Кому ты давал их, с того и получай.

Он замахивается кинжалом. Сапарбек заслонил меня и тут же, схватившись за грудь, упал сраженный...

Я в ужасе проснулась.

С тех пор между мной и Сапарбеком возникло нечто такое, чего до сих пор не было, возникла интимная близость. Он стал мне дорог. Но я стараюсь и виду не подавать. Девичью честь нужно беречь. Я не могу позволить себе то, что позволяет Сайракан.

Вчера Сапарбек приглашал меня в театр на «Чолпон». Но я не пошла. Сапарбек нравится мне, и я его боюсь. Не совершаю ли я тем самым непоправимую ошибку? Нужно ли бояться его?

Оставим, однако, все эти мысли. Завтра семинар. Будем готовиться к нему, Гулкуш. Но то, о чем я хочу забыть, стучится в мой мозг, в мое сердце и не дает покоя. Оно как бы припирает меня к отвесной скале и подступает кинжалом к горлу.

Сайракан лежит на кровати и читает «Абая». А я как маятник хожу по комнате и думаю о своем: чем все это кончится? Места, которые производят на Сайракан наибольшее впечатление, она читает вслух, чтобы и я слышала. Она тоже думает о своем.

– Ой, Гулкуш, – отрывается она от книги, – Можно ли придумать что-нибудь от любви, ну так же, как от гриппа или другой болезни? Каким мужественным был этот Абай. А его возлюбленная Тогжан? Она посвятила себя любви. – Потом почему-то она заговорила о другом. – Мы, девушки, не умеем, к сожалению, дружить так, как ребята. Я слышала, как спорили, например, Авазбек с Сапарбеком об одной книге. Один настаивал: «Ты не понимаешь», а другой: «Нет, ты не понимаешь». Мы бы давно обиделись друг на друга, перестали бы даже разговаривать. А они после этого похлопали друг друга по плечу и расстались так, будто бы никакого спора не было. Мне это по душе.

Сайракан говорит, а я стою у окна и смотрю на улицу. Уже выпал снег. Каждый из пешеходов оставляет на нем свои следы. Их можно различить. Следы на снегу... Следы в жизни... В душе каждого из нас чьи-то следы...

– Что ты уставилась в окно? – спрашивает Сайракан. – Не ждешь ли ты того черноволосого? Он ведь крепко влюбился.

– Возьми себе эту любовь, – огрызнулась я и продолжаю смотреть на улицу. Сайракан оставила книжку и включила радио. Кто-то пел:

Если вспомню, мой возлюбленный, тебя,
То не сплю до самого утра.

Я выключила радио. Сайракан повела плечами.

– Что с тобой, Гулкуш?

– Ничего особенного.

– А неособенного? Я ведь догадываюсь.

Я обняла ее.

– О чем же это ты догадываешься? – сказала я притворно весело.

А Сайракан мне в тон:

– О том, о чем ты не хочешь говорить, что скрываешь от меня.

Но разве можно что-нибудь скрыть от умной и зоркой моей подружки? Она и без моих слов знала, что творится в моей душе. И потому напела то, что мы слышали по радио: «Если вспомню, мой возлюбленный, тебя, то не сплю до самого утра».

– Ты и вправду плохо спишь. – сказала Сайракан.

– Почему ты так думаешь? – сопротивлялась я – У меня отличный сон.

– Честное комсомольское? – припирала меня Сайракан.

Я промолчала. Мелькнула мысль: «Не назвала ли я во сне его имя?»

– Аманбай все хорохорится, – продолжала Сайракан. – Взяла бы ты его как следует в оборот, а не то – от ворот поворот.

Легко сказать, такое! А попробуй-ка сделать.

Уже месяц, как я не писала домой писем. Все ссылаюсь на то, что некогда. А каково родителям? В особенности маме? Она, бедняжка, верно, каждый день встречает почтальона и спрашивает: «Нет ли письма от моей Гулкуш?» Виновата я перед нею. Что стоило сообщить о своем здоровье и спросить об их житье-бытье? Разве для этого нужно много времени? Нет, держало меня другое: Аманбай. Как написать обо всем том, что между нами происходит? Это ведь так ее расстроит. Но ведь и молчать нельзя. Сколько писем от нее уже получила. Сегодня прибыла телеграмма.

Я села за стол и принялась писать.

«Дорогая моя мамочка!» – Начала я и прикусила губу. Что дальше? Обычно я писала: «Я жива и здорова, не болею, веселюсь...» Но как она поймет сейчас слово «веселюсь»? Не истолкует ли его по-дурному? Тут я запнулась. Написать ей правду? Тогда она немедленно

приедет. До сих пор я ей сообщала, что никуда не хожу, ни в кино, ни в театр. Все время провожу только в университете и в общежитии. И, конечно, ни слова о кружке танцев. Ее бы это убило. Буду продолжать, как раньше: «Жива, здорова, ни в чем не чувствую недостатка. Не писала только потому, что напряженно готовилась к зимней сессии. Вы за меня не беспокойтесь». Еще что? «Напрасно городских девушек называют у нас в айыле бесстыжими. Я учусь с ними и вижу, что это хорошие девушки. Не верьте тому, что о них говорят». А может быть, этого не писать? Мама подумает: «Сама спуталась с этими беспутными девчонками, вот и защищает их». Вычеркну. Но другой голос говорил мне другое: «Оставь это. Пусть мама знает, что городские девушки не такие, как она о них думает, как думают о них в айыле разные бабушки и тетушки». И я оставила эти строчки. Потом я написала: «Учеба идет хорошо». Как же все-таки быть с Аманбаем? Написать правду? Но второй голос меня предостерег, и я послушалась его. «Аманбай часто заходит ко мне, и дружба наша крепнет».

Я отправила письмо и мучаюсь: правильно ли поступила? Не лучше ли было бы рассказать маме правду?

Аманбай объявился: он забежал вечером и предложил пройтись. Я сразу же согласилась: нужно ведь внести ясность в наши отношения.

– На улице небо в тучах, колючий ветер.

– Куда пойдем? – спросила я.

– Куда глаза глядят, – ответил он, подняв воротник своего пальто.

Пошли мы в сторону Панфиловского парка. Идем и молчим. Я жду, когда он заговорит, а он, вероятно, ждет того же от меня. Не раз до этой встречи я думала: «Выложу ему все начистоту. Пусть знает». Но стоит мне увидеть его, как вся я внутренне съеживаюсь. Я не выношу его надменности. Я не раз готова была уже смириться с судьбой: пусть будет так, как желают того мои родители. Аманбай ведь неглупый парень, утешала я себя. Он поживет, пять лет в городе, поварится в студенческом котле, с него и сойдет разная шелуха. А потом мы вернемся в родные места и поженимся. Он станет ветеринарным врачом, я – учительницей. У нас будет свой дом, свое хозяйство. Родители нам, конечно, помогут. Аманбай, должно быть, все же любит меня, иначе зачем бы его родители меня сватали. Характер у него плохой. Но ведь характер меняется.

Но вот мы встретились, и я не могу себя ничем утешить. Он молчит, и я будто бы онемела.

Сайракан часто приходит в полночь. Я спрашиваю:

«Наговорились?» Она смеется: «Говорим и не можем наговориться». Вот это – любовь! Почти каждый день встречаются, часами, беседуют и никак не наговорятся.

У любви слова льются без конца. Можно говорить все время об одном и том же, и это не надоедает. Как-то она запоздала настолько, что ее не пустили в общежитие. И они до утра пробродили по городу и пели песни. А мы идем, молчим и скучаем.

Так мы добрались до Панфиловского парка. Я решила нарушить молчание. С чего начать? Хотя бы с этого:

– Я получила письмо от Айзады.

Он сделал несколько шагов.

– Что ты сказала? Я не расслышал. Все думал и думал...

О чем же он думал? Если бы существовал аппарат, при помощи которого можно было бы узнать мысли человека, тогда я, вероятно, не мучилась бы.

– Я получила письмо от Айзады, слышишь, – повторила я. – Она учится на биологическом. С Кемелом живут в дружбе, – я сделала ударение на последнем слове.

Он понял, что к чему.

– А с матерью она помирилась? – думал он уязвить меня.

– Да, – весело произнесла я. – Тетушка Кюльсун часто навещает ее и рада тому, что они любят друг друга. Айзада передала привет тебе.

– Спасибо, – процедил он.

Я продолжала:

– Не знаю, откуда Айзада узнала, но она желает и нам счастья... Просит прислать фотографию...

– Аманбай зевнул, посмотрел на небо, на часы.

– До начала сеанса осталось десять минут, – сказал он. – Поторопимся.

И он зашагал быстрее. А я не двинулась с места. Я совершенно обессилела. Меня душили слезы. Разве мог бы себя так вести Сапарбек?

Аманбай был уверен, что я иду рядом, что я следую за ним как тень. Но вот он повернул голову и обнаружил, что меня нет.

– Где ты там застряла? – крикнул он. – Мы ведь опоздаем!

Сзади меня раздался смех ребят и девушек, которые тоже спешили в кино. Он, как волна, подхватил меня и понес.

...Мы вышли из кино. И неожиданно – Сапарбек он шел мимо и увидел меня с Аманбаем, сдержанно кивнул головой, оглянулся. Вид у него был грустный.

– Кто это? – угрожающе спросил Аманбай.

– Не знаю, – ответила я.

– Не знаю, – передразнил Аманбай.

Он предложил зайти в ресторан поужинать. Я чувствовала себя так, будто бы меня волокут на аркане. Казалось, что все, кто был в этот час в ресторане, только и делали, что глазели на меня. Не хотелось ни есть, ни пить. Аманбай заказал бифштексы и вина. По тому, как уверенно он держал себя с официантом, я поняла, что он здесь не первый раз. Чтобы скрыть свое истинное состояние, я съела бифштекс и выпила две рюмки вина.

Он заставлял пить еще. Но я отказалась – еще опьянею.

По дороге домой Аманбай раздраженно сказал:

– Когда ты научишься наконец-то культуре. Взяла бы меня под руку.

Он сказал это так, будто бы разговаривал не с девушкой, а с собакой. Я сделала вид, что не расслышала.

Это сразу же вывело его из себя. Дали знать о себе, вероятно, винные пары.

– Возьми под руку, – совал он мне локоть.

– Не хочу.

Глаза его налились кровью.

– Как это так – не хочу?! За что же тогда твоя мать взяла деньги? Она взяла деньги, а ты – «не хочу»!

Я долго терпела. Никто не, может упрекнуть меня в том, что я была излишне вспыльчивой, обидчивой придирчивой. Но всему есть мера. Есть мера и человеческому терпению.

– Ни я, ни моя мама не просили тебя присылать по мне сватов, – сказала я жестко. – Ты хоть и носишь на голове шапку, но ведешь себя не как джигит.

– Придержи язык, – крикнул Аманбай.

– Я тебе не венчанная жена, – продолжала я. – И имею право сказать то, что думаю.

– Нет, не имеешь, – рычал он. – В последний требую: придержи язык.

– «Не быть по-твоему», – сказала я тихо, но яростно.

– Ах так! – подступил он, но мне. – Так вот тебе, сука. – И его тяжелая рука обожгла мне щеку.

Я качнулась и еле-еле удержалась на ногах.

– Подлец!

Я брела и плакала. «Все кончено... Все кончено...» – твердила я. И плакала не потому, конечно, что все кончено с Аманбаем, а потому, что все так кончилось. Кто мог ждать такого конца? Было обидно не столько за себя, сколько за маму. Она этого не поймет. Она осудит меня. «Мама, моя дорогая мама! – мысленно обращалась я к ней. – Вы желали мне счастья. А что получилось? Вы хотели, чтобы, все было, как в «старину, по обычаю предков. Но можно

ли жить по старому календарю? Меня будут ругать, называть бесстыжей. Но разве я в чем-нибудь виновата? Я не хочу быть рабой, понимаете? Я хочу настоящей любви. Каждая девушка имеет на это право».

Ветер высушил мои слезы. Я поднялась к своему коридору, но не зашла в комнату. В таком виде нельзя появляться перед подругами. Подожду, пока они улягутся. Я вышла на балкон. Внизу под ним стояла пара. И мне невольно пришлось подслушать их разговор.

Девушка: – Я замерзла. Пора домой.

Парень: – Постоим еще хоть пять минут.

Девушка: – Нужно спать. Вставать-то рано.

Парень: – Там можно и молодость проспять.

Целуются.

Девушка: – Надо бы тебе побриться.

Парень: – Если бы знал, что встречу тебя. Я ведь прямо со смены.

Девушка: – Пошли, хватит.

Парень: – Еще хоть минутку.

Девушка: – Нельзя. Мама будет беспокоиться.

Парень: – Ладно, иди. А я буду всю ночь стоять под твоим окном и оберегать тебя от дурных снов. Хочешь? А то буду читать твои любимые стихи. Хочешь?

Девушка: – Не хочу.

Парень: – Тогда я сбегаю за гитарой. Ты будешь спать, а я поиграю у тебя под окном, доскажу то, что не успел.

Девушка: – До завтра.

Целуются.

Парень: – До сегодня.

Целуются.

Я ушла с балкона. Пусть говорят. Пусть целуются.

Они созданы друг для друга. Здесь ничто не продается и не покупается. А меня хотели продать. Как же я могла смириться с этим? И тут я разозлилась уже не на Аманбая, а на себя и наговорила себе такое, чего ни от кого никогда не слышала и, надеюсь, не услышу.

Я пригласилась на том самом диване, в темном углу коридора, на котором сидела недавно с Сайракан. Никто меня не замечал. В комнатах тушили свет. Общежитие засыпало.

Но с улицы в этот поздний час донесся мелодичный звук гитары. Он то приближался, то удалялся. Девушка, видать, жила недалеко.

Я никому не рассказала о случившемся, даже Сайракан. Она, правда, обратила внимание на синяк, появившийся у меня на скуле, и, возможно, кое, о чем догадывалась, но разговора не было, и я его избегала. Мои отношения с Аманбаем – личное мое дело. Нужно самой все и решать. Зачем впутывать посторонних.

Сегодня университетский вечер в честь сороковой годовщины Октября. После торжественной части будет концерт нашей художественной самодеятельности. Потом танцы.

Настроение у всех приподнятое, праздничное. И я стараюсь забыть о том, что произошло недавно. Нельзя жить прошлым.

К празднику мы (я и Сайракан) сшили себе новые платья. До сих пор мне не нравились платья городских девушек. Но Сайракан уговорила меня сходить с нею в ателье. Сшили нам хорошо, по фигуре. Я посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна. В новом платье куда приятнее, чем в старых, которые висят на мне мешком. В нем я и пойду на вечер.

Обязательно пойду! Сапарбек принес мне пригласительный билет и сказал, что он будет ждать меня. У меня так стучало сердце. А у него искрились глаза.

Сапарбек... Все чаще и больше я думаю о нем. Потому, вероятно, у меня и настроение хорошее.

Вошла Сайракан и, взглянув на меня, застыла у порога.

– “Красива, красива”, – сказала она, причмокивая – Не девушка из айыла, а королева.

Я бросилась на нее шутя, с кулаками.
– Не смей смеяться над подругой.
Но тут постучали в дверь... Авазбек и Сапарбек. Оба в черных костюмах, в белых рубашках с галстукатми. И в один голос:
– С наступающим праздником!
Авазбек разговорчив, а Сапарбек смущен, молчалив.
– Ты что, будто бы в рот воды набрал, – кольнула его Сайракан.
Он сдержанно улыбнулся:
– Не всем же быть такими цицеронами, как Авазбек.
«Молодчина, – подумала я. – Зря в обиду себя не даст». И еще: «Какой стеснительный! А в огонь бросился и детей спас. Такими и бывают настоящие герои. Их не слова, а дела украшают».

Мы вышли на улицу в четвером. Авазбек рассказывал забавную историю из своего детства, и мы от души смеялись.
Но и в ясный день могут на «небо набежать тучи.
У ресторана, мимо которого мы проходили, стояли Аманбай и Алишер. Они, вероятно, ждали нас. Я обмерла. Неминуем скандал... При всех... То, что я так старательно скрывала, сейчас откроется... Я сделала вид, что не вижу и не знаю их. Аманбай забежал вперед.
– Остановись! – крикнул он мне в упор. – Нужно с тобой поговорить. А вы можете идти, – пренебрежительно махнул он рукой остальным.
– Мне не о чем с тобой говорить, – ответила я – Тем более наедине.
Тогда он грубо схватил меня за руку и потащил куда-то в подъезд. Я закричала:
– Не смей!
Первым бросился на помощь Сапарбек.
Аманбай нагло посмотрел на него:
– Извините, это девушка моя, а не ваша.
Его поддержал Алишер, готовый ввязаться в драку.
– Что значит девушка моя, а не ваша? – сказал Сапарбек, вырывая меня из рук Аманбая. – Гуляим не может быть ничьей частной собственностью. Прошли те времена, мой друг.
Вокруг нас, начала образовываться толпа. Подошел милиционер.
– Что случилось?
– Ничего особенного, – мрачно произнес Аманбай и сплюнул.
– Прощай! – бросила я ему, и на виду у всех взяла Сапарбека под руку.

Преступление

Разные бывают преступления. Если украдешь, набьешь кому-нибудь шишку на лбу, обругаешь человека, общество считает тебя виноватым, и ты получаешь положенное по закону. Там все ясно. Но вот мне временами начинает казаться, что однажды и я участвовал в преступлении, хотя ни в одном кодексе законов нет статьи, по которой можно было бы меня судить.

Наверное, юристы осмеют меня: какая, мол, чепуха – в нашем обществе не может быть преступлений, за которые не предусмотрено кары...

Что ж, теперь я не хочу скрывать того, что произошло. Судите сами!

Мне было тогда двенадцать лет, и я, наверное, плохо понимал разницу между черным и белым, а может, и вовсе не понимал. Прошло десять лет, я стал взрослым и знаю, что в жизни есть неписанные законы, но и сейчас, сказать по правде, не совсем ясно понимаю, насколько велика была моя вина...

Но когда я смотрю на печальную Анархан, у меня болит сердце. Мне жаль эту, ни в чем не повинную девочку, снова снова вспоминается мой поступок.

...Я привязал коз и перелил надоенное молоко в казан, чтобы поскорее вскипятить. Но к вечеру прошел дождь, кизяк отсырел, и я не мог развести огня. Дул изо всех сил, но только зола летела вверх и сыпалась в молоко, а кизяк не загорался. Я вышел за дверь и увидел, что уже стемнело. «Хоть бы Ашир приехал!» – думал я, глядя в ту сторону, откуда ждал брата. Никого не было видно... Я опустил голову и поплелся к дому.

– Айдар! – услышал я и вздрогнул от неожиданности.

Повернулся – Джамал. Тетка моя. Я побежал ей навстречу.

– Ашир приехал? – спросила она тихо, как будто боялась, что услышит кто-нибудь чужой.

Я ответил.

– Когда же он явится? Дело очень важное... Подождать, что ли?

Тетка поглядела опасливо по сторонам и вошла в дом. Я пожаловался, что не могу разжечь кизяк. Она погладила меня по голове и сказала:

– Скоро, сиротка мой (она так называла меня, и я не обижался, привык, вроде бы это ласковое слово), избавишься от ложек да плошек.

Я бросился ее обнимать.

– Вы, нашли джене?

Она кивнула.

Тут я завопил от радости во весь голос. Тетка зажала мне рот.

– С ума спятил?

Она очень разозлилась, но потом успокоилась. Еще бы! Она ведь знала, как мне тяжело возиться с хозяйством. Я спросил, кто будет моей джене, – в айыле девушек на выданье много.

– А ты не разболтаешь? – говорит тетка и смотрит недоверчиво.

– Да что я, дурак последний, что ли? Не скажу никому!

Но она все-таки не сразу поверила, долго страдала:

– Смотри, если узнают, что берем девушку, которая еще учится, твоего брата арестуют! Потом сказала. Оказалось, моей жене будет дочь Арстана-аке Кайры-эдже!

Выполнять хозяйкины обязанности было настоящим мучением. Дом наш стоял в самом конце айыла, и жили мы с Аширом вдвоем. Брат старше меня на девять лет. Отец помер, когда мне было лет пять, я его не помню. Но хорошо помню, как около года назад умирала мать...

Нас с Аширом называли круглыми сиротами. Некому было постирать, приготовить еду, убрать в доме, все приходилось делать самим, изредка заглядывала младшая сестра нашей матери Джамал. Но у нее самой были малые дети, да и жила она в другом конце айыла. Куда ей за нашим хозяйством смотреть, со своим бы справиться! Ашир почти не занимался домашними делами, еще бы, – взрослый джигит, жених! А с тех пор, как стал секретарем сельсовета, совсем заважничал, являлся домой в полночь, а иногда и вовсе не ночевал дома. Вот я и сражался с хозяйством один на один. С утра-то я в школе, а потом и пошло: дрова, козы, мельница, обед, огород... Если у Джамал выдавался свободный час, она приходила постирать, испечь хлеб. По правде сказать, меня зло брало, когда я смотрел на других ребят: Учатся спокойно, обуты, одеты, накормлены, играют сколько хотят. «Хоть бы нашелся человек, который готовил бы нам еду, тогда и я жил бы, как все ребята!» Я прямо готов был плакать от такой беспросветной жизни. Иногда даже посылал проклятия Аллаху за то, что он забрал к себе моих родителей (тогда я был верующим) но тут же пугался: как бы Аллах не услышал и не отомстил... «Если бы Аллах был милостивым, он давно бы меня пожалел. Врут, должно быть, что есть Аллах, – думал я, а потом спрашивал сам себя: – А кто же держит небо и землю? Почему небо не падает на нас? И как это можно из обезьяны сделать человека? Почему сейчас из обезьян не получают люди?»

Однажды вечером я сидел один, подогревал ужин. Огонь разгорелся жарко, и вдруг пламя лизнуло полу моего чапана. Материя вспыхнула, я с ревом выбежал во двор. К счастью, во дворе была яма с водой, я прямо в нее и кинулся. Ну, конечно, ожоги остались, дней десять пролежал в районной больнице, а когда вернулся, тетка пристала к Аширу:

– Женишься ты или так и будешь ходить растяпой? Не жалко тебе, несчастного сироту? – и она погладила меня по голове.

Аширу, должно быть, вовсе не жалко было сироту. Он буркнул:

– Не ротозейничал бы, ничего бы и не случилось.

На меня же свалил вину, а! Тетка так и подскочила:

– Чем провинился сиротка, чтобы вместо жены готовить тебе обед? Если сейчас же не пообещаешь жениться, я заберу Айдара к себе, слышишь?

Решительность тетки проняла все-таки моего брата.

Он долго сидел молча и рукояткой камчи ковырял землю, потом сказал:

– Ты сначала найди девушку, которая пойдет за меня, а потом приставай.

Тетка, глядевшая на брата насмешливо, будто хотела сказать: «Ну-ну, что же мы услышим от нашего джигита?» – просияла:

– Найдем, найдем. Ты только согласие дай!

Ашир, не подымая головы и продолжая ковырять рукояткой камчи землю, ответил:

– Найдете девушку – женюсь.

Этим и кончился разговор. У меня от радости дух захватило: еще бы, исполнится мое заветное желание, будет жене, избавлюсь от постылой посуды, стану играть, как все ребята, учиться буду хорошо. А дрова собирать, вертеть мельницу, коз пасти – ну, это ничего, это для меня и не работа!

Прошло несколько дней – и вот тетка сообщает мне имя моей будущей жене.

Кайры-эдже я хорошо знал. Она училась у нас в школе, в девятом классе. Разговорчивая, насмешливая – никому спуска не даст. И красивая! Тоненькая, лицо смуглое, под правым глазом хорошенькая родинка. Глаза большие, а когда говорит, всегда улыбается так, что зубы сверкают. Все ребята из старших классов были в нее влюблены, я сам слышал,

как они говорили. Еще я слышал, что Кайры любит своего одноклассника Джаныбая и будто бы они уже сговорились пожениться.

Мне даже не верилось, что Кайры-эдже будет моей джене. Отец у нее погиб на войне, мать работала в колхозе. Детей трое: Кайры – старшая, средняя Шаир, младший – Сапарбай, мы с ним в одном классе.

Тетка дождалась Ашира. Он приехал через полчаса. Они ушли в комнату и начали шептаться. Меня тетка прогнала спать: «Это не для маленьких, ты устал, иди ложись». Мне обидно стало, что со мной обращаются как с ребенком, и очень хотелось узнать, о чем секретничают. Я потихоньку встал, подошел на цыпочках к двери и стал подслушивать. Сначала ничего не мог разобрать, потом услышал, как Ашир произнес:

– Не могу я платить калым пять тысяч.

– А без калыма жену не найдешь. Холостяком прожить хочешь?

Ашир долго молчал. Тетка не выдержала:

– Ну так как же?

– А приданое у нее хорошее?

Тетка быстро заговорила, только тихо очень, я опять не расслышал ни слова. Ашир вроде бы согласился.

– А нарядный чапан мне сделают? – спросил он.

– Это уж обязательно, – уверенно сказала тетка.

– Ну, смотри, если девушка придет без приданого, я ее на другой день отправлю обратно!

Тетка не ответила. Потом говорит:

– Да, я совсем забыла: с тебя еще причитается союзш⁷.

– Не дам! – Ашир вскочил. – Лучше я не женюсь.

Тетка закричала на него:

– На сорок условий согласился, на сорок первое не согласен? Знаешь сам: у кого есть дочь, у того есть и прихоти. Нашла ему дешевую жену, всю душу вымотала, а он еще отказывается! Теперь все платят калым в десять тысяч, понял? Союзш не хочешь послать, от дедовских обычаев отрекаешься!

Ашир сдался.

– Ладно, сватай! Только помни: приданое будет плохое – скандал выйдет.

Так закончился этот секретный разговор. Я поскорее лег и притворился, что сплю, даже захрапел. Тетка пожалела:

– Сиротка бедный, измучился, истаял совсем...

Мне самому себя стало жалко, чуть не расплакался.

А брат поскреб в затылке и пробурчал:

– Все ребята худеют, когда растут...

Все-таки заснул я в хорошем настроении, радовался, что будет джене. Но сон приснился беспокойный, – должно быть, оттого, что думал много. Будто Кайры-эдже убежала со своим Джаныбаем. Ее мать Зейнеп плакала в голос и проклинала Джаныбая: «Умереть бы тебе молодым...» Моя тетка виновато молчала, а брат радовался: «Хорошо, что не отдал свои кровные пять тысяч, вот бы попался!»

Я с испугу, проснулся. Еще только рассветало. Сердце стучало громко и часто. «А вдруг Кайры-эдже и вправду убежит?» – подумал я. Пошел в другую комнату. Ашир еще спал, и на лице у него было такое же выражение, как я видел во сне: словно он очень доволен, что не заплатил калым. Я поскорее подоил коз, выгнал их, кое-как перекусил и побежал в школу. Боялся, не сбежала ли и впрямь Кайры-эдже! Сердце забилося еще сильнее. Вот и остался без джене! И Сапарбай, брат Кайры, не пришел. Ну конечно, если сестра сбежала, с каким лицом он в школу придет? Первый урок была арифметика. Я ничего

⁷ Союзш – подарок; обычно животное, предназначенное на убой.

не слышал и не понимал, думал только о своем сне. На второй переменке опять побежал в девятый класс. Моей джене не было. Зато Джаныбай-аке сидел и весело болтая с товарищами. «Если человек, с которым она должна была убежать, в классе, то как же она убежит?...» – подумал я, и мне стало легче. Зря беспокоился...

На другой день встретил Кайры-эдже по дороге в школу. Она шла с двумя девушками и, когда увидела меня, покраснела и отвернулась. Я обогнал девушек, потом обернулся. Подруги что-то со смехом сказали Кайры, а она на них с кулаками.

И с тех пор я уже не видел, чтобы Кайры-эдже смеялась и шутила. На переменах сидела на своей парте, ни с кем не разговаривала и все, о чем-то думала, думала. Если замечала меня, щеки у нее делались красными, она спускала глаза, и я смотрел и радовался, что она будет моей джене. Она от моего взгляда краснела до кончика носа, а мне было приятно, что джене меня стесняется.

Думали устроить свадьбу Ашира во время школьных каникул, но директор вдруг заявил, что никто не имеет права жениться на девушке, которая еще учится. Даже Ашир испугался: «Ежели не уговорим директора, все пропало». А про меня и говорить нечего – совсем приуныл, похудел от переживаний.

Я и не понял, как все это уладилось. Сердитый директор сам пришел на свадьбу, сидел на почетном месте и пил за счастье моего брата и моей джене. От радости я места себе не находил. Как хорошо все устроилось! Свадьбу праздновали два дня. Кайры-эдже по обычаю привели к нам в дом. Все домашние обязанности перешли к джене, мне стало легко и хорошо. Ни котла, ни чашек, ни за водой ходить, ни огонь разжигать! Я очень старался понравиться джене, подружиться с ней. Помогал убирать в доме, приводить все в порядок, застилать постель. Но, сказать по правде, один только я в доме был весел и всем доволен. А моя джене все вздыхала, хмурила брови, никогда не смеялась. Хозяйством она занималась прилежно, только как-то невесело. Ну, я понимал, почему моя джене так себя ведет: попала в чужой дом, не привыкла. А вот брата какой шайтан задел? Злой, угрюмый, на все кривит рот. Мало того – на другой день после свадьбы отвел в сторону мою тетку и спрашивает:

– Я ведь вам говорил?

Собрал на лбу морщины и глядит со злостью.

Тетка как ни в чем не бывало: «А что такое случилось?»

Ашир от ее спокойного тона прямо взбесился. Как стукнет кулаком:

– Где же хваленое приданое? Уж не говорю, что чапана так и не сшили, а ведь я отдал свои кровные пять тысяч.

Тетка сморщила нос – значит, злится.

– Твой отец умер не за деньги, а своей смертью, так? Что же рычишь теперь? В доме человек прибавился, а ты меня бранишь! Получил суженую, она за вами обоими присмотрит, ваш дом согреет, а ты, дурень, злишься...

Ашир только покачал головой.

Не помню, сколько времени прошло. Приходит Ашир домой, никому не говорит ни слова, усаживается и достает газету. Читает и даже зубами скрипит.

– Вот и началось, пришла беда в дом, так я и знал. Джене молча хлопотала по хозяйству. Я сидел возле очага, подбрасывал дрова и поглядывал на брата. Ашир достал махорку, оторвал кусок газеты, закурил, посмотрел на нас, прищурившись от дыма, да вдруг как заорет:

– Не жену, а несчастье я себе взял!

Я вытаращил глаза, ушам своим не поверил. Джене быстро глянула на брата.

– Что же плохого приключилось с вами из-за меня?

У нее на густых ресницах показались слезы, две слезинки упали на пол.

– Да уж чего хуже!

Ашир сунул ей газету. Я сидел молча, потому что все равно ничего не понял. Джене прочла, вздернула правую бровь и рассмеялась – только неискренне, через силу:

– Смотрите-ка, Тагай пошел в гору!

И снова занялась хозяйством. Я поднял газету. Это была наша областная газета. На третьей странице напечатана заметка, которая называлась «Обделали дело!» Заметку написал один человек из нашего колхоза – Тагай. У вас его некоторые недолюбливали, называли «материалчи», говорили, что он только и ищет плохое. Тагай написал про нашу Кайры, как она хотела учиться, а ей не дали, продали замуж по старому обычаю. Виноват в этом секретарь сельсовета Ашир Кадыров. А помог в таком бессовестном деле директор школы Сарымсаков, который на свадьбе напился допьяна за счастье товарища Кадырова и его «любимой» невесты. В конце статьи было написано, что необходимо местным властям принять соответствующие меры. Ашир как будто ждал, пока я дочитаю.

– Понятно? – ехидно спросил он. Я не ответил, я-то в чем виноват?

Поели и легли спать. Было тоскливо, я не мог заснуть. А что, если брата засудят? Вот беда-то! Джене все равно, она вернется к матери и будет себе жить-поживать, а каково мне? Грязью зарасту. Очень было горько, что такой скандал получился с моей джене. Я обвинял во всю тетку Джамал. Что, не было в айыле других девушек, кроме Кайры-эдже?

Вспоминал свое прежнее житье и просто плакал с досады. Вот арестуют брата. Тагай станет секретарем, тогда посмотрим, каково ему придется. Про других-то легко писать в газету... А если бы случилось так, как в моем сне, и Кайры-эдже сбежала со своим Джаныбаем, тогда бы никакой беды нам не было. И почему она не убежала?

С этими мыслями я и заснул. Проснулся утром, смотрю – в соседней комнате Зейнеп-эдже и моя тетка усадили между собой джене и уговаривают. Джене слушает молча, опустив голову. Я насторожил уши, слышу, ее мать говорит: «Если скажешь, что за тебя взяли калым, зятя и меня обвинят. Ты тверди одно: «Какое ваше дело? За кого хочу, за того и выхожу, все по закону». А моя тетка только просит: «Сделай так, милая, не то Ашира под суд отдадут». А джене все молчала и молчала.

Немного погодя из райкома приехал человек, вызвал мою джене в контору и начал расспрашивать. Ашир сидел, дома и твердил: «Не жену взял, а несчастье на свою голову». И уж не знаю, что там говорила джене, но только Ашира и директора не засудили. Все были очень довольны моей джене. Одно плохо – и Ашира, и директора с работы уволили. Об этом я не особенно горевал: если, есть голова на плечах, так и дело найдется.

Но Ашир ужасно страдал оттого, что больше не работает секретарем. Он никуда не выходил, пожелтел часто посылал меня в магазин: «Поди принеси водки». И все попрекал джене, а она плакала и только спрашивала: «Еще что скажете? Не все у вас?» Ашир говорил: «зря я на тебе женился. С тех пор, как ты переступила порог, на меня посыпались несчастья. Кадым заплатил, на той деньги истратил, а теперь меня из секретарей прогнали». – Он очень тяжело вздыхал. Джене вытирала слезы уголком головного платка и спрашивала его: «Что вы привязались ко мне, как оса? Прогнать меня хотите? Так я сама уйду». Ашир как закричит: «Куда это ты пойдешь? Пять тысяч маменька твоя получила и проела!» Помолчал немного и опять: «Я, значит, для тебя оса? Жалю тебя, как оса?» И всячески ругал джене. Когда про нее уже сказать было нечего, прицепился к ее матери: «Ну и хитрая у тебя мать! Деньги взяла, а чапан так и не сделала». Джене молчала. «А твоего отца, кажется, прозвали Арстан⁸. Не подходит паршивему имя Арстан, а?» Тогда джене не выдержала: «Стоит ли тебя слушать, чепуху говоришь!» Вместо «вы» сказала «ты». Ашир: «Я не корова, которой ты сена задаешь. Разговаривайте повежливей. Я вам как-никак муж!»

Назавтра, когда я пришел из школы, джене назвала меня умным мальчиком, накормила хлебом с маслом, а потом спрашивает:

– Можно тебе поручить одно дело?

– Можно.

– Никому не скажешь?

– Никому. И сам читать не буду.

⁸ Арстан – лев.

Я догадался, что она хочет передать кому-то письмо.

Она протянула голубой конверт:

– Вот отнеси и отдай почтальону.

Я посмотрел: письмо для Асылкан-эдже, которая училась во Фрунзе в институте. Я все-таки не выдержал, осторожно распечатал и прочел, что там такое секретное написано. Сначала джене посылала подруге привет, потом жаловалась, что ей не удалось на учебу поехать, а потом было про Ашира: «Если бы Ашир обращался по-человечески, разговаривал ласково, я ни на что не жаловалась бы. А он только ругает меня самыми последними словами. Разве можно жить с таким человеком? Мне совсем не хочется губить вот так свою жизнь, поверь. Но не могу пока придумать, как уйти. Если сумею разойтись с ним, то на будущий год приеду во Фрунзе учиться».

Я не знал, что делать. Если показать Аширу, он изобьет джене. А если джене уйдет, тогда что? Вот я и решил письмо разорвать, а джене соврать, что отослал.

Со страхом я ждал того дня, когда джене уйдет. А ждать пришлось недолго.

Я еще не встречал такого сварливого человека, как брат. Если джене собиралась на работу пораньше, он ворчал: «Куда это вы спешите со всех ног? Рассердитесь на вас кто, если в срок не придете?» Если чуть запаздывала домой, приставал: «С кем вы так заговорились, что не заметили, как солнце зашло?» Джене не обращала внимания на его слова и делала свое дело. Ашир не успокаиваться, посылал меня следить за джене: «Расскажешь, с кем она встречается, с кем разговаривает. – И пугал: – Смотри не вздумай скрывать! Берегись тогда». Я его боялся и рассказывал все, что слышал, о чем джене говорила со знакомыми женщинами.

В воскресенье брат возвращался с базара и встретил Шакир-аке и Касым-аке. Они, должно быть, выпили. Бросились навстречу, как будто увидели своего близкого друга.

– Ашир, дорогой, все ли у тебя в порядке? – спрашивает Шакир.

– Ашир, друг, как твои домашние дела? – подхватывает Касым.

И оба хохочут. Ашир понял, что они пьяные, и проехал мимо, не ответив. Отъехав метров сто, обернулся и видит, что они, о чем-то говорят и со смеху покатываются. Ашир разозлился: «Что у меня, нос кривой и рот на сторону, чего они смеются?» Вернулся к ним.

– Почему это вы спрашивали о моих домашних делах?

А те двое поглядели друг на друга с удивлением и опять захохотали.

Шакир прищурил глаз.

– Ашир-друг, это большой секрет, и пусть он лучше в землю уйдет.

– Понятно? – подмигивает Касым.

– Скажите, друзья, что за секрет такой, – просил Ашир.

– Секрет – то, что мы знаем, – отвечают ему.

Ашир понял, что не стоит унижаться и расспрашивать, хлестнул коня и уехал. А они вслед кричат:

– Жене привет передай!

«Не, зря, должно быть, они смеялись, что-то есть!» – думал по дороге Ашир. А когда приехал, несколько раз ударил плетью джене.

Меня в это время дома не было. Прихожу – джене нету. Ашир сидит один понутив голову.

– А где джене? – спрашиваю.

– Умерла твоя джене.

Я понял, что случилось и без расспросов. Джене выполнила, что задумала, и распрощалась с нами навсегда...

Опять все хозяйство свалилось на мою несчастную голову. Много раз мы посылали разных людей к джене, но она отвечала одно: «Если я еще раз переступлю порог этого дома, меня не стоит называть человеком». Наконец пошел к ней сам Ашир, повинился. «Пусть не зовут меня мужчиной, если я, когда-нибудь подниму на тебя руку», – клялся он, но она от своих слов не отступила.

Остались мы снова вдвоем и зажили, как прежде.

Вот однажды, когда Ашир был в поле, я пригнал коз домой, подоил, слил молоко в казан и накладывал в очаг кизяки. Вдруг входит джене со своей матерью. Я решил, что пришли за вещами; знают, Ашира дома нет!

– Не входите в дом! – закричал я, едва переступили порог. Ашир мне наказывал: «Если, когда меня не будет дома, придут за вещами, ты плачь, кричи и ничего не отдавай».

Зейнеп-эдже, кажется, поняла, почему я закричал, и говорит:

– Не бойся, мы ничего не возьмем. Я привела обратно твою джене.

Джене, ни слова не говоря, обвела глазами комнату. Я не верил:

– Вы меня обмануть хотите...

– А где брат?

Я сказал, что его уже два дня нет дома.

– Совсем исхудал, сиротка! – пожалела меня Зейнеп-эдже и велела дочери, чтобы та сама вскипятила молоко.

Я молчал. А джене, как будто только и ждала приказания, сразу принялась разжигать кизяк. Зейнеп-эдже посидела немного и ушла домой.

«Что за чудо! Сон или не сон?» – думал я, не смея подойти к джене. Она похудела. По дороге к нашему дому она, наверно, плакала, потому что глаза были красные, когда кизяк разгорелся, джене вымыла посуду и стала подметать пол.

– Вы только на один раз пришли? – спросил я.

Джене взглянула мне прямо в лицо и ответила:

– Больше не уйду.

Отвернувшись, но я заметил, что она вытерла слезы.

– Обманываете. Я знаю – вы учиться хотите.

Джене резко повернулась ко мне: «Прочел?»

Я виновато опустил голову. Она положила руку мне на правое плечо и говорит:

– И брату рассказал?

– Нет, – затряс я головой.

– Правду говоришь? – Джене подняла мою голову за подбородок и посмотрела в глаза.

Мне стало ее очень жалко.

– Правду, можете верить.

Она поверила, погладила меня по голове.

– Ты умный мальчик. Если расскажешь брату, он меня ни на один день в доме не оставит. Не проболтайся смотри.

И она заплакала.

– Не скажу, джене, разве я ненормальный!

Теперь я знал, что она вернулась насовсем, только не понимал: как же так – то не хотела возвращаться, когда упрасивали, а то сама пришла..., наверно, хотела, чтобы подольше уговаривали. А когда увидела, что нам надоело, сама не выдержала. Так я решил. Но было совсем не так... Я не сразу догадался, в чем дело.

Вечером пришел Ашир. Он сначала не поверил глазам, но обрадовался.

– Как же ты переступила порог? – улыбаясь спросил он.

– А вы совсем надежду потеряли? – вопросом ответила джене.

– Ладно, не надо так говорить. – заспешил брат.

Теперь они зажили мирно, не ссорились, как прежде. Джене часто говорила, что ее мутит, и все жевала соль. Я сказал об этом тетке Джамал, она очень обрадовалась. Я спросил, чему она радуется, но тетка не ответила. А джене начала сильно поправляться. Тут уже я понял, что будет маленький, и тоже был рад – больше всех, наверно,!

Но Ашир совсем не обрадовался. «Вот почему вы вернулись! Я думал, что по мне соскучились, а дело-то вот в чем!» Я не понял, почему он так говорил. Но с этого времени в доме снова пошла грызня. Ашир вел себя хуже, чем раньше. С утра искал повода, чтобы прицелиться к джене. «Дорога открытая, тебя никто здесь не держит». Джене плакала, как

маленькая... «Правильно вы говорите, правильно, только второй раз этого сделать не могу».

Когда у джене начались схватки, я бегал по айылу и всем объявлял, что джене родила сына. И получал суюнчи. И совсем не огорчился, когда оказалась, что родилась девочка. Сообщил об этом Аширу, а он меня ударил: «Ты за девчонку хочешь суюнчи?» Три дня он не ночевал дома, и, по правде говоря, я был недоволен, что он – мой брат. Хорош брат, нечего сказать! Ну сами посудите, можно ли обвинять жену, что она родила девочку, и сердиться за это? Разве это по-человечески? Бедная моя джене горько плакала, заболела от обиды.

На четвертый день тетка привела Ашира. Он не спросил, как себя чувствует джене, а начал издеваться:

– Разве порядочные девок рожают? – На дочь только взглянул и отвернулся.

“– Как бы то ни было, ребенку надо дать имя”, – сказала тетка.

Брат махнул рукой:

– Не все ли равно, как девчонку назовут?

В конце концов пришла мать джене и сказала:

– Пусть мою внучку зовут Анархан!

Это имя всем понравилось, мы согласились. Анархан росла завидной девочкой. Мы с джене вдвоем возились с ней. Через полгода Анархан хорошо сидела и, когда видела нас, протягивала ручонки, прыгала. Джене очень любила ее и гордилась, что у нее такая хорошая, красивая дочка. Она прижимала Анархан крепко-крепко, и слезы текли по ее лицу.

Время шло. Я ни разу не видел, чтобы Ашир приласкал дочь, не слышал даже, чтобы он сказал «дочка моя». И Анархан боялась его, как чужого, пряталась от него, прижималась к матери, как только Ашир входил в комнату. Руки у моей джене все время были заняты. Когда дочка плакала, Ашир закуривал или начинал играть на комузе, не обращая на девочку внимания. Джене очень горевала, что отец так обращается с дочерью. Ашир говорил: «Ничего моего в ней нет...» И правда, Анархан не была на него похожа. Мне хотелось, чтобы и в будущем она не стала такой жестокой и угрюмой, как он. На другую осень Ашира сделали завхозом. Он бывал дома только раз в неделю. Ну, я этому был рад: «Глухое ухо лучше подслушивающего».

Однажды ночью меня разбудил чей-то громкий голос. «Ашир, наверно», – подумал я и хотел снова уснуть. Но сердце будто чуяло беду, не спало. Ашир, приехав вчера, заявил: «Почему это ты не постелила мне постель заранее? Знала ведь, что я буду дома!» И не остался ночевать. «А сегодня опять ссора! – подумал я. – Будет ли этому конец?» Зажмурил глаза покрепче и старался не слушать, спать. Джене тяжело вздыхала. Я уже не сомневался: «Ашир явился». Но вот снова раздался голос – чужой! Я с испугу чуть не заорал, но вовремя зажал себе рот. Да, у Ашира голос не такой басовитый. Кто же это там с моей джене? Я прислушался. Джене всхлипывала.

“– Не плачь, джаным”, – говорил тот голос. – Не понимаю тебя! В наше время ты живешь с человеком, который бьет тебя. Муж – плетка. Не могу вытерпеть такого. Добьюсь, чтобы Ашира отдали под суд, а тебя развели с ним.

Джене заплакала еще сильнее. Теперь я узнал, кто это говорил: Зарлык, сын Сарымсака-аке. Он вернулся из армии и теперь работает на шахте неподалеку. Отец велит жениться, а он отвечает: «Отец, вы отсталый человек. Мы – советская молодежь. Если мы пойдем по вашему старому пути, будем жен покупать за калым, нам перед партией позор! Я женюсь только на той, которую полюблю». И Зарлык, оказывается, любит мою джене!

– Джаным, Кайры моя, я без тебя не могу жить. Дай мне ответ!

– Нет! – сказала джене.

– Почему нет? Как ты можешь жить с Аширом, не слыша ласкового слова? Ты пойми, жизнь человеку дается один раз, – уговаривал Зарлык.

Джене крепко обняла его:

– Ты еще молодой, жизни не понимаешь.

– Я не мальчишка. Ты просто не любишь меня, потому и не соглашаешься.

– Эх, мужчины, – вздохнула джене, – вы ничего не понимаете. Я мужа не люблю, а разойтись не могу.

Зарлык заговорил резко, твердо:

– Я одного не понимаю: как можно жить с человеком, которого ненавидишь? Я бы и дня не прожил! Часа не прожил!

Джене зажала ему рот:

– Тише! Мальчик проснется...

– Пусть проснется, пусть хоть Ашир придет – я не боюсь!

Джене помолчала, потом говорит:

– Ты хочешь меня сделать несчастной?

– Я хочу счастливой тебя сделать, – тихо сказал Зарлык.

– Не трудись понапрасну, Зарлык-джан, я тебя люблю, но с Аширом разойтись не могу.

– Неправда, что любишь. Если бы любила, вышла бы за меня замуж.

– Анархан будет жить с нами, вырастет счастливой. Теперь не старое время.

– Нет, не могу я. Совесть не позволяет, – ответила джене и снова тяжело вздохнула.

– Согласна?

– Нет!

– Значит, не любишь!

Зарлык пошел к дверям. Вы, когда-нибудь видели, как кошка подстерегает мышь? Если видели, то можете представить, в каком я был состоянии. Я сжал кулаки и весь напряжился. Хотел было броситься на Зарлыка, но понял, что это он со мной разделается, как с мышью, а не я с ним. Джене повисла у него на шее.

– Люблю тебя! Только... – И она заплакала.

– Нет у тебя сердца! – ответил Зарлык и вышел, хлопнув дверью.

Я не знал, что делать, и снова лег. Джене плакала, вздыхала, я же готов был ее живьем проглотить, только не находил слов, чтобы высказать ей все. Тут заплакала Анархан. Джене вскочила.

– Анар-джан, ты мое мученье... – Она стала целовать девочку.

Я не выдержал:

– Не смей целовать Анар своими погаными губами!

И закричал, и заплакал. Джене так и замерла.

– Ты не спишь?

Я ругал ее, как только мог. Она обняла меня, упрашивала, целовала:

– Мальчик, милый, не говори брату. Он выгонит меня. Что тогда будет с нашей Анархан?

Слезы лились у нее градом. Но я все равно не жалел ее, я ее ненавидел.

– Ты же не хочешь, чтобы Анар осиротела?

Я и не думал про Анархан, я только ждал утра. «Она опозорила моего брата, она любит Зарлыка. Как же я буду смотреть брату в глаза, если скрою? – думал я. – Лучше смерть, чем такой позор».

Я обещал джене, что никому не скажу, успокоил ее и пошел в школу. А в школе отпросился, разыскал Ашира и все ему рассказал.

Короче – они развелись. Джене не хотела уходить, упрашивала простить ее, но Ашир не согласился. Через три месяца он женился во второй раз. Тогда только моя бывшая джене вышла замуж за своего Зарлыка. Она встретила меня однажды на улице, погладила по голове и сказала:

– Перестань сердиться. Мы поссорились, но я тебя люблю по-прежнему, как младшего брата.

Я не поддался на ласку. Сама виновата!

И вот прошло десять лет. Моя джене (то есть, теперь уже не моя джене!) родила еще троих детей. У Ашира тоже два сына от второй жены. И еще дочка. Ашир и с новой женой ссорится каждый день, в доме сумятица, разлад. Кайры-джене живет с мужем ладно,

только... только Анархан ни к одному дому не пристала. Трудно ей, грустная такая...

– Твой отец – Ашир. “Это наш дом, уходи”, – говорят ей, поссорясь, дети Зарлыка.

Как же ей не быть грустной, если приходится лить слезы и чувствовать себя без вины виноватой? Конечно, без вины... И вот, когда я гляжу на Анархан, мне иногда начинает казаться, что я был соучастником в тяжелом преступлении.

Эркинбек

Когда же в конце-то концов наступит вечер и вернется с работы отец? Вот тоже чудак, взял, да и поселился на самой что ни есть окраине села. Живи они в центре, Эркинбеку не приходилось бы вот так скучать. Правда, он сам слышал, как отец недавно говорил бригадиру: «В будущем году собираюсь построить себе новый дом в самом поселке. Как, поможете мне колхозом?» Да, да, эти слова Эркинбек слышал собственными ушами, иначе откуда бы ему о них знать? А ведь отец умеет держать свое слово. Вот тогда Эркинбеку уже будет не так скучно, как сейчас. Ребята повалят к нему гурьбой со всего поселка и будут приставать: «Пойдем, Эркинбек, поиграем?» А вдруг они этого не станут делать и не позовут его играть в чехарду? Ну и пусть. Упрашивать и умолять он не станет ни за что на свете. Он заберется на крышу своего нового дома и будет себе посматривать по сторонам. А что еще можно придумать лучше того, как получить возможность смотреть во все стороны и видеть все-все?

Хотя бы скорее пришел этот будущий год. Как только наступит весна, отец начнет делать для нового дома кирпичи, а он, Эркинбек, будет подтаскивать ему песок из оврага.

Так размышлял мальчик, лежа в засаде на спине возле дома и глядя на высокий-высокий, с густой серебристой кроной тополь. Вот откуда-то прилетела серая в крапинку птичка и уселась на самой верхушке дерева.

Э, а ведь у нее там гнездо! И как он только раньше этого не заметил? Эркинбек напряг слух, и до него донеслось слабое попискивание птенчиков. Мать кормила своих малышей, всовывая в их широко раскрытые клювики крохотные кусочки полевого кузнечика. Эркинбек сразу же пустил в ход свою рогатку, но первый камешек полетел почему-то не в ту сторону. Мальчик выстрелил еще раз – и опять мимо. Третий камешек сорвал с тополя несколько лепестков. Птичка испуганно оглянулась, вспорхнула и скрылась...

Эркинбек еще раз тщательно прицепился, на этот раз прямо в самое гнездо, но ему явно не везло сегодня: камень опять пролетел мимо. Тогда рассердившийся стрелок решил, что лучше самому взобраться на тополь, засучив штаны до колен, он ухватился за ствол и по-кошачьи начал карабкаться вверх. Только, как ни старался он, гнездо, кажется, уползало от него на самую макушку тополя. Мальчик разозлился на птицу, которая вздумала свить себе гнездо на такой головокружительной высоте. Неужели не могла она сделать свой домик где-нибудь пониже? Выходит, она чуяла, что Эркинбек может быстро достать и разрушить его. Но все равно это ей ничуть не поможет. Эркинбеку приходилось взбираться и не на такую высоту, и все-таки он добирался до гнезд и доставал оттуда и яйца, и птенцов...

Он влез до середины дерева и осмотрелся. Даже отсюда уже можно было увидеть очень многое. Под ним закружились бескрайние, убегающие до самого горизонта поля и все живое, что могло только находиться на них в это жаркое время года. Вон там в ложине что-то ярко поблескивает на солнце. Это женщины жнут серпами. Даже видно, что у них разные по цвету платья и платки, и синие, и красные, и желтые, и зеленые. А поближе к ним, на плантациях люцерны, школьники сгребают скошенную траву и складывают ее в копны, Звонкая, веселая песня доносится с плантаций, но слов не разобрать, слишком далеко и высоко. На все великолепие природы, оказывается, надо смотреть вот с такой высоты – с высоты птичьего полета, – тогда многое разглядишь. Если бы эти ребята увидели, куда он забрался, они, наверное, сказали бы: «Какой шустрый этот Эркинбек, какой молодец!» Мальчик даже намеренно громко крикнул, чтобы школьники обратили на него внимание, но те даже не услышали его голоса. Как жалко!

Передохнув немного, Эркинбек с новыми силами начал карабкаться дальше. А когда рука отважного птицелова коснулась, наконец, гнезда, он искоса глянул вниз: земля была уже где-то далеко-далеко.

– Ой куда забрался! – донесся до него чей-то удивленный голос. Эркинбек присмотрелся и еле заметил на земле ставшего таким маленьким Кемела. Задравши голову и разинув рот до ушей, он смотрел на Эркинбека.

– Эркин, спускайся на землю, голова закружится! – крикнул он.

– Давай лучше ты сюда, здесь хорошо, – похвастался в ответ Эркинбек.

– Я не умею лазать, – с тоской и завистью отозвался Кемел.

– Что ты, девчонка, что ли? Это только девчонки не могут лазать по деревьям.

Кемел не нашелся что ответить и покраснел до ушей.

– Держи подол рубашки, я буду бросать тебе птенцов. Одного дам тебе. Согласен?

Кемел отрицательно покачал головой. Вот упрямец! Как жаль, что Эркинбеку не достать его отсюда. Тогда бы он поговорил с ним по-другому. А если начнешь сейчас спускаться, мальчишка убежит. Что-что, а это Эркинбек уже знает.

– Тогда я дам тебе двух сразу, двух! – пошел он на уступки. А про себя подумал: «Вот увидишь, не получишь ни одного». Но Кемел ни за что не соглашался. «Вот жадюга,, наверное, хочет, чтобы я ему всех птенцов своих отдал».

Ну, хорошо, пополам, согласен?

Эркинбек уже не мог говорить спокойно: ему хотелось кричать, негодовать, приказывать.

– Мне хоть всех давай, все равно не возьму, – тихо проговорил Кемел – птенчинов нельзя обижать, а тем более убивать. Да и мама будет ругаться...

Последние слова еще больше обидели и разозлили Эркинбена. Потому что его мать умерла зимой от тяжелой болезни. В голосе Кемела ему послышался упрек? дескать, нет у тебя мамы вот ты и позволяешь себе всякие выходки. А мама действительно обругала бы его. «Нехорошо. – сказала бы она, – обижать беспомощных и беззащитных».

– Эй, малыш, прежде чем говорить, подумай. А то сейчас как сойду да как надаю тебе! – рассердился Эркинбек и так взмахнул рукой, будто рубанул саблей.

Этот угрожающий жест до того напугал Кемела, что, он поспешно растопырил подол рубашки.

– Хорошо, бросай, буду ловить.

В гнезде оказалось целых полдюжины птенцов. Почуввав, что возле них зашевелилось что-то живое, все шестеро раскрыли свои желтые клювики и принялись пицать. Эркинбек схватил самого крайнего из них и бросил вниз.

– Лови!

Птенец расплюснулся о твердый сук, не долетев до Кемела. Эркинбек даже закрыл глаза. Ему вроде послышалось, как хрустнули у крошки косточки.

– Это все из-за тебя! – крикнул он, будто оправдываясь перед кем-то.

– Нет, это ты, ты убил его! Зачем бросал его вниз? – захныкал в ответ Кемел, и на

глазах у него блеснули слезинки.

Над головой Эркинбека с отчаянным пискom закружилась возвратившаяся бедняжка мать.

– Эй, Эркин, посмотри! Это их мать по ним убивается, не трогай птенцов, – неслоь умоляюще снизу. Но Эркин, уже из-за упрямства, протянул руку за следующим.

– Держи второго! – снова крикнул он вниз. Но оттуда донеслось уже совершенно категорически:

– Не буду ловить! Как он будет без мамы?!

– Ну погоди же, я тебе покажу, – пригрозил Эркинбек вслед удаляющемуся мальчугану. – Я тебе... – и на этом вдруг запнулся.

Он увидел подъезжавшего верхом на коне отца. Сразу же позабыв о птенцах, Эркинбек начал поспешно спускаться вниз.

«Отец едет, отец!»

– Что это у тебя, папа? – показал Эркинбек на живой комочек, копошившийся в руках отца.

– А ну, отгадай-ка сам!

Эркинбек боязливо приблизился к отцу и принял из его рук маленькое животное. Видимо испугавшись, оно отчаянно забилося в объятиях мальчика и выскользнуло из рук на землю. Эркинбек хотел было наброситься на него всем телом, но, увидев, что все четыре ноги его связаны веревкой, остановился.

– Ай да молодец! А я-то думал, что ты у меня храбрый, героем будешь, а ты, оказывается, трусишка.

Насмешка отца «не понравилась Эркинбеку. Он окинул неприязненным взглядом связанное существо и принялся отчаянно колотить его.

– Я не трус. Не трус. И никого не боюсь.

– Брось баловаться, – схватил Кожомкул сына за руку. Но Эркинбек принялся изо всех сил тереть его.

– Скажи, трус я! или силач, ну, говори!

– Ну конечно же ты силач, сынок, – улыбнулся Кожомкул и, подняв сына на руки, неожиданно поцеловал.

– Ой, какая у тебя колючая борода! Ты щекочешь меня, – рассмеялся Эркинбек.

Кожомкул опустил его на землю и начал развязывать стреноженное животное, а сын подсел поближе и, потрогав свою жертву за длинные уши, спросил:

– А чей это детеныш, папа?

– Это эличонок, сынок, детеныш горной козы. Ехал я на закате через густую траву, смотрю, спит он себе под кустиком и ничего не слышит. Я его и накрыл, – отец жестом показал, как он накинудся на эличонка. Это еще больше развеселило Эркинбека, и он принялся помогать отцу распутывать козленка.

Освобожденный от пут эличонок вскочил на ноги, встряхнулся, и с него во все стороны полетела пыль, соломинки, травинки.

Эркинбек проворно схватил его за шею, – а вдруг дикому козленку вздумается убежать, вот он его и накроет, как отец. Но эличонок почему-то не стал сопротивляться. Только ушки его нервно подергивались да глаза застилали слезинки.

– Папа, а мы его тоже зарежем, как того черного ягненка, которого съели в прошлом году?

– Конечно, как только он станет таким же упитанным, – ответил отец. Расседлав коня, он легонько ударил его по крупу уздечкой, чтобы тот на всю ночь шел на волю пастись в свежей траве. Собрав сбрую, отец понес ее к дому.

– “Возьми его на руки, Эркинбек”, – сказал он сыну, заметив, что тот не знает, что делать с козленком.

Мальчик с трудом поднял и поволок его к дому.

– Что с ним делать? – обратился он к отцу.

– Отнеси в сени и там запри, – проговорил тот, усаживаясь на ступеньках.

Эркинбек внес козленка в темные сени и уложил в угол.

Только мальчик собрался уходить, как козленок вдруг жалобно заблеял.

«По маме, наверно, скучает, – подумал мальчик, и сердце его больно защемило. – Как он теперь будет без мамы?»

– А ну-ка, поди сюда, – раздался голос отца.

Сын нехотя подошел к нему и позволил взять себя на руки. Понурый вид сынишки встревожил Кожомкула, и он окинул его обеспокоенным взглядом. Щеки у него вроде запали, глаза потускнели, и весь он показался ему каким-то слабеньким и заморенным. «Неужели он догадывается о том, что я договорился с Шарапат! Боится, мачеху приведу. Что ж, пожалуй, он прав по-своему», – думал Кожомкул, усаживая сына на колени.

– Ты голоден, да?

Эркинбек закрыл глаза, крепко обнял отца за шею и ничего не ответил. «Тоскует по покойной матери, – снова промелькнуло в голове Кожомкула, – или просто устал от беготни за целый день?»

– Спать, видно, хочешь?

– Нет, – ответил Эркинбек, не открывая глаз.

– Зачем же ты тогда закрываешь глаза?

Мальчик тяжело вздохнул.

– Как только закрою глаза, я вижу мамочку. Она что-то делает на кухне, кормит меня, стелет постель, – голос мальчика дрогнул, на длинных ресницах выступили слезы. – Почему же она больше не приходит ко мне? Или уже не любит?

Кожомкула неприятно зазнобило, он взял себя в руки и нежно погладил сына по голове.

– Хочешь, я расскажу тебе сказку?

Мальчик, не раскрывая глаз, в знак согласия кивнул головой.

– ...в давние-предавние времена жил один богатырь, и звали его Тоштуком... Кроме него в семье было еще восемь братьев. Он был девятым... Самым последним.

Кожомкул довел сказку до того момента, когда главный герой спускается под землю, чтобы расправиться с ведьмой, и остановился.

– Ты меня слушаешь, сынок?

Мальчик не ответил.

– Устал, бедняжка, – прошептал отец. Осторожно подняв сына на руки, он отнес его на постель во дворе под навесом.

Утренний сон до того сладок, что Эркинбек никак не может открыть глаза, ему кажется, что он и спит и не спит. А солнце уже давно показалось из-за горы. С кем это отец перешептывается? Женский и как будто бы давно знакомый Эркинбеку голос... Кто же это?

– ...Мы все понимаем твое горе и глубоко тебе сочувствуем. Но где это видано, чтобы вслед за умершим человеком умирал и другой? Дома сплошной беспорядок. И за сыном некому смотреть, исхудал, оборвался...

«А, это, кажется, тетя Ырыс, двоюродная сестра отца».

– Ну, что же ты молчишь? – продолжает теребить отца тетя Ырыс.

А отец почему-то не отзывается, не хочет, видно, разговаривать. Нет, кажется, заговорил...

– И полгода не успело пройти, а ты уже требуешь, чтобы я женился на другой. Кому может понравиться мой поступок, как ты думаешь? Ты лучше не торопи, дай все хорошенько обдумать.

– Пока ты будешь думать, вся вода в реке утечет. Кто меньше думает, тот больше делает. Когда все хозяйство прахом идет, думать не приходится. Посмотри, какой у тебя грязный воротник, смотреть тошно. Посуда лежит немытой. Тебе-то что, ты вольная птица,

все время в поле, а Эркинбек без тебя здесь и недоедает, и недопивает. Не ровен час, вдруг заболит?

Послышался тяжелый вздох отца.

– Вот я потому и стою на своем, что не хочу заставлять страдать Эркинбека. Сама знаешь, какой у него характер. Он до сих пор не верит в то, что мать умерла, и продолжает искать ее. И вдруг в доме совершенно посторонняя для него женщина берется за ту самую посуду, которую мыла его мать, за ту постель, которую она стелила. Как он все это перенесет? У меня голова кругом идет от этих мыслей...

Так вот оно что!

Теперь Эркинбеку все ясно. Тетя Ырыс упрашивает отца жениться на другой. Понятно, понятно...

– ...Какой же ты все-таки бесхарактерный, вялый мужик. Ведь все равно рано или поздно придется тебе на ком-то жениться. Я тороплю тебя лишь потому, что Айша – женщина умная, хозяйственная, с людьми обходительная. Недаром же ее руки добиваются многие. А упустишь – не вернешь.

– Все это верно, конечно, от женитьбы никуда не денешься, но все же...

Не успел Кожомкул произнести эти слова, как Эркинбек вдруг вскочил с постели и горько расплакался. Но взрослые даже не стали его успокаивать, уверять, что это, мол, они шутили. Они поняли, что поддельными словами и притворством им не утешить мальчика, не унять его слез, заструившихся из самого сердца.

Эркинбек никак не ожидал по отношению к себе такой жестокости. А особенно от отца. Ему даже казалось, что отец провинился перед ним и должен сейчас же попросить прощения. Но отец продолжал почему-то сидеть молча, в подавленном состоянии. И даже не успокоил сына, хотя бы самыми обычными словами: «Брось, свинок, не плачь, все будет хорошо».

«Неужели он и в самом деле готов жениться на какой-то Айше?» – с ужасом подумал мальчик и еще сильнее принялся плакать. А отец как будто и не замечал ничего. Тогда Эркинбек бросился к отцу и начал трепать его за уши.

– Ты отца оставь в покое, – сурово остановила его тетка Ырыс. – Он здесь ни при чем. Можешь трепать сколько угодно меня. Раз уж ты такой забияка, так готовь кушать своему отцу сам, стирай на него белье.

– Ну и буду все делать сам. В дом нашей мамы никого не впускать, – встал в воинственную позу перед теткой мальчик.

– Правильно, сынок, никого, – поддержал сына Кожомкул.

Ырыс не стала их слушать. Ушла на кухню и вынесла оттуда молоко в мисках и лепешки в салфетке.

За завтраком никто не проронил ни слова. Правда, Эркинбеку не сиделось. Он все порывался что-то сказать, но так и не выдал из себя ни звука.

Потом отец оседлал коня, сказал сыну: «Приеду поздно», – и тронул поводья. Эркинбек по старой привычке долго шел вслед за отцом, провожая его на работу.

А когда они отошли от дома уже достаточно далеко Кожомкул придержал коня, погладил сына по голове и сказал:

– Ну, иди домой, озорник. Там тетя Ырыс наводит порядок в нашем доме, так ты ей помогай, – и поехал дальше.

Над селом уже поднялось солнце, Отогнав своих коров и овец в стадо, жители уходили на работу. Эркинбек поспешил домой. По пути ему повстречался Кемел, гнавший свою рябую корову в стадо.

– Эркин, пойдем сегодня играть в поле, а? – сказал он, примирительно посмотрев на друга. Эркинбек не забыл, как Кемел вчера не послушал его, и насупил брови.

– «Никуда я не пойду», – сказал он и, резко повернувшись, пошел к дому. Навстречу ему Ырыс выгоняла корову.

– Отгони в стадо, – коротко бросила она. Мальчик пристроил корову к стаду и тут только вспомнил о диком козленке, которого привез вчера отец. Вспомнил и стремглав

примчался обратно.

– Уж не враг ли какой гонится за тобой? – спросила тетка. Но мальчик, даже не ответив, ворвался в сени. Козленок, спокойно лежавший в углу, вскочил как ужаленный, готовый сию же минуту броситься в распахнутую дверь. Уши его встали торчком, глаза, полные слез, сверкнули огнем. Жалобно заблеяв, он забил об пол копытцами...

– Куда тебе бежать? Или ты не понимаешь, что навсегда попал к нам в руки? – урезонил его Эркинбек и захлопнул за собой дверь. Когда мальчик подошел к козленку, тот вздрогнул и забился в темный угол. “– Никуда ты теперь не убежишь”, – сказал Эркинбек и, расставив руки, подошел вплотную к козленку. А у того и душа в копытцах. Задрожав от страха, он еще глубже забился в угол. Эркинбек вспомнил, как ловил его отец, и со всего маха бросился на свою жертву. Но эличонок ловко увернулся, и Эркинбеку пришлось собственным носом испытать прочность пола. Правда, лицо почти не пострадало, но зато сильно досталось локтям: кожа на них собралась в гармошку. Мальчик разозлился и, вскочив на ноги, бешено начал гоняться за животным, наконец он схватил его за задние ноги и вместе с ним покатился по земле. Козленок снова жалобно заблеял, будто запросил пощады у своего мучителя.

– Ага, сознался, брат, сам виноват. Я еще тебя и не трогал, а ты уже расплакался. Теперь ты будешь во всем мне подчиняться и слушаться, а?

Но заметив вдруг, как у козленка сильно впали бока, мальчик сразу же выпустил его. Злость его как рукой сняло.

– Ты голоден, да?

Козленок в ответ только дрожал и почему-то больше уже не пытался убежать. Эркинбек погладил его по мягкой шерстке. В мальчике проснулась жалость, он выругал себя за то, что обидел козленка.

– Не плачь, я больше никогда не буду тебя обижать. Будем с тобой друзьями.

Козленок встрепенулся, заблеял.

– А я и забыл, что ты кушать хочешь, – спохватился Эркинбек. Он выбежал на улицу, принес миску с молоком, которое не допил еще утром, и поставил ее перед козленком.

– Пей, друг, не стесняйся.

Козленок не только не стал пить, но даже, кажется, испугался миски. Эркинбек поднес миску к самому носу козленка, тот подскочил и опрокинул все молоко на себя. Такого безобразия и баловства мальчик не ожидал.

– Ты мне всю рубашку облил! – прикрикнул он на козленка и ударил его ногой по животу. Козлик жалобно заблеял. Эркинбек сразу же, забыв о проступке своего подопечного и ласково заговорил с ним.

– Теперь я тебя не буду бить, – повторял он, успокаивая и себя и четвероногого друга.

Но козлик продолжал с недоверием смотреть на мальчика и, сколько Эркинбек ни пытался подойти к нему, шарахался от него, стараясь забиться подальше. Тогда мальчик бросил ему кусок лепешки.

– Ешь, не бойся.

Но чем ближе пододвигал он лепешку к козленку, тем чаще вздрагивал тот и отступал назад.

– Ага! Я, кажется, понял его тайну. Он просто боится моего присутствия. Выйду-ка я отсюда, – решил мальчик и вернулся в комнату.

Тетя Ырыс выносила в это время постель, чтобы выбить ее и просушить.

– Что ты делаешь там в сенях? И бормочешь, словно допотопный знахарь, – взметнула она на него свои косматые черные брови.

– Кошка выпила мое молоко, вот я и проучил ее как следует, чтобы впредь не шлодила, – нехотя буркнул мальчик, невзлюбивший с некоторых пор свою родственницу. Он приоткрыл дверь и глянул в сени: хлеб лежал нетронутый, а козленок, встав в полоску света, падавшего через единственное окошечко, копытцем чесал у себя за ухом. «Молоко не пьет, хлеб не кушает, чем же он питается и что это еще за привередник такой мне навязался?» –

сетовал мальчик.

– Скажите, пожалуйста, что же вы в таком случае кушаете? Сметану? Плов? Жаренные в масле лепешки? – закричал на козлика Эркинбек и так его этим вспугнул, что тот мигом перестал чесаться, вскочил с места и снова забился в угол. Только этого еще не хватало! Козлик даже не хочет обращать на него внимания, не хочет ни дружить, ни играть с ним!

– Не хочешь кушать, ну и пропадай с голоду, – хлопнул он изо всех сил дверь и вышел во двор.

Тетя Ырыс, развешивавшая там на веревке постель, вдруг умильно улыбнулась ему:

– А что я тебе скажу, Эркин. Интересное-интересное, хочешь?

Мальчик, насупившись, молчал.

– Ты что, онемел, что ли?

Эркинбек не проронил ни слова.

– Ну чего, скажи пожалуйста, ты дуешься?

– Я знаю, что вы хотите мне сказать... Но если только папа, женится, я сразу же убегу из дому... Так и знайте!

– Куда же ты, интересно, убежишь? – насмешливо подбоченилась тетка. – А хоть и уйдешь, так кушать захочешь и все равно вернешься.

– А вот и не вернусь, ни за что не вернусь. Уйду далеко-далеко. Буду идти до тех пор, пока не дойду до большого города. А там стану учиться в большой школе. – Он выпалил это с такой решительностью, что даже тетка не могла не принять угрозы всерьез. Она подошла к нему и обняла.

– Маленькие дети не должны быть такими упрямыми. Ты умный мальчик. В доме у вас беспорядок, посуда не мыта, белье не постирано. Отец все время в поле, а ты бродишь голодный. Кто-то ведь должен за всем этим смотреть?

– Все равно уйду... Не уговаривайте...

Теткины слова все же укололи малыша. С тех пор как умерла мать, им с отцом приходилось действительно нелегко. Но он все равно не желает, чтобы в дом, где раньше жила его мама, пришла чужая женщина и начала хозяйничать.

Детская впечатлительная душа Эркинбека чувствовала, что в доме готовится важное событие, которое изменит всю его жизнь. Мальчик видел и понимал: отцу очень трудно, он всегда такой печальный. Приезжает с работы поздно, а дома пусто, неуютно. Каждый раз начинает сам готовить ужин. «Ну и что же, что отцу трудно? Я все равно уйду из дому», – решил мальчик.

Ырыс проветрила и выколотила постель, занесла ее в комнату, навела порядок и ушла домой.

Эркинбек на этот раз никуда не пошел и печально просидел весь день у дома. Дважды приходил к нему Кемел, знал его поиграть, но Эркинбек наотрез отказался.

Сегодня Кожомкул вернулся с работы немного раньше обычного. Когда он, мурлыча себе под нос, въехал во двор, то увидел, что сын сидит на той самой ступеньке, на которой вчера сидел с ним вместе.

– Эркин! – окликнул встревоженный отец.

Мальчик, обрадовавшись голосу отца, вскочил, но тут же спохватился и произнес обиженным тоном:

– Какого ты плохого козленка привез мне, папа. Он ничего не ест.

– Проголодается, так будет есть, – ответил отец.

Он подхватил подбежавшего к нему сына на руки, подбросил его несколько раз вверх, а опустив на землю, почему-то тяжело вздохнул, подперев рукой щеку, долго смотрел на летнюю печь и на сына, который понуро стоял с ним рядом. Потом медленно двинулся к печке. Эркинбек только теперь увидел, что в печке до сих пор лежит вчерашняя зола. Ему стало стыдно, ведь мог же он убрать хоть золу. Он подбежал к печке, быстро выгреб золу совком в медный тазик и помчался высыпать ее на задворки. А когда вернулся, увидел, что

отец уже наложил кизяк в печку, но не может никак разжечь. Весь в пыли и в золе, он выглядел таким измученным, таким изнуренным.

– Папа! – тихо выдавил из себя мальчик.

Кожомкул, не отрываясь и не поднимая головы, продолжал раздувать кизяк.

– Папа! – со слезами на глазах почти выкрикнул Эркинбек.

– Что тебе, сынок?

Эркинбек виновато потупил взгляд.

– Папа, я... Я, пожалуй, не против...

Кожомкул сразу же догадался, о чем хотел сказать сын. Стремительно поднявшись, он подхватил сына на руки и посадил к себе на колени. Так они и застыли перед разгорающимся кизяком, безотрывно глядя на языки желтого пламени.

Закипел чайник, отец и сын так же молча сели за чай. А как только легли спать, Кожомкул сразу же крепко, с богатырским храпом заснул.

«Бедный папочка, наверно, он сильно устал!» – подумал мальчик. Спать ему почему-то не хотелось.

А к тому же сегодня полнолуние, вокруг светло-светло и до того красиво, как в сказке. Эркинбек лежал на спине и смотрел на далекие вершины гор. «Если бы я вскарабкался на эти горы, то увидел бы весь мир», – думал он. Вдруг поблизости раздался чей-то Жалобный писк. Писк повторился, кажется, у самого уха. «Может быть, это отец?» – подумал Эркинбек и взглянул на спящего. Нет, его спокойное посапывание совсем не было похоже на этот странный звук. А загадочный писк раздался в третий раз.

«Ба! – догадался мальчик. – Да ведь это же козленок! Я и забыл совсем о нем. Бедняга за два дня даже крошки хлеба не съел! Хорошо, что я сегодня не сплю. Может, отца разбудить?» Но, подумав, мальчик решил обойтись без него. Осторожно выбравшись из-под одеяла, он опасливо подкрался к сениям и тихо-тихо приоткрыл дверь. В лунном свете, падавшем через крошечное оконце, четко вырисовывался силуэт дикого козленка.

– Бя-а! – заблеял он, повернув голову к двери. Мальчик увидел его сверкавшие в лунном свете глаза, и ему стало не по себе. С опаской осмотревшись вокруг, он подсел к эличонку.

– Бя-а! – снова проблеял он прямо ему в лицо. Мальчик с грустью посмотрел на измученное животное.

– Я не понимаю твоего языка. Хлеб ты не ешь, молоко не пьешь, что же мне с тобой делать? – Эркинбек обнял козленка за шею и горько расплакался.

То ли от жалобного плача Эркинбека, то ли отцовское чутье подсказало, что сына нет в постели, Кожомкул вдруг проснулся и громко крикнул:

– Эркинбек!

Мальчик посчитал себя виновным в том, что разбудил отца, и побоялся отозваться. Кожомкул заволновался.

– Эркинбек, где ты? – крикнул он во второй раз. Эркинбек снова не ответил. Отцу откликнулось только эхо со стороны гор. Кожомкул, прямо как был в исподнем, выбежал на улицу и начал громко звать сына. Тишина. Тут он вспомнил о диком козленке и побежал в сени. Заслышав приближающиеся шаги отца, Эркинбек притих, стараясь не дышать. Когда Кожомкул увидел, что сын сидит возле козленка, крепко обняв его за шею, сердце его сжалось.

– Сынок, что ты здесь сидишь? – спросил он.

Эркинбек, не шелохнувшись, продолжал держать в объятиях козленка. Видя состояние сына, отец молча смотрел на обоих.

“– Папа, дикий козленок – не привыкает ко мне”, – сказал, наконец, мальчик и горько расплакался. Кожомкул заметил при лунном свете, как несколько его слезинок упало прямо на спину козленка.

– Сынок, что с тобой? Ведь не брат же он тебе родной. Чего ты плачешь? Ну и что оттого, что он голодный? Козы крепкие и выносливые животные. Не пропадет, – проговорил

отец и, взяв сына за руку, повел к двери. Но слова отца не смогли утешить сердце мальчика. «Неужели мой отец настолько жестокий?» – думал он, лежа в постели, а горячие слезинки все скатывались и скатывались на подушку. Он готов был снова пойти к животному, но стеснялся отца. И вскоре уснул крепким детским сном.

А когда он проснулся и вышел на улицу, там уже давно начался трудовой день. Он заглянул в сени. Дикий козленок лежал неподвижно, видимо, отдыхал. От хлеба, который Эркинбек еще вчера бросил к его ногам, не осталось ни крошки.

– Вот здорово! – обрадовался мальчик и сбегал за новым большим куском лепешки.

Козленок понюхал хлеб, но есть отказался и этим снова горько обидел Эркинбека. «Может быть, он пить хочет?» – догадался, наконец, мальчик и притащил в миске воды. Козленок выпил ее всю до последней капли.

Проходили дни, и несмотря на то, что дикий козленок, казалось, уже привык к Эркинбеку, он худел прямо на глазах.

Однажды после полудня козленок вдруг принялся беспрестанно блять.

– Кушать хочешь, да? – участливо спросил Эркинбек и бросился за едой.

– Бя-а! – продолжал надрываться козленок, не притрагиваясь к пище.

– А-а! – разрыдался и Эркинбек. В отчаянии он выскочил на улицу. И, прислонившись к тополи, горько проплакал чуть не до самого вечера. «О маме своей соскучился, – неотвязно вертелось у него в голове. – Он, бедняжка, сейчас, как и я, живет без мамы».

А вечером, когда отец вернулся с работы, Эркинбек даже не вышел его встречать. Заметив состояние сына, отец поинтересовался кто его обидел, но тот отрицательно покачал головой.

«Может, ребята уже сболтнули ему о том, что собираюсь привести в дом Айшу?» – подумал он.

В это время торопливо, как всегда, прибежала тетка Ырыс.

– Что это вы, отец с сыном, врозь смотрите: один в землю, другой в небо? На кого разобиделись? – раздался ее трескучий голос.

Эркинбек только молча и недружелюбно посмотрел на тетку. Во взгляде Кожомкула она тоже прочла что-то вроде упрека: «А что же нам остается делать, раз уж все так трудно складывается?»

– Эркинбек, послушай, что я тебе скажу, – наклонилась тетка к малышу. – Мы от тебя ничего не скрываем. Мне просто больно становится за вас. Ну что у вас за семья? – она вопросительно посмотрела на Кожомкула и продолжала: – До каких пор так вот будете жить? Ты ведь хорошо знаешь тетю Айшу? У нее есть такой же сын, Темирбек, твой ровесник.

«А, значит, отец решил жениться на матери этого краснощекого Темирбека».

Ырыс, обрадованная покорным молчанием Эркинбека, принялась греметь посудой на кухне. Эркинбек почти не прикоснулся к ужину. Вымыв посуду и постелив отцу и сыну постель, Ырыс поспешила домой.

И эта ночь была такой же лунной. Лежа в постели, Эркинбек долго смотрел на полную луну и все думал о последних словах тети Ырыс. «А вдруг мы поссоримся с Темирбеком? Мать, конечно, заступится за сына. Нет, я все равно убегу».

В это время козленок опять заблеял.

«Вот и козленок тоже соскучился по матери. Так же, как и я», – подумал мальчик и, поднявшись с постели открыл дверь в сени. Козленок, увидев Эркинбека жалобно закричал. Мальчик обнял его за шею.

– Мы с тобой оба сироты. Я тоже соскучился по маме. – пролепетал он и расплакался – Кто тебя разлучил с матерью? Кто сделал сиротой? Папа или я?

Не вытирая слез, мальчик подбежал к спящему отцу и начал его тормошить.

– Папа, папа!

Кожомкул проснулся, протер глаза и, увидев сына, плачущего и встревоженного,

испугался.

– Что с тобой случилось?

– Дикий козленок соскучился по матери все плачет и плачет. Это мы с тобой сделали его сиротой – ответил мальчик, всхлипывая и обнимая отца.

– Вот я завтра же зарежу твоего козленка и приготовлю тебе великолепный суп!

– Ой папа что ты! Не режь его, не режь! – завопил на всю улицу мальчик.

– Ну ладно ладно не буду резать, это я просто пошутил – успокоил отец, укладывая в постель сына. А Эркинбек все еще продолжал всхлипывать.

– Если ты будешь плакать – повысил голос отец. – то я твоего эличонка действительно завтра зарежу.

Эркинбек стих и притворился заснувшим.

На небе плыла полная луна, вокруг стояла глубокая тишина, и только собаки оберегая покой людей изредка перекликались между собой. Эркинбек уже начал было засыпать, как вдруг услышал храп отца. Он приподнялся и заглянул ему в лицо. Черные усы отца слегка пошевеливались от дыхания. Это вновь навело ребенка на грустные мысли. Вот женится отец не Айше. А вместе с ней придет и Темирбек. Увидит его козленка и скажет: «Папа, зарежь его мне». Темирбека, конечно, поддержит мать. А отец? Разве он захочет обидеть свою жену? Он вытащит ножик и направится прямо в сени. В воображении мальчика поплыли картины одна страшнее другой. Вот он ясно увидел кровь козленка, голову, отсеченную от туловища. А потом вроде услышал блеяние, после того как животное уже зарезали. Эркинбек чуть было не вскрикнул от ужаса, но сдержался и только заерзал в постели. «А что, если разбудить отца и попросить его еще раз, чтобы он не резал козленка? Только послушает ли он?»

Вдруг отец что-то забормотал во сне, перевернулся на другой бок, заскрипел зубами, и лицо его сразу приняло какое-то злое выражение. Мальчик испугался. «Если я его разбужу, он опять начнет ругаться. Скажет, надоел мне козлик, завтра же мы из него сварим суп...»

А из сеней опять донеслось жалобное блеяние козленка. Мальчик осторожно выбрался из-под одеяла и снова взглянул на отца. Лицо его было по-прежнему сурово и немое, будто он злился на кого-то. Эркинбек на цыпочках добрался до сеней и открыл дверь. Козлик сразу же вскочил с места, словно только и ждал появления мальчика. Эркинбек бросился к нему и крепко-крепко обнял несчастного друга.

– Мы оба с тобою сироты. Ты соскучился по маме? Я тоже очень, очень тоскую по своей. Если я тебя отнесу на бугор и отпущу, ты найдешь свою маму?

Козленок запрядал ушами, словно одобряя все то, что сказал ему мальчик. Тогда Эркинбек, крепко обхватив козленка, приподнял его и понес вдоль улицы. Собаки провожали его дружным лаем: он мешал им спать. Эркинбек добрался до бугра, что находился в двухстах метрах от дома, и осмотрелся вокруг. Потом поцеловал козлика в шею.

– «Ну, иди», – сказал он и отпустил козлика на волю, – беги к своей маме. – Козлик глянул на Эркинбека и вприпрыжку поскакал за бугор.

«Ой, совсем забыл ему сказать, чтобы передал моей маме если увидит ее пусть скорей приходит домой!» – сокрушенно подумал мальчик.

– Эркинбек! – донесся до его слуха громкий голос отца.

«Зовет! Отозваться или промолчать? Нет, теперь уже дело сделано».

– Папа, я здесь! – весело откликнулся сын и словно человек совершивший героический поступок стремглав спустился с холма. Отец ждал его на улице.

– Что это тебе вздумалось бродить по ночам? – схватил он его за руку.

Эркинбек сначала помолчал немного, потом засунул палец в рот.

– Я отпустил его.

– Кого, эличонка?

– Да.

– Зачем? – остановился в недоумении отец.

– Ты сказал, что зарежешь его, и мне стало его жалко. Он ведь тоже соскучился по

своей маме.

«Весь в покойную мать. Как мало я знаю своего сына! – горестно промелькнуло в голове Кожомкула. – Трудно будет привыкать такому мальчику к мачехе. Видно, придется крепко-крепко передумать все заново».

Шершавая ладонь его осторожно легла на плечо сына. Низко опустив голову, Эркинбек зашагал рядом с отцом.

Рассказ и счастье

Лежит нас в палате пятеро. На самой крайней койке – парень лет девятнадцати, с впалыми глазами и выступившими сизыми венами на бледных руках.

Ранение его опасно – сотрясение мозга. Парень свалился с машины.

Он протяжно и непрерывно стонет, нам не уснуть, не забыться. Но сегодня ему, кажется, лучше, и он рассказал нам, как упал.

Моему соседу, старику с коротко остриженной бородкой, стало жаль парня, и он ободрил его:

– Все-таки ты счастливый, сынок. Радуйся, что жив остался. Поправишься. Простые, душевные слова старика вывели молодого человека из задумчивости, он встрепенулся.

– Нет у меня счастья и не будет после выздоровления.

Мы смотрели на него с недоумением.

– Здесь нет ничего удивительного, – сказал он, начиная свой рассказ.

– Когда началась война с фашистами, я был совсем маленьким. Старшие три брата ушли на фронт. В семье нас осталось двое: мать и я. Ежедневно вечерами мы сидели у очага и просили Бога сохранить жизнь братьям. Это вошло в привычку. Мать горячо мне объясняла:

«Вот закончится война, наши победят, вернутся с победой твои братья и принесут с собой в наш дом счастье».

«Мама, а мам! Что такое счастье?» – назойливо приставал я.

Она задумывалась, ища ответ, и коротко отвечала:

«Дождешься своих братьев, тогда и узнаешь, что такое счастье».

Однажды я пришел к соседскому сыну Асанбеку и вижу: лежит он ничком на полу и плачет. Я прислушался.

«Папочка, когда ты вернешься? Я так соскучился! Или ты меня больше не любишь? Я стал взрослым, уже совсем не реву и не капризничаю».

«Сыночек, родной, хватит тебе плакать. Скоро отец твой победит врага и вернется к нам живым и здоровым. Пусть все несчастья лягут на голову нашего врага!» – так говорила мать Асанбека.

Я теперь все понял: счастье воюет сейчас с врагом. Мать ведь говорит, что, когда кончится война, приедут братья, а вместе с ними в дом вернется счастье. Я теперь все знаю, все. Наконец победили врага. Кончилась война. Вернулись живыми и здоровыми мои братья. Мы с матерью от радости плакали в три ручья. Но счастье не показывалось.

«Мама, ты говорила, что с ними вернется и счастье. Где оно?» – улучив момент, шепнул я осторожно.

Мать рассмеялась:

«Живыми и здоровыми вернулись твои братья. Что еще тебе надо? Это и есть для нас настоящее счастье».

Этим словам я не поверил. «Обманывает меня мать. Счастье, наверное, получило на войне смертельную пулю и погибло. Мать что-то скрывает от меня». Подумав так, я успокоился.

Проходили дни. Однажды мать радостная вернулась из магазина с большим узлом в руках.

«Сынок, ты уже большой, тебе восьмой год завтра я отведу тебя в школу, где ты будешь учиться. Этот год будет самым счастливым в жизни. Помни всегда об этом. А здесь, в узле, для тебя одежда, портфель...»

Ночью я не смог уснуть, мне так хотелось увидеть завтрашний день и счастье. «Получается так, что счастье обошло наш дом и тихонько вошло в школу. Не зря девочки по соседству часто поют, что «мы счастливая детвора». Если бы мать не скрывая сказала мне давно эту правду, все обошлось бы гораздо проще; я пришел бы в дом счастья, подружился с его сыном, и мы стали бы самыми лучшими друзьями. Я был недоволен матерью, но это быстро забылось. На другой день я пришел с мамой в школу, смотрю во все стороны и думаю: «Кто же здесь счастье?» Мне казалось, что кто-то сейчас цапнет меня за руку и крикнет: «Я счастье!» Но, к сожалению, этого не случилось. Счастье не появилось.

Прошло много времени. Я свыкся с мыслью, что не найду счастья, и перестал о нем думать. Иногда, вспоминая, что когда-то я сравнивал счастье с человеком, я смеялся над собой. Я мечтал, что стану счастливым, если получу по трудному предмету «отлично» или вскарабкаюсь вон на тот бугорок. Эти поиски счастья вскружили мне голову особенно тогда, когда я кончил среднюю школу: «Эх, поступить бы в желанный институт! Счастливее меня не было б человека! А вдруг я провалюсь на конкурсе? Какими глазами буду смотреть людям в лицо? Нет, это будет невыносимо!» От таких мыслей было беспокойно на душе. Но мечта моя сбылась – я стал студентом, а счастья я так и не встретил.

Говорят, «Кто не нюхает цветок любви?» И правда, встретив хорошенькую девушку, я попался к ней в сети. При встречах я краснел, немел, бледнел, мне мешали и руки, которые неуклюже болтались, словно были не мои, а чужие, и ноги, которые плясали непонятный танец. Да, я робел. Когда ее не было со мной, я строил воздушные замки, мечтал. Без нее, думал я, нет счастья. Но стоило ей показаться, как я тяжело вздыхал, начинало сильнее биться сердце. Я даже не мог набраться смелости подойти к ней, посмотреть ей в глаза и сказать слово. «Вот беда-то, если бы хоть раз улыбнулась мне, я почувствовал бы себя сидящим на лодке счастья».

И вот мы нашли с ней общий язык: взялись крепко за руки и смело вступили в жизнь. Но счастье упорно не показывалось...

Дойдя до этих слов, парень умолк и уставился в окно; на некоторое время он задумался. Все мы молчали.

– Ну, а дальше? – вырвалось у меня.

Парень повернулся на бок, коротко закончил:

– Дальше? Дальше я лежу с вами в палате – и только. – Он вздохнул – Большое счастье нужно для человека. Этого трудно добиться. Ведь человек – точно крылатая птица. Птице хочется подняться все выше и выше, так же и человеку: стал счастливым, а все ему кажется мало.

Парень вопросительно посмотрел на нас. Мы все молчали, казалось, что каждый из нас думает о счастье.

Коргон – глинобитный забор.

Айыл – село.

Суюнчи – вознаграждение за хорошую новость.

Борсоки – кусочки теста, сваренные в жире.

Кемсел – женская одежда.

«Чалкан» – сатирический журнал.

Союзш – подарок; обычно животное, предназначенное на убой.

Арстан – лев.